

穆斯林的葬礼

Хо Да

Мусульманские похороны

Хо Да

Мусульманские похороны

Международная издательская компания «Шанс»

1987

УДК 82-31
ББК 84

Да Х.

Мусульманские похороны / Х. Да — Международная издательская компания «Шанс», 1987

ISBN 978-5-907853-11-9

В этом романе-эпопее, получившем престижную литературную премию Мао Дуня, рассказывается история мусульманской семьи потомственных резчиков по нефриту – история любви, объединяющей поколения, культуры, религии и народы. Первое издание романа разошлось тиражом более 2,5 миллионов экземпляров, и книга до сих пор является одним из бестселлеров на китайском книжном рынке. Для широкого круга читателей.

УДК 82-31
ББК 84

ISBN 978-5-907853-11-9

© Да Х., 1987
© Международная издательская компания «Шанс», 1987

Содержание

Бин Синь. Вступительное слово 6
Предисловие автора. Обращение к читателям двадцать лет спустя 7
Вступление. Лунный сон 9
Глава 1. Нефритовый Демон 12
Глава 2. Месяц одинокий 29
Глава 3. Нефритовая река 43
Глава 4. Месяц ясный 63
Глава 5. Судьба нефрита 82
Глава 6. Лунный свет 104
Конец ознакомительного фрагмента. 121

Хо Да
Мусульманские похороны

© ООО «Международная издательская компания «Шанс», перевод, оформление, 2026
© ООО «Пекинская издательская группа», 2020

Бин Синь. Вступительное слово
Замечательная книга

Мое[1] знакомство с творчеством Хо Да началось с книг «Погибший за родину» и «Народ считает пищу своим небом». Молодая писательница мне понравилась: я увидела, как горячо она любит свою родину и свой народ. Я не знала, насколько она творчески плодовита, не читала ни ее киносценариев, ни театральных пьес. О том, что она принадлежит к народности хуэй[2], я узнала только тогда, когда она подарила мне свой роман «Мусульманские похороны», – и тогда же я поняла, что у нее удивительный литературный талант.

Мне мало что известно об этой народности, поскольку ни одного ее представителя среди моих родственников и друзей нет. Мои знания ограничивались тем, что хуэйцы любят чистоту, не едят свинину, что мужчины носят белые шапочки, как у врачей, а в Пекине есть улица Нюцзе, где живут в основном хуэйцы и где есть мечеть, – вот и все.

Начав читать роман «Мусульманские похороны», я будто вошла в неизведанный мир. Почти каждая деталь повествования открывала для меня что-то новое, за исключением отрывка о жизни и учебе главной героини, Синьюэ, в Пекинском университете, поскольку его кампус находится там, где когда-то располагался Яньцзинский университет[3]. Прекрасные пейзажи, озера и пагоды этих мест хорошо мне знакомы и любимы мной с юности.

Думаю, что этот роман – удивительный, диковинный цветок в многообразном мире современной китайской литературы, выдающийся на ее фоне и существующий независимо. Его сюжет и стиль вызвали сенсацию, о размахе и глубине которой хорошо знают даже те, кто книгу не читал.

Роман переведен на несколько языков, и хотя за рубежом он публикуется с некоторыми сокращениями, очень важно, что теперь миллионы читателей во всем мире узнают, что среди пятидесяти шести национальностей Китайской Народной Республики есть десять мусульманских, а среди одного миллиарда китайцев есть молодая писательница из народности хуэй, которая в истории о жизни своего народа, рассказанной на китайском языке, описала китайский характер. В нашей стране роман был оценен по достоинству и получил множество в высшей степени благоприятных отзывов, но как гласит пословица, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Я счастлива, что наши зарубежные друзья получили возможность прочесть эту удивительную книгу.

Июль 1990 года, Курбан-байрам
Написано специально для издания романа «Мусульманские похороны» за пределами Китая и опубликовано 18 августа 1990 года в газете «Вэньибао».

---

[1] Бин Синь (1900–1999) – китайская писательница и поэтесса, сторонница развития нового литературного языка – байхуа. – *Здесь и далее, если не указано иное, – примеч. ред.*

[2] Хуэй (хуэй-цзу, хуэйцы, «народность хуэй») – одно из национальных меньшинств КНР. Их отличие от основного населения является не столько языковым, сколько культурно-религиозным, так как хуэйцы на протяжении веков исповедовали ислам.

[3] Яньцзинский университет существовал в Пекине с 1919 по 1949 год. В 1919 году Бин Синь стала студенткой медицинского факультета женского колледжа, впоследствии вошедшего в состав этого университета.

Предисловие автора. Обращение к читателям двадцать лет спустя

В конце августа 1987 года я поставила последнюю точку в романе «Мусульманские похороны». Я чувствовала себя страшно уставшей, но не сразу отложила рукопись. С любовью и глубокой нежностью еще раз перечитала страницы, словно вышедшие прямо из моего сердца, ставшие частью меня самой, и приступила к написанию послесловия, которое закончила на рассвете первого сентября. До сих пор хорошо помню последнюю фразу: «Пожалуйста, примите ее так, как мать принимает в руки новорожденное дитя».

Эту фразу я адресовала редактору и читателям. В тот момент младенец покинул материнское чрево, ему перерезали пуповину, и он оказался в этом мире.

Прошло два десятилетия. Теперь это не младенец, а взрослый юноша. Когда мать оглядывается и смотрит на свое дитя, которое двадцать лет странствует по миру, ее охватывают разные чувства. Благодаря милости Аллаха ребенок вырос здоровым и построил прекрасные отношения с людьми. Я говорю так не потому, что вскоре после рождения мой роман получил литературную премию Мао Дуня[4]. Для меня важнее то, что у него появилось много искренне любящих его читателей. Согласно неполным статистическим данным столичного издательства «Бэйцзин чубаньшэ», общее количество читателей за двадцать лет достигло почти полутора миллионов, не считая тех, сведения о ком поступили от других издательств: «Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ» («Народная литература»), «Тайвань гоцзицунь вэньку шудянь» («Тайваньское книгоиздательство» “Библиотека мировой деревни”»), «Чжунго вэньсюэ чубаньшэ» («Китайская литература») и «Вайвэнь чубаньшэ» («Издательство литературы на иностранных языках»). О пиратских изданиях, общий тираж которых не поддается учету, не стоит и говорить. К тому же ряды читателей множатся за счет того, что экземпляры книги передаются из рук в руки – родственникам, знакомым, друзьям. До невероятного количества аудиторию расширили трансляции чтения романа на Центральном народном радио и Международном радио Китая. Письма от читателей и слушателей летели ко мне, неисчислимые, как снежные хлопья. Их писали и уважаемые старшие коллеги по литературному цеху, и соотечественники-мусульмане, кровно со мною связанные, и пожилые люди, немало испытавшие на своем веку, и студенты, терпеливо преодолевающие тяготы усердной учебы. С подавляющим большинством из них я никогда не встречалась, и мы сблизились лишь из-за этого романа, который соединил наши души. Многие читатели случайно увидели мою книгу у своих друзей или однокашников и, полистав ее мимоходом, не смогли с ней расстаться. Многие с чашкой чая в руке, в перерывах между работой или учебой, слушали ее по радио и с нетерпением ждали продолжения. В письмах они открывали мне свою душу, и я слышала биение их сердец. Благодаря моей книге часть соотечественников-мусульман стала лучше понимать свой народ и задумалась о национальном самоуважении, о национальной гордости. От нескольких своих читательниц я слышала, что они выросли на моей книге, и «Мусульманские похороны» изменили их судьбы. Некоторые из моих молодых друзей говорили, что мой роман повлиял на них сильнее, чем какая-либо другая книга, поскольку помог им понять, как нужно жить, и сопровождал их на жизненном пути. Их искренняя любовь к этому произведению глубоко меня трогает, однако я не заслуживаю этих похвал. «Мусульманские похороны» – это не историческая книга, не учебник, а литературное произведение. Я не специалист по этнической истории, не профессионал в области религиоведения, а обычная представительница народности хуэй, набожная мусульманка, писательница,

[4] Премия Мао Дуня – литературная премия, учрежденная в 1982 году Союзом китайских писателей в соответствии с завещанием его первого председателя, писателя и общественного деятеля Мао Дуня (1896–1981).

горячо любящая свою родину и свой народ. Я просто описала жизнь отдельной мусульманской семьи из Пекина, рассмотрев ее через призму своего опыта, своего понимания, что, конечно, не исчерпывает опыт всего народа. Я не философ, у меня нет способности к предвидению – как я могу влиять на судьбы людей, менять их жизни? Я вовсе не считаю, что мое произведение обладает такой сверхъестественной силой. Я лишь верю, что во время чтения человек вкладывает собственное понимание жизни в историю, рассказанную автором, и творит ее вместе с ним. Лучшие литературные произведения всех времен сохранились благодаря тому, что их много читали, ведь книги живут в сердцах людей. Читательский выбор и исторический отбор очень похожи: оба могут быть и хладнокровно-безжалостны, и определяться чувствами.

Некоторые читатели горячо обсуждали со мной художественные приемы, использованные в романе «Мусульманские похороны», и это заставило меня вспомнить слова одного писателя старшего поколения: «Пусть лучше вдохновение ищет меня, чем я буду искать вдохновение». Я думаю, что в определенном смысле автор – не хозяин своего произведения, а литературное творчество – это удивительный процесс взаимодействия: ты все-таки ищешь его, а оно ищет тебя. Чтобы найти наилучшую форму, ты перебираешь варианты, словно ищешь в толпе нужного тебе человека, вглядываясь в незнакомые лица, а она уже существует в виде законченного, живого художественного образа и ждет, когда ты ее обнаружишь. Такое творческое состояние для автора – не аскеза, а наслаждение. Роман «Мусульманские похороны» не был выстроен по авторскому плану, а следовал собственным внутренним закономерностям и «вырос» сам собой. Рукопись была опубликована в двух выпусках журнала «Чанпянь сяошо». Когда была опубликована первая часть, у второй имелось лишь оглавление, но я оставалась спокойной, ведь однажды зачатая жизнь рано или поздно обретает плоть и кровь.

Я давно позабыла муки разрешения от бремени; мне остались лишь чувства матери, горестно вздыхающей об ушедших годах: ее ребенок вырос, она состарилась. Но стоит радоваться тому, что, пройдя через двадцатилетние перипетии, мое детище обрело такую жизненную силу. Раз я отдала его читателям, то пусть оно продолжает жить среди них. Я выражаю искреннюю признательность каждому и благодарю всех за те двадцать лет, в течение которых они любили и оберегали мое дитя. Надеюсь, что так будет и впредь.

Написано в кабинете Фуцзяньтан
29 августа 2007 года

> *О Аллах Всемогущий, прости нашим живым и мертвым, присутствующим и отсутствующим, малым и старым, мужчинам и женщинам.*
>
> *О Аллах Всемогущий, те, кому Ты даруешь жизнь, дай им возможность жить в соответствии с Исламом. Те же, кого Ты забираешь, предоставь им возможность уйти с верой.*
>
> *О Аллах Всемогущий, воздай нам благом за него [за совершенную над ним погребальную молитву] и не сбивай нас с пути правильного после смерти его.*
>
> ***Мусульманская погребальная молитва***

* * *

Вступление. Лунный сон

Она приехала на рассвете. Такси остановилось на перекрестке; она вышла из машины и огляделась. Затем пошла вперед, пересекая хорошо знакомые улицы и переулки.

На ней были белая рубашка с короткими рукавами, белая юбка европейского покроя и белые кожаные туфли. Она была почти вся в белом, худенькая, элегантная, со светлой кожей, овальным лицом, кристально чистыми глазами, высокой и прямой переносицей и сжатыми губами без следов помады. На шее проступали две тонкие серповидные прожилки. Слегка вьющиеся длинные волосы свободно падали на плечи. Ни в ушах, ни на шее не было никаких украшений. Хотя в ее черных волосах виднелась седина, она не выглядела постаревшей. Те, кто ее не знал, не могли бы представить, какой она была в молодости.

Она шла быстро: багажа у нее не было, в руке она держала только белую круглую бумажную коробку.

Она будто очнулась после долгого сна. Слабые утренние лучи солнца, тихие переулки. Иногда мимо нее проезжали на велосипедах или проходили те, кто рано встал, – люди несли свой завтрак, вели за руку детей… Она чувствовала какой-то хорошо знакомый аромат. А прохожие ее не узнавали – никто даже и не взглянул на нее.

Она посмотрела вокруг. Небо и земля были серые, кирпич и черепица тоже. Стены фасадов, непрерывно подвергавшиеся натиску времени и ветра, много раз ремонтировались, их чистили золой, красили в красный цвет, писали на них лозунги, но они снова покрывались пылью, ветер и дождь срывали с них верхний слой, они снова становились обшарпанным, их цвет сливался с цветом утреннего тумана. По краям дороги чернели деревья, на крышах между кусками черепицы зеленела трава.

Вдалеке струился дым, идущий из кухонной печи. Утренний туман прорезало единственное высокое здание, островерхая крыша которого была похожа на пагоду и блестела глазурованной оранжевой черепицей. То был минарет, откуда пять раз в день доносились призывы: «Аллах Велик! Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – Его посланник. Спешите на молитву!»

Это квартал Дар-аль-ислам, здесь живут правоверные мусульмане, и это часть особого мира посреди мира прочих живых существ.

Мир этот огромен. Пророк Мухаммед распространил волю Аллаха по всему свету, пролив на человечество дух доброты, справедливости, самодисциплины и честности, и на земном шаре сегодня больше восьмисот миллионов мусульман.

Но эта часть исламского мира совсем крохотная. В Пекине, древней столице, где живет восемь миллионов человек, число мусульман составляет всего сто восемьдесят тысяч. Они разбросаны по всему городу, а некоторые живут вокруг этой старой мечети. Говорят, что когда-то этот район был пышным фруктовым садом с гранатовыми деревьями.

Еще в седьмом веке с запада в империю Тан пришли арабские купцы с белыми тканями на головах. Они освоились на этих землях, женились, родили детей, и остались жить здесь. В 1219 году Чингисхан направил свои войска на запад, а в 1258 году Хулагу[5] занял Багдад. К западу от Памира и к востоку от Черного моря земли мусульман постоянно подвергались набегам монголов. Завоеватели вынуждали покоренных переселяться на восток. Среди них были и плененные ремесленники, и простой народ, и члены аристократических арабских семейств. Конечно, были и купцы, пришедшие сюда добровольно вместе с открытием торговых путей между Востоком и Западом. Бóльшая часть «приезжих» служила в китайской армии, занималась земледелием и ремесленничеством. Некоторые торговали, иные проповедовали религиозные учения, и очень немногие становились чиновниками. Потомки переселенцев редко

[5] Хулагу (1217–1265) – монгольский правитель, внук Чингисхана.

возвращались в родные места: пустив корни на этой земле, они обзаводились многочисленным потомством, которое тоже оставалось здесь, и так шло из поколения в поколение. В XIII–XIV веках, в документах династии Юань, они были впервые официально обозначены именем, которым сами себя называли – «хуэйхуэй». Так на Востоке появилась новая народность. Из-за исторически неизбежной ассимиляции к ним примешивались ханьцы, монголы, уйгуры и евреи, но сами хуэйцы сохраняли свою независимость и не вливались в другие этнические группы. Огромный Китай – это исконное место проживания многих поколений ханьцев, и хуэйцы, не будучи здесь коренными жителями, не могли владеть большими участками земли. Их постоянно вытесняли, переселяли, устраивали на них карательные походы, убивали, и они скитались повсюду в поисках средств к существованию… Постоянно пребывая в меньшинстве, они живут трудно, во всем проявляют осторожность и великое тщание и неизменно веруют в Аллаха. Они верят, что Аллах – единственный Бог, и иного нет, что Он создал землю, небо, силы природы, людей, ангелов и джиннов и правит всем. У Него нет облика, Он всезнающ, всемогущ и присутствует всегда и везде: когда трое разговаривают, Он – четвертый среди них, когда разговаривают четверо, Он – пятый… Аллах всегда с мусульманами. Они покорились Аллаху, приняв Его откровение через Мухаммеда: искренне молиться, быть честными, добрыми и великодушными, жить скромно, не заноситься, не клеветать, защищать свою веру, следовать сунне – примеру и пути Пророка. Они верят в жизнь после смерти и верят в Судный день, когда душа каждого будет принята на небеса или брошена в ад, – всех будет судить Аллах. Они считают, что добрые дела должны вознаграждаться, а зло – не оставаться без возмездия.

Она очнулась ото сна – и вот перед ней снова этот мир, который она так долго искала, такой знакомый, будто время потекло вспять и не происходило ничего, о чем так страшно вспоминать. Но нет, ничто не может повернуть время вспять. Когда она, через столько лет, вернулась в этот мир, здесь все уже стало чужим. Конечно, время состарило не только ее. Она не знала, воздалось ли тем, кому должно было воздаться, и наказаны ли те, кто должен был понести наказание. Нет, ей не нужно было этого знать. Она никогда не помышляла о восстановлении утраченного или о воздаянии за прошлые обиды: она просто хотела помнить все, что следует помнить, и забыть все, что должно быть забыто.

Повернув в один из проулков, она будто оказалась в знакомом сне. Вот старая софора, пережившая несколько людских поколений и видевшее множество бедствий, страданий и житейских бурь; дерево еще живо, лишь ствол одряхлел, а листва все такая же пышная. В прошлом каждую весну оно расцветало гроздьями белых цветов, и аромат наполнял всю округу. Когда дул свежий ветер, лепестки падали словно снег – сыпались ей на голову, на плечи; она отряхивалась, а они вновь ее осыпали.

Сейчас на дереве нет цветов: сезон цветения прошел. Ожидая ее появления, софора расцветала десятки раз и десятки раз осыпалась, а она все не приходила.

И вот наконец она здесь. Пройдя под деревом, она встала перед аркой ворот.

Каждую ночь ей снилась эта арка, снился двор и небо над ним, снилась луна, по которой она тосковала, снились глаза, что невозможно забыть, снился зов, что до сих пор волнует все ее существо…

Из ночи в ночь она предавалась сновидениям. Сны сокращали пространство, сворачивали время, очищали мир. Во сне не было грязи, не было шума, не было зла. Во сне не было расставаний, не было ран, не было страданий. Во сне был лишь мягкий лунный свет, лишь теплая любовь. В своих снах она долго оставалась молодой, и ей не хотелось просыпаться. И все же она проснулась…

Она поддалась порыву, ступила на каменную лестницу из пяти ступеней, протянула руку и погладила створки больших темно-красных ворот.

Ворота были заперты. Она отдернула руку. Она вовсе не боялась увидеть тех, кого не хотела видеть, она спешила увидеть человека, который снился ей каждую ночь, и здесь нечего

скрывать и нечего бояться. Вдруг на серой кирпичной стене, у самых ворот, она заметила белую мраморную табличку, которую никогда прежде не видела и на которой частью в стиле лишу[6], частью – сунским шрифтом[7] было выгравировано:

Организация охраны памятников культуры Пекина
Сыхэюань[8]
Хозяйственное управление памятниками культуры Пекина 1979

Она стояла ошеломленная. Что означает эта беломраморная табличка, которую, очевидно, повесили совсем недавно, в текущем году? Здесь все изменилось?

Ее сердце колотилось, а застывшая на весу рука слегка дрожала. Она хотела открыть ворота и при этом испытывала необъяснимый страх. Она смотрела на их темно-красные створки, будто они были вратами судьбы, определявшими ее жизнь в прошлом и ее теперешнее пристанище с отмеренным ей остатком дней, и не представляла, куда они ее приведут – в рай или в ад. Прежде чем протянуть руку к дверному молотку и постучать о створку латунным кольцом, она минуту переводила дыхание.

За этой границей, разделявшей два мира, хранилось, надолго отрезанное от нее, все, о чем она знала и чего не знала…

[6] *Лишу* (букв. «официальное письмо») – стиль письма, возникший во второй половине III в. до н. э. в связи с необходимостью увеличить скорость письма. Отличался характерной компактной конфигурацией иероглифов и более прямыми линиями. Этот стиль был призван ускорить письмо и сэкономить место. В качестве каллиграфического почерка популярен и по сей день.

[7] Сунский шрифт (*сун ти*) – современный типографский шрифт, который берет начало со времен развития ксилографии и книгопечатания при династии Сун. Для этого шрифта характерна строгая структура, квадратная форма иероглифов и ровные линии с четкими углами.

[8] *Сыхэюань* (букв. «четыре с общим двором») – тип застройки, при котором четыре здания располагаются по сторонам общего прямоугольного двора фасадами внутрь.

Глава 1. Нефритовый Демон

Этот сыхэюань был выстроен по всем правилам.

В серой кирпичной стене была прорезана арка главных ворот, увенчанная двускатной крышей, конек которой с двух сторон украшали фигурки чивэня[9] с широко раскрытой пастью. Край карниза был отделан треугольной черепицей для стока воды. В тяжелые темно-красные створки ворот были вделаны два латунных дверных молотка. В центре каждой помещалась гравировка. Позолоченная парная надпись[10] гласила: «Бесценное сокровище – в свете луны и дыхании ветра». На притолоке выступали два шестиугольных украшения с выгравированными на них иероглифами, означавшими «обширные познания» и «изящество». Надписи отличались от привычных формул – «Долгих лет и достатка», «Обращенный к солнцу дом приветствует весну», «Добродетельное семейство обретает богатство», – и по ним можно было судить о склонностях хозяина. По обе стороны ворот были установлены каменные барабаны, а к высокому порогу вела пятиступенчатая каменная лестница голубовато-серого цвета.

Главные ворота обычно были плотно закрыты. Когда хозяин возвращался домой или приходили гости, они стучали дверным кольцом, и на звук выходила служанка из южной части дома. За воротами располагался декоративный каменный экран[11], почти сплошь покрытый резьбой – только в центре был оставлен выбеленный участок без надписей и рисунков, словно пятно прозрачного лунного света. Снизу, от основания экрана вилось густое ползучее растение: подобно дракону, оно карабкалось вверх по бамбуковым жердочкам и опутывало их. Зеленые листья его пышной кроны свешивались до земли и встречали каждую весну и лето цветением тысяч нежно-розовых жемчужин.

Между экраном и воротами вытянулся узкий передний двор. По южной стене с запада к арке главных ворот примыкал пятикомнатный дом для слуг с приемной для гостей. Сами ворота не располагались по центру, а были смещены к востоку, почти к самому углу, что было обычной для сыхэюаня практикой: ворота должны открываться на юго-восток – это приносит счастье.

Наискосок от главных ворот, на линии центральной оси двора, располагались внутренние ворота. Они связывали передний и внутренний дворы сквозным проходом и играли ключевую роль во всем ансамбле. В отличие от простого и строгого стиля главных ворот, внутренние были украшены богатой резьбой. Их стойки и перекладина были выкрашены в алый цвет и покрыты изящным узором. Из-под стрехи кровли свисало резное деревянное украшение в форме балдахина с тонко нанесенной масляной росписью.

За внутренними воротами находился еще один декоративный экран, не такой, как в переднем дворе, – он был сделан не из камня, а из резного неокрашенного дерева, состоял из четырех частей и был похож на ширму. На нем красовались четыре пейзажа: горы Эмэйшань под луной, лунная ночь в Сучжоу, луна над мостом Лугоуцяо и морские волны лунной ночью. Хотя в каждом пейзаже присутствовала луна, они передавали разное настроение, заставляя тех, кто рассматривал их, погружаться в глубокую задумчивость.

За декоративным экраном начинался внутренний двор. Здесь было два трехкомнатных флигеля – восточный и западный. Главное пятикомнатное здание располагалось на севере и

---

[9] *Чивэнь* – одно из волшебных существ китайской мифологии. Изображался в виде дракона с раскрытой пастью: считалось, что *чивэнь* оберегает дом, проглатывая беды, которые могут на него обрушиться. Поэтому такие украшения, располагались на коньках построек и были очень популярны в традиционной китайской архитектуре.

[10] Парные надписи, или *дуйлянь* – одна из форм традиционной культуры Китая, парные изречения, записанные или вырезанные на различных материалах – бумаге, ткани, дереве – которыми, в виде панно или полотнищ, декорируют ворота, двери домов и другие объекты…

[11] Согласно поверью, такие экраны охраняли дом от проникновения злых духов.

фасадом выходило на юг. Все здания соединялись галереей и образовывали квадратный внутренний двор. В центре внутреннего дворика крестообразно пересекались две дорожки, ведущие к дверям всех флигелей. У входов во флигели были высажены яблони и гранатовые деревья, листвой которых жители дома любовались с весны по осень…

По сравнению с другими пекинскими сыхэюанями этот по размеру был средним. У тех, что побольше, было три или пять дворов, не считая боковых, да еще и сады. Однако с точки зрения архитектурного и художественного мастерства эта усадьба была великолепна. В ее проектировании участвовал сам хозяин, что придало ей необыкновенную изысканность и спокойствие. Удачным было и ее местоположение вдали от оживленных улиц, и, хотя рядом пролегал проспект, с закрытыми воротами она казалась отрезанной от мира. Отсюда было удобно добираться до любого уголка города, все здесь вполне соответствовало требованиям городской повседневной жизни и особенно подходило тем, кто вынужден был постоянно окунаться в людскую суету, но при этом искал уединения. Надписи на воротах, пейзажи на декоративном экране, цветы и деревья во дворе – очевидно, что все эти детали не были неслучайными.

Однако хозяин дома – командир полицейского карательного отряда, носивший черную полицейскую форму с пистолетом на поясе и умевший ловко обращаться с железными наручниками – не отличался ни обширными познаниями, ни изяществом. Говорят, что до него усадьба принадлежала образованному человеку, который пытался честно сделать карьеру чиновника, но разочаровался в государственной службе. Он поселился в уединении и целиком отдался чтению и живописи, любовался циньским кирпичом, ханьской черепицей, старинными вещами и особенно ценил изделия из нефрита, утешая себя тем, что «благородный муж добродетелен как нефрит». Он жил затворником и лишь изредка посещал лавки и мастерские, где продавались изделия из нефрита. Обнаружив сокровище, он выворачивал свои карманы и покупал вещицу, даже если цена была слишком высока. Если денег недоставало, он долго любовался изделием и уходил, только сполна насладившись видом сокровища. Если ему становилось известно, что у кого-то дома хранится красивая вещь из нефрита, он не стеснялся идти туда, даже совершенно не зная хозяев, и настойчиво просил взглянуть на вещь. Когда он состарился, то из-за своего пристрастия получил насмешливое прозвище «Нефритовый Демон». Узнав об этом, пожилой господин даже не рассердился – наоборот, стал гордиться. После своего восьмидесятилетия он мирно скончался, а его непутевые дети и внуки промотали наследство. А потом и хозяин дома сменился: дом отошел к командиру карательного отряда, но все же сохранил дух прежнего владельца.

Весной 1935 года командир карательного отряда внезапно захотел продать свое жилище и поселиться в другом месте. О причинах поспешного переезда сторонние наблюдатели могли только догадываться: скорее всего, из-за обилия денег и власти командиру стало здесь тесновато, поэтому и понадобился новый дом. А может быть, из-за грызни в чиновничьих кругах у него возникли огромные расходы и срочно понадобились деньги… И все же настоящая причина, по которой командиру карательного отряда потребовалось переехать, была иной: дом был хорош, но спокойной жизни в нем не было. Однажды ночью его разбудил странный крик: «Я брошу, я брошу!»

Профессиональная бдительность заставила его подняться с кровати, набросить на плечи халат и выйти во двор. Несколько минут он прислушивался: кругом было тихо. Мягко дул свежий ветерок, двор блестел под луной, словно вымытый – ни одного подозрительного движения он не заметил. Подумав, что ему приснился сон, командир пошел обратно в комнату. Едва он лег, снова раздался крик: «Я брошу, я брошу!»

Командир сразу разбудил жену:

– Слышишь, что кричат на улице?

– Я брошу, я брошу! – прокричали снова.

Жена потерла сонные глаза и сказала:

– Что я должна услышать?

Странно, что она не услышала таких громких звуков… Командир, охваченный сомнениями, лег и всю ночь не мог сомкнуть глаз.

Несколько ночей ему ясно слышались странные крики, похожие на голос старого Нефритового Демона, скончавшегося много лет назад.

Командир исполнял роль вершителя судеб и не должен был бояться давно сгнивших останков и призрака, бродящего в ночи. Однако он помнил, как воспользовался чужой бедой при покупке дома, отобрав его силой и хитростью. Вот и жена сейчас над ним насмехалась: «Только когда на душе есть грех, люди боятся, что привидения постучат в дверь». У него мурашки побежали по коже: он смертельно боялся, что однажды этот голос обретет плоть, бросит гранату и заберет его жизнь. Он не верил, что у него сдали нервы, и все же не мог объяснить это наваждение. Расскажи кому – никто не поверит! Он затосковал, не находил себе места и в конце концов решил, что «бесценное сокровище», которое «в свете луны и дыхании ветра» – не для него, и дом этот надо как можно скорее покинуть.

Известие о том, что дом «Боячжай» продается, быстро разлетелось по городу; и в чайных, и в трактирах люди с живым интересом обсуждали эту тему. Кто-то присматривался к ситуации на рынке, оценивая свои возможности, но большинство лишь поддерживало разговор, желая узнать, кто же в конце концов сможет позволить себе такой дом. Некоторые агенты по недвижимости набирались смелости поиграть с огнем и приходили к нему с предложениями. Командир же всегда брезговал этими людишками: он и сам не промах, своего не упустит – разве мог он позволить кому-то себя ободрать? И вскоре всем стало известно, как он ведет дела: «Кто хочет купить дом, приходите ко мне сами! Посредники на побегушках – держитесь подальше!»

Всех, кто совал нос в чужие дела, он прогнал, и сидел теперь дома в ожидании настоящего покупателя. Он верил, что такую недвижимость нельзя не продать и обязательно найдется прозорливый и богатый покупатель.

Вдруг в ворота постучали. Служанка встретила пришедшего, провела его в приемную для гостей южного флигеля, напротив главного здания, и только потом позвала хозяина. Командир смерил посетителя взглядом: человек лет тридцати, одет в серый халат и синие матерчатые туфли, на голове шляпа. Он был высок и выглядел худощавым. Темное лицо, широкий лоб, прическа на прямой пробор, высокие брови; глубоко посаженные глаза поблескивали черным. Он горел воодушевлением, и вид у него был деловой и решительный. Командиру достаточно было посмотреть один раз. Многолетний опыт общения с разными людьми – он их видел насквозь – подсказал ему, что гость почти наверняка был или канцелярской крысой, или учителишкой. Конечно, он пришел не для покупки дома – возможно, чтобы попытаться уладить какое-нибудь судебное дело. Командир почувствовал подступающее отвращение и холодно спросил гостя, даже не соизволив узнать его имя:

– По какому вопросу пришли?

– Слышал, что вам не хватает места в доме. Хотите сменить? – ответил тот. Он говорил о продаже, но изменил формулировку, чтобы проявить уважение к хозяину.

– Да, – удивленно подтвердил командир и велел служанке принести чаю.

– Не стоит, – сказал посетитель. – Сначала поговорим о деле…

В голове у капитана всколыхнулось: человек говорит напрямик – так спешит купить! Он и сам спешил, поэтому махнул рукой, велев служанке уйти, и заговорил с гостем без обиняков.

– Хорошо, перейдем прямо к делу, к главной теме разговора. Для кого ты пришел смотреть дом? Почему он сам не пришел?

Гость слегка улыбнулся:

– Так я сам и пришел!

– А-а! – командир опешил.

Как это он не разглядел? Да как этот человек сможет купить мой дом? Хотя раз говорит, что хочет купить, придется посмотреть на него другими глазами.

– Ты… Как ваша фамилия? – только теперь он вспомнил, что нужно спросить, как зовут собеседника, и перешел с не очень-то вежливого «ты» на «вы».

– Моя фамилия Хань, – гость привстал и поклонился.

– Господин Хань, – это уважительное обращение отнюдь не означало, что командир изменил свое высокомерное отношение к посетителю, – вы сначала хотите осмотреть дом или узнать цену?

– Смотреть нет необходимости, – сказал гость. – Ваш дом я видел еще до того, как вы здесь поселились. Теперь, когда вы собираетесь переехать, я его куплю, как только назовете сумму.

Командир удивился: оказывается, этот человек уже давно присмотрел для себя его дом и покупает не глядя, – хорошо! Такая сделка повышает статус и продавца, и покупателя. На душе у него стало легко и радостно: кажется, дом действительно хорош! Если бы не этот голос, кричащий у него в голове, он, может, и не стал бы его продавать. Но, увы: он во что бы то ни стало должен покинуть это проклятое место. Поэтому такого серьезного покупателя нельзя было упустить. Командир подумал, накинул к своей изначальной цене еще процентов двадцать и, наконец, ответил:

– Приятно иметь дело с таким человеком. Думаю, что мы договоримся. Отдам вам дом за десять тысяч серебряных юаней.

Хозяин внимательно наблюдал за собеседником, размышляя, сможет ли тот принять его цену, и готовился торговаться.

Но гость произнес только одно слово:

– Идет.

Командир был ошеломлен. Значит, можно было предложить цену и повыше? Он очень хотел поднять ее, но было поздно. Как же быть? И тогда его осенила блестящая идея:

– Есть одно условие, господин Хань. Я продаю только дом, а резной экран за внутренними воротами в сделку не входит, его я вывезу.

– Но ведь… экран – это же часть дома, – ответил покупатель и задумался. – В таком случае я покупаю и дом, и экран, можем обсудить цену.

– Тогда заплатите еще две тысячи! – командир уже понял, кто перед ним, и перестал церемониться.

– Идет, – снова согласился покупатель. – Готовьтесь к переезду.

Сделка успешно завершилась. Командир не ожидал, что все произойдет так быстро.

– Вам придется подождать, пока я съеду, и тогда вы сможете заселиться, – он беспокоился, что покупатель раскроет его тайну и передумает. – Вы ведь должны еще приготовить деньги, не так ли?

– Подождать несколько дней, конечно, пустяки, вы можете не торопиться, – сказал покупатель. – А за деньгами вы можете прямо сейчас отправить человека в мой магазин, чтобы он взял десять тысяч: пусть это будет задаток. А оставшиеся две тысячи вы получите, когда закончите переезд. Что скажете?

Командир буквально онемел от удивления: и откуда только взялся такой покупатель? Торговаться не стал, сразу готов заплатить десять тысяч… Слыханное ли дело? Обычно вполне годится задаток в тридцать процентов. А тут почти вся сумма целиком! Этот человек… Сколько у него денег? Кто он?

– Как, говорите, ваша фамилия? – суетливо переспросил он.

– Моя фамилия Хань.

– Позвольте спросить и имя?

– Хань Цзыци.

– Ой! – в ушах командира это имя раздалось как гром, и он не удержался и вскрикнул. – Вы Хань, владелец магазина драгоценностей? Очень рад с вами познакомиться, давно вами восхищаюсь! Неудивительно…

Он так и не сказал, что именно неудивительно, но стороны поняли друг друга, улыбнулись и пожали руки.

– Этот дом ваш, я продал его настоящему знатоку!

Когда покупает ценитель – это честь и для продавца, и для покупателя. Все остались довольны сделкой. Командир молча ликовал. Он в конце концов выкинул из головы Нефритового Демона, и ему было все равно, что призрак сделает с господином Ханем. А Хань Цзыци ликовал оттого, что спровадил чертового командира, и радовался: давно приглянувшийся ему дом – воплощение «обширных познаний и изящества» – наконец-то окажется в достойных руках.

Вскоре дом «Боячжай» освободили, и он стал резиденцией владельца магазина драгоценностей.

Слава о магазине Хань Цзыци шла по всей столице. Его название – «Цичжэньчжай» – стояло в одном ряду с аптеками «Тунжэньтан»[12] или магазинами «Нэйляньшэн»[13] и Жуйфусян[14], и не знать о нем могли только те, кто вовсе ничего не знал за пределами собственного двора. Разница между этими магазинами состояла лишь в том, что Хань Цзыци имел дело не с облатками, порошками, мазями и пилюлями, и не с кусками ткани, обувью и головными уборами. У его товаров не было ничего общего с необходимыми для жизни предметами: покупателю здесь предлагались старинные изделия из нефрита, жемчуга, бриллиантов и изумрудов. Магазин «Цичжэньчжай» находился за воротами Чжэнъянмэнь, в переулке Ланфан-эртяо, к северу от улицы Дашилань. Если проследить историю этого места до времен юаньского Даду[15], то можно убедиться, что здесь не было оживленной торговой улицы. Рынки, где продавались рис, мука, домашняя птица, ткани, головные уборы, железная утварь и драгоценности, были в то время сосредоточены на севере города. В эпоху Мин[16] торговые ряды переместились к южной городской стене, на улицы у ворот Чжэнъянмэнь. В первые годы правления Юнлэ[17] по официальному указу у четырех городских ворот были построены торговые галереи – ланфаны, которые делились на три класса и сдавались торговцам. Самого богатого торговца выбирали «главой галереи» (лантоу), а в самой галерее был головной ряд (тоутяо) и второй ряд (эртяо) – отсюда и название переулка Ланфан-эртяо. Ко времени династии Цин[18] местность у ворот Чжэнъянмэнь превратилась в процветающий район. Все лучшее в столице сосредоточилось именно здесь, и не было в городе места более нарядного и оживленного. Магазины разрастались, как грибы после дождя, улицы были заполнены торговыми павильонами, всюду собирались приезжие купцы, а толпы гуляющих бродили здесь и днем, и ночью. В то время в ходу была пословица: «На востоке – богатство, на западе – знать, на юге – рыба и птица, в центре – прекрасные драгоценности». Этим «центром с прекрасными драгоценностями» и был торговый район за городскими воротами, а все самое великолепное сосредотачивались в первом и втором рядах торговых галерей. Антикварное дело – это дивный цветок среди профессий, а изделия из нефрита, жадеита[19] и других самоцветов – настоящее сокровище среди всех

[12] «Тунжэньтан» – знаменитая аптека традиционной китайской медицины, основанная в 1699 году в Пекине; ныне – фармацевтическая компания.

[13] «Нэйляньшэн» – известная китайская фирма-производитель обуви. Создана в 1835 году.

[14] «Жуйфусян» – сеть магазинов тканей, в основном шелка, первый из которых был открыт в 1862 году.

[15] Даду – название Пекина в период правления монгольской династии Юань.

[16] Время правления династии Мин – 1368–1644 года.

[17] Юнлэ (букв. «вечная радость») – девиз правления Чжу Ди (1360–1424), императора династии Мин.

[18] Маньчжурская династия Цин – последняя династия китайских императоров, правившая с 1644 по 1911 год.

[19] Жадеит – минерал, по внешнему виду напоминающий нефрит, но более редкий и более ценный.

товаров мира. Как известно, «у золота и серебра есть цена, а нефрит бесценен». Еще в доциньскую эпоху нефритовый диск Хэ[20] оценивался в пятнадцать укрепленных городов; император Дунхунь-хоу[21] периода Южных и Северных династий подарил любимой наложнице янтарный браслет ценой в миллион семьсот тысяч лян серебра; в период Дадэ[22] династии Юань один рубин стоил сто сорок тысяч серебряных слитков; арбуз из жадеита, принадлежавший императрице Цыси, в эпоху Цин оценивался в пятьдесят миллионов лян серебра… По сравнению с этими суммами десять тысяч серебряных юаней, которые Хань Цзыци отдал за дом, были словно камешек, не оставивший даже кругов на воде!

В магазине драгоценностей Хань Цзыци были собраны памятники давно ушедших лет. Эти редкости представляли собой шедевры, вершины мастерства и мудрости, в них была какая-то тайна, которая будила фантазию, разжигала любопытство, – но и вызывала людскую зависть…

Тысячелетняя история столицы – это и история обработки нефрита. Сколько сокровищ она собрала, сколько мастеров вырастила, сколько чудес сотворила! Перед залом Чэнгуандянь дворцового комплекса Туаньчэн в парке Бэйхай стоит огромная нефритовая чаша, в которой подданные хана Хубилая[23] заготавливали вино для его роскошных пиров. Это изделие времен династии Юань вырезано рукой великого мастера из цельного куска нефрита. Его вес достигает трех с половиной тонн – в нем можно было хранить тридцать с лишним даней[24] вина. На создание этой редчайшей по красоте и размеру чаши понадобилось пять лет; мастера юаньского императорского дома вложили в него все свои умения.

В эпоху Мин императорский двор активно приглашал в столицу художников и мастеров, и искусство огранки самоцветов и полировки нефрита развивалось очень интенсивно. Ко времени династии Цин, в годы правления императоров Юнчжэна[25] и Цяньлуна[26], это искусство достигло своего расцвета, и в нем произошло четкое разделение труда. Огранку, полировку, дробление камней производили в специальных мастерских. Круглые сутки для императорского двора изготавливались безделушки, предметы туалета, вещи повседневного обихода, всевозможные вазы, курильницы, кувшины, треножники, чаши для вина, ювелирные изделия, разнообразные украшения – не только для одежды, но и для карет и лошадиных попон, а также столовые приборы и прочее. В императорской мастерской Жуигуань учредили отделение резьбы по нефриту – специально для гравировки больших императорских печатей. В конце династии Цин нефритовое дело пришло в упадок из-за внутренних и внешних проблем. Производство и торговля возродились в Пекине лишь после того, как Европа и Япония оправились от последствий Первой мировой войны и снова начали покупать нефрит. К началу Китайской Республики[27] в Пекине было более сорока ювелирных магазинов, более тридцати нефритовых мастерских и более ста антикварных магазинов – они располагались в районе цветочного рынка за воротами Чунвэньмэнь и в переулках Ланфан-эртяо, Ланфан-саньтяо, Таньэр и Янжоу за главными воротами; целые дни напролет там не утихал шум шлифовальных станков – «Ш-ш-ш!», – а число каменных дел мастеров превысило шесть тысяч! Самыми знаменитыми мастерскими

---

[20] Нефритовый диск Хэ – изделие из редкого белого нефрита, найденного, по преданию, в VIII веке до н. э. которое сыграло роль в различных исторических событиях. Неоднократно переходивший из рук в руки, во времена императора Цинь Шихуанди (259–210 гг. до н. э.) диск был переделан в Императорскую печать.

[21] Дунхунь-хоу (483–501) – император династии Южная Ци.

[22] Девиз правления императора Тэмура (1297–1307).

[23] Хубилай (1215–1294) – внук Чингисхана, пятый Великий хан Монгольской империи, основатель монгольской династии Юань.

[24] Дань – мера объема, равная приблизительно 100 литрам.

[25] Юнчжэн (1678–1735) – пятый император династии Цин, правивший с 1723 по 1735 год.

[26] Цяньлун (1711–1799) – девиз правления Айсиньгёро Хунли, шестого императора династии Цин, годы правления – с 1735 по 1796 год.

[27] Китайская Республика существовала с 1912 по 1949 год, до образования КНР.

были «Баочжэньчжай» за воротами Чунвэньмэнь, «Дэбаочжай» у мемориальной арки Дунсыпайлоу, Фужуньчжай на улице Яншидацзе, «Куйсинчжай» в переулке Ланфан-эртяо, затем шли «Ичжэньжун», «Тяньчжэньчжай», «Цзисинчэн» и другие. В то время мастерская «Цичжэньчжай», располагавшаяся в переулке Ланфан-эртяо, еще не пользовалась известностью. Хотя работали там в поте лица, она не могла занять место среди сильнейших. Это была лавка, располагавшаяся в доме ее владельца и состоявшая из мастерской с двумя витринами и нескольких комнат, где жила его семья. Магазин был маленький; на одной из его стен висела большая табличка с автографом Нефритового Демона, но ни на двери, ни на фасаде не было вывески, и приходили сюда только деловые партнеры, а прохожие думали, что это просто жилой дом. Тогдашний владелец мастерской, Лян Ицин, был искуснейшим мастером по обработке нефрита и превосходно делал все: вазы, курильницы, чаши, изображения цветов, птиц, вооруженных всадников, пейзажи. Кусок неотшлифованного камня он видел насквозь с первого взгляда – чувствовал, какую тот скрывает красоту, каковы его достоинства и недостатки. Он рассекал камень, придавал ему форму и шлифовал, каждый раз превращая невзрачный материал в прекрасное изделие. Хотя Лян Ицин и слыл превосходным ремесленником, но был замкнут, немногословен, да и не очень образован: не умел грамотно выражаться, не обладал деловой хваткой и способностями к конкурентной борьбе. Он безвылазно сидел дома, с головой уйдя в работу. Его изделия поставлялись во множество антикварных магазинов и в большом количестве продавались за границу через Пу Шоучана, владельца магазина «Хуэйюаньчжай», и продавались по хорошей цене, хотя сам мастер получал от заказчика лишь фиксированную оплату. Хотя другие хорошо зарабатывали на его ремесле, он не жаловался и безропотно принимал свою долю. Его выручка была небольшой, поэтому он непрерывно работал, собственными руками добывая пропитание для своей семьи, и многие годы о широком успехе мастерской «Цичжэньчжай» приходилось только мечтать. Лян Ицину минуло сорок лет, у него не было сыновей, а жена Байши родила ему лишь двух дочерей. Обе были похожи на Байши, одна прелестнее другой, со светлой, словно белый нефрит, кожей. Старшую звали Цзюньби, младшую Бинъюй[28] – подходящие имена для дочерей мастера-камнереза; их подобрал для Лян Ицина тот самый почтенный эрудит, который жил в доме «Боячжай» и увлекался редкими изделиями из нефрита. Лян Ицин и Байши души не чаяли в дочерях, дома их часто ласково звали «Биэр» и «Юйэр»[29]. Разница в возрасте между сестрами составляла восемь лет, и когда младшая только делала первые шаги, старшая уже помогала Байши по хозяйству – подметала полы и двор, убирала постели, занималась шитьем, стирала, готовила и во всем была мастерицей. Биэр была от природы одаренной в вычислениях и даже превзошла свою мать, Байши, в подсчете семейных трат, хотя не умела ни читать, ни писать. Едва ей минуло десять, как она почти заменила мать, став маленьким кассиром в лавке Лян Ицина. Когда тот был слишком занят выполнением заказов, Биэр была на подхвате: обслуживала клиентов, собирала деньги, отправляла товар и даже помогала отцу в простой работе – сортировала камни, взвешивала их и прочее. Однако Лян Ицин никогда не пускал ее к верстаку: во-первых, полировка нефрита слишком трудная работа, с которой девушке не справиться, а во-вторых, ремесленники всегда передавали свое мастерство сыновьям, а не дочерям – обучившись мастерству, дочь все равно уйдет в другую семью. Понимая, что у мастерской нет наследника, Лян Ицин в отсутствие дочери часто вздыхал и говорил жене: «Эх, как жаль, что у нас дочь! Вот если бы был сын…»

Дальше он не продолжал. Байши опускала голову с чувством глубочайшего стыда: «Господь милостив…», однако не смиряясь и веря в глубине души, что Аллах еще дарует им сына, хотя сама вышла из детородного возраста.

---

[28] В именах Цзюньби и Бинъюй присутствует слово «нефрит».

[29] «Эр» в китайском языке – это уменьшительно-ласкательный суффикс. – *Примеч. пер.*

Семья Лян Ицина была глубоко верующей. В масштабах столицы потомки народа хуэй составляли малую часть населения, а в нефритовом деле их было и того меньше. Возможно, именно поэтому Лян Ицин жил уединенно и не спорил с нравами общества, заперев себя в своем с рождения обороняющемся сознании.

На восьмой год Республики[30], с приходом лета, на въезде в переулок Ланфан-эртяо начали раздаваться крики торговцев свежими фруктами и закусками: «Шелковица для подношений Будде!», «Вишня!», «Хорошая горлянка, клейкий рис, финики, большие прохладные цзунцзы[31]…»

Услышав зазывал, Биэр вышла из мастерской, ведя за собой Юйэр, и побежала к торговцу. На маленькой повозке находилась корзина из ивовых прутьев, в которой на подстилке из синего холста лежали ягоды, рядом стоял кувшин с чистой студеной водой, а продавец кричал: «Крупная вишня!», смачивая водой круглые и гладкие, как жемчужины, плоды, и капли воды застывали на этих яшмово-красных шариках хрустальными льдинками. Своей прохладой и свежестью это зрелище настолько завораживало, что нельзя было не купить хотя бы горсть ягод. Биэр подала две большие монеты; продавец взял белую фарфоровую чашечку, дважды наполнил ее доверху вишней и ссыпал на пышный ярко-зеленый лист лотоса. Взяв наполненный блестящими ягодами лист, Биэр не стала их пробовать и повела нетерпеливую сестренку домой.

Лян Ицин был погружен в работу. Биэр тихо его окликнула:

– Папа, сделай перерыв, попробуй вкусненького.

Не повернув головы, Лян Ицин буркнул:

– То, что едят ханьцы, нельзя покупать.

– Но это же просто вишня! Папа, съешь несколько штучек, утоли жажду!

Лян Ицин остановил работу, повернулся и посмотрел. Вишня на листе лотоса напоминала агаты на зеленом блюде. Он сказал:

– О, красиво… Надо будет сделать что-нибудь похожее.

Девочки протянули белые, как нефрит, тонкие пальчики, осторожно взяли по ягодке и поднесли их к губам, всасывая прохладную кисло-сладкую мякоть. Лян Ицин увидел ярко-красные вишни на фоне их светлых лиц, тоже будто выточенных из белого нефрита, и в его воображении возникла новая композиция. Усталость исчезла, он повернулся к станку и продолжил работу.

Устройство шлифовального станка, за которым он работал и который называли «водяным столом», было простым: обычный стол на четырех ножках, оборудованный приводом с осью вращения, к которой крепился шлифовальный круг. Под ним была сделана выемка для сбора нефритовой пыли. Внизу на подставке стоял таз с водой. Лян Ицин сидел перед «водяным столом» на небольшой скамейке и обеими ногами жал на педаль, приводя в движение шлифовальный круг. Левой рукой мастер подносил заготовку к рабочей поверхности шлифовального круга, а правой наносил на нее пасту из карбида кремния. Чтобы снизить температуру трения, нужно было постоянно лить на место контакта нефрита и шлифовального круга воду, – отсюда и название «водяной стол». Хотя сам инструмент был примитивен, техника работы на нем отличалась сложностью. Для перехода от грубой обработки к тонкой шлифовальные круги приходилось постоянно менять. Изделия разных форм требовали разной техники обработки; для обточки круглых и квадратных заготовок, формирования вогнутостей и выпуклостей применялось множество особых приемов, и все держалось на мастерстве ремес-

[30] Имеется в виду восьмой год по календарю Китайской Республики, который использовался с 1912 по 1949 год. Соответствующий год по григорианскому календарю можно вычислить, сложив номер года по календарю Китайской Республики и число 1911, то есть речь идет о 1919 годе.

[31] Цзунцзы – традиционное китайское блюдо, напоминающее голубцы из клейкого риса с различными наполнителями, завернутые в бамбуковые, кукурузные или другие листья. Приготавливаются на пару или варятся.

ленника. Работа была трудной: приходилось одновременно и много двигаться, и напрягать внимание, сосредоточившись на обрабатываемой детали. Сердце в такие моменты было словно подвешено на невидимой веревочке, а дыхание становилось легким, медленным и равномерным. Работа велась в тишине, нарушаемой лишь звуком шлифуемого камня – «Ш-ш-ш-ш-ш!». Работая, Лян Ицин забывал обо всем на свете.

В Пекине в те дни было неспокойно. Более трех тысяч студентов собрались на площади Тяньаньмэнь и устроили демонстрацию[32], требуя отдать под суд группу чиновников – министра путей сообщения Цао Жулиня, директора валютного управления Лу Цзунъю и консула Китая в Японии Чжан Чжунсяна. Митингующие подожгли Чжаоцзялоу[33], квартиру Цао Жулиня и жестоко избили Чжан Чжунсяна. Несколькими днями ранее пожилой господин из дома «Боячжай» заходил посмотреть нефритовые изделия и воодушевленно рассказывал о текущих событиях. Он говорил, что китайцы, поехавшие в Париж для участия в мирной конференции, требовали аннулировать соглашение[34], подписанное в прошлом Юань Шикаем[35] и вернуть Циндао, но им было отказано воинствующими «странами-победительницами». Этот отказ привел к тому, что студенты выступили за захват государственной власти и за наказание министров-предателей. Пожилой господин повздыхал о том, что «некому управлять страной», а Лян Ицин слушал с понимающим видом, но на самом деле не понимал ничего. Он умел лишь полировать нефрит – где ему рассуждать об управлении страной! Он не мог утешить старика и говорил исключительно о нефрите. Ситуация на нефритовом рынке касалась его личной жизни, его имущества, касалась выживания мастерской «Цичжэньчжай»…

Теперь, сев за «водяной стол», Лян Ицин отбросил все заботы и погрузился в работу.

Вдруг со стороны ворот раздался стук.

Лян Ицин продолжил работать и велел Биэр открыть. Неважно, кто пришел – постоянный клиент за готовым изделием или курьер с деньгами, – Биэр всех знает.

В ворота вошли двое незнакомцев – старый и молодой. Старому было около шестидесяти лет, он был высоким и крепким, с бронзовым лицом, широким лбом и высоким носом, глубоко посаженными горящими глазами и серебристо-белыми длинными усами. Одет он был в старый – не то серый, не то синий – халат, обут в соломенные сандалии на босу носу. С ним был мальчик – на вид чуть больше десяти лет, невысокого роста, с темным лицом, тонкими бровями и бритой головой. Он был в тряпье непонятного цвета и в штанах с заплатами на коленях. Незнакомцы выглядели как бродяги, и Биэр остолбенела, не зная, как их прогнать.

– Ой, – произнесла она, – папа, подойдите!

Лян Ицин отложил работу, вышел из мастерской, посмотрел на вошедших и изумился: ни старика, ни мальчика он не знал.

Старик слегка поклонился, ударив себя в грудь правой рукой, и сказал:

– Ас-саляму алейкум!

Лян Ицин удивился и поспешно ответил, тоже ударив в грудь правой рукой и слегка поклонившись:

– Ва-алейкум ассалям!

Что они сказали? Эти слова для мусульман не нуждаются в переводе. Первая фраза – «Мир вам!», вторая – «И вам мир!»; взаимное благословение мусульман при встрече, выража-

---

[32] Речь идет о начале Движения четвертого мая, сторонники которого выступали против прояпонской политики правительства и боролись за национальное возрождение и экономическую независимость Китая.

[33] Чжаоцзялоу – пекинская резиденция Цао Жулиня.

[34] Имеется в виду «Двадцать одно требование», список которых был, предъявлен Японией Китайской республике 7 мая 1915 года. Эти требования выражали претензии Японии на установление политического, экономического и военного контроля над рядом китайских территорий.

[35] Юань Шикай (1859–1916) – военный и политический деятель эпохи Цин, первый президент Китайской Республики.

ющее общую веру и происхождение. Это общий язык для мусульман всего мира, и даже если они идут на край света, то с помощью знакомых слов могут найти своих единоверцев.

Внезапное тепло, словно волна электрического тока, окатило Лян Ицина.

– О, дост, садитесь, пожалуйста! – и он торопливо предложил гостям сесть за большой стол в передней, велев Биэр заварить чай. Произнесенное им слово «дост» тоже понятно только единоверцам; оно означает «друг», «соотечественник», «брат»: все мусульмане – братья. Десять народностей в Китае, включая хуэй, исповедуют ислам. У хуэйцев нет своего языка, они используют китайский язык и китайскую письменность, но сохраняют в употреблении некоторые слова на арабском и персидском языках, от которых не хотят отказываться, – эти слова сближают их с единоверцами.

Биэр налила две чашки чая, и гости залпом их выпили. Пожилой сказал:

– Странник тревожит лишь ради чашки воды. Едва я увидел, что на притолоке ваших ворот висит дуа[36], как понял, что здесь точно живет дост!

У Лян Ицина потеплело на душе: его гости – всего лишь случайные прохожие, странники, не имеющие отношения к его торговле; их искренность и надежда на добрый прием его растрогали. Он много лет прожил в этом переулке и не предполагал, что ему выпадет честь исполнить долг перед достом – пусть даже это будет всего лишь чашка чая!

– Господин, чем вы торгуете в своем магазине? – спросил старик.

Лян Ицин ответил:

– Эта лавка – нефритовая мастерская. У меня нет других способностей, только это семейное ремесло…

– Да вы же настоящее сокровище! – радостно сказал старик. – Мусульмане и драгоценности созданы друг для друга! Хотанский нефрит добывают в Синцзяне, бирюза производится в Персии, «кошачий глаз» происходит из Цейлона, а жемчуг – из Сирии…

Лян Ицин весьма удивился:

– Почтенный, да вы, оказывается, ценитель камней, раз обладаете такими познаниями!

Старик улыбнулся и сказал:

– Вы мне льстите. Я всего лишь прочел несколько старых книг, надергал оттуда несколько красивых фраз и наслушался разной болтовни в пути. Надеюсь, мои слова немного вас развлекли.

– Вы… откуда здесь?

– Издалека, – сказал старик. – Я приехал из Цюаньчжоу[37], прошел через уезды и провинции, днем шел, ночью отдыхал, так и прошло пять или шесть лет.

– Эге! – Лян Ицина кольнуло от жалости к страннику. – Вы приехали в Пекин к родным или остановитесь у друзей?

– Не совсем так, это долгая история… – старик снова выпил свежий чай и прищурил глубокие и ясные глаза, словно вспоминая прошлое. Спустя мгновение он спросил: – Вы слышали когда-нибудь такое имя – шейх Гавамуддин?

– Слышал, что старики говорили… Это было в… в… – Лян Ицин застыдился своей необразованности и покраснел. Он знал только, что шейхами называли выдающихся богословов, и смутно помнил это имя – Гавамуддин, но не мог точно сказать, о каком времени идет речь.

– Был второй год правления Чжэнь-цзуна под девизом Чжидао, это 375 год по Хиджре или 996 год по западному календарю, когда шейх Гавамуддин пришел в Китай из Западного края[38], – медленно проговорил старик, ничуть не насмехаясь над Лян Ицином, ведь то была

---

[36] Дуа – молитва в исламе, обращение к Аллаху с просьбой о помощи. В отличие от намаза, не так строго регламентирована и может читаться на любом языке, а не только на арабском.

[37] Цюаньчжоу – городской округ в провинции Фуцзянь; находится на расстоянии более полутора тысяч километров от Пекина.

[38] Западный край – принятое в китайской историографической традиции и закрепившееся в языке обозначение террито-

давно минувшая эпоха. – У него было три сына: старший Садриддин, средний Насуруддин и младший Саадеддин, и все они были учеными. Император Чжэнь-цзун их очень ценил и одарил титулами, которые они отказались принять, и тогда Чжэнь-цзун предложил им стать имамами. Старший брат отправился проповедовать в далекие края и пропал, а средний и младший получили повеление построить в Пекине мечети: одну – в восточном предместье, а вторую – в южном. Мечеть из южного предместья и есть теперешняя мечеть Нюцзе…

– Эге! – Лян Ицин будто сопровождал старика в путешествии, снова переживая события, происходившие тысячу лет назад. Он издал удивленный возглас, словно что-то осознав, и только сейчас почувствовал легкость во всем теле – так ощущается освобождение заблокированного в течение долгого времени кровотока. Бестолково прожил полжизни и не знал, что предки оставили такие следы.

На самом же деле первые мусульмане появились на территории Китая задолго до прихода шейха Гавамуддина. Еще во времена правления доблестного Гао-цзу четыре великих мудреца исламского пророка Мухаммеда отправились в Китай; один из них проповедовал в Гуанчжоу, один – в Янчжоу и двое – в Цюаньчжоу. После смерти последние два мудреца были похоронены в восточном пригороде Цюаньчжоу, на горе Линшань, а потомки стали называть это место, которое сохранилось до сего дня, «святой гробницей». Во время правления Гао-цзуна, а именно в 651 году по западному летоисчислению и в 30 году по исламскому, халиф Усман отправил в Чанъань[39] своих представителей, которые встретились с императором и рассказали о религии и обычаях арабов. С тех пор мусульмане Западного края по разным причинам отправлялись в Китай и оставались там, рожали детей из поколения в поколение и постепенно образовали народность. Точное же время появления в Китае шейха Гавамуддина и строительства мечети Нюцзе остается неизвестным из-за упущений историков. Слова старика опирались лишь на сохранившиеся в мечети записи, благодаря которым и распространилась эта версия развития событий. Но девиз правления Чжидао вовсе не принадлежал Чжэнь-цзуну, это был девиз Тай-цзуна, да и Пекин тогда не находился под властью империи Сун, поэтому мечеть Нюцзе была построена, скорее всего, при государстве Ляо[40]. Соответственно, вторым годом правления Тай-цзуна, императора династии Сун, под девизом Чжидао был 996 год по западному календарю, что по хроникам государства Ляо совпадает с четырнадцатым годом правления Шэн-цзуна под девизом Тунхэ. Однако шатер, возвышающийся над мечетью Нюцзе, выполнен в стиле династии Сун. Запутанные следы, оставленные предками, порождали у потомков всевозможные догадки, и, конечно, все эти исторические перипетии не мог уяснить ремесленник Лян Ицин, никогда не читавший книг. Слова старика стали первой в его жизни поучительной беседой; ему только и оставалось, что ахать и восхищаться.

– Садриддин, ушедший проповедовать в далекие края и пропавший без вести, был надолго забыт, – сказал старик и вздохнул от избытка чувств. – Но ведь очевидно, что у него тоже есть потомки. Я и есть его внук в двадцать пятом поколении, ад-Дин.

– Ах, шейх! Вы – шейх… – Лян Ицин не удержался и встал, охваченный волнением и восхищением.

– Не нужно возводить шейхов на пьедестал, они просто проповедуют волю Бога. Да я и не шейх, а, как и вы, обычный последователь Мухаммеда! – Талаат ад-Дин говорил все так же медленно. – Многие годы я странствовал по свету и, внимательно осматривал древние сооружения предков. Побывал я и в мечети Цинцзинсы в Цюаньчжоу, и в мечети Хуайшэнсы в Гуанчжоу, и в мечети Чжэньцзяосы в Ханчжоу, и в мечети Сяотаоюань в Шанхае, и в мечети Цзинцзюэсы в Нанкине, и в мечети Цинсюсы в Сиане, и в мечети Дундасы в Кайфэне, и в мечети Наньдасы

рий, лежащих к западу от Поднебесной: Средней и Центральной Азии, Индии.

[39] Чанъань – столица империи Тан, ныне город Сиань в провинции Шэньси.

[40] Ляо – государство, основанное кочевыми монгольскими племенами киданей; существовало в Восточной Азии с 915 по 1125 год.

в Цзинане, и в Северной мечети Линьцина, и в Большой мечети Цанчжоу, и в мечетях Наньдасы и Бэйдасы в Тяньцзине, и, наконец, оказался в Пекине…

Талаат ад-Дин на одном дыхании произнес череду названий мечетей, как звезды, разбросанных на пол-Китая, – где он только не был! Лян Ицин вытаращил глаза и раскрыл рот от изумления. Пока они разговаривали, мальчик, что пришел вместе Талаат ад-Дином, передал Биэр свою чашку, чтобы та налила чая, выпил и снова протянул, взял полную и снова выпил, – всего семь или восемь чашек: было ясно, что его мучила жажда. Видя, с каким почтением отец отнесся к старику, Биэр не могла пренебречь нуждами маленького гостя и терпеливо наполняла его чашку снова и снова, посмеиваясь про себя. Мальчик смотрел на стройную фигуру и белоснежную кожу Биэр, боясь с ней заговорить. Он видел, каким трепетом переполнен Лян Ицин, и не смел и слова вставить в разговор взрослых. Напившись, он сел на табурет у стены и стал рассматривать кусочки нефрита, лежавшие на столе и прилавке, долго не меняя позы и безмолвно восхищаясь тем, что видел вокруг. Мастерская «Цичжэньчжай» была для него неизведанным пространством, в которое он случайно вторгся и теперь ошеломленно разглядывал все детали этого необыкновенного, таинственного мира.

– Вы с мальчиком побывали в стольких местах! Это ваш внук? – спросил Лян Ицин у Талаат ад-Дина.

Тот улыбнулся и сказал:

– Нет, Аллах не дал мне сыновей, он – мой верный спутник, круглый сирота, его зовут Ибрагим.

Услышав свое имя, мальчик словно очнулся; он оторвался от созерцания нефрита и посмотрел на Талаат ад-Дина:

– Баба́, вы меня звали?

Только теперь Лян Ицин присмотрелся к нему. Хотя одежда мальчика была изрядно поношенной, он был симпатичным: круглое лицо, заостренный подбородок, прямой нос, широкий лоб, две черные, слегка нахмуренные – будто он постоянно о чем-то думает – бровки и ясные, умные, немного впалые глаза. Лян Ицин подумал: «Хороши глаза! С первого взгляда видно, что это глаза хуэйца, по ним видно, что мальчик способный».

Он вспомнил, как сам в таком же возрасте учился у отца ремеслу, и тот говорил: «Циньэр, сынок, с твоими глазами тебя и учить не нужно – просто наблюдай и научишься!»

Когда это воспоминание шевельнулось в сердце, вслед за ним промелькнуло и смутное сожаление. Он подавил его и улыбнулся мальчику:

– Ибрагим, баба не звал тебя, мы просто разговаривали. Ты пройдись везде, рассмотри тут все!

Повернувшись, он спросил Талаат ад-Дина:

– Баба, вы с мальчиком будете возвращаться из Пекина в Фуцзянь?

Как и Ибрагим, он неосознанно использовал обращение «баба». На языке мусульман «баба» сначала было уважительным обозначением пожилых людей и ученых, вроде слова «учитель» в китайском языке, а потом так стали называть всех дедушек. В свое обращение к Талаат ад-Дину Ибрагим вкладывал оба значения.

– Нет, в Цюаньчжоу нет ни дома, ни семьи, я пойду в сторону Каабы! – сказал Талаат ад-Дин, проводя рукой по длинной бороде.

– Кааба! Вы пойдет к Каабе? – Лян Ицин снова опешил. Кааба – священное место для мусульман, и находится оно далеко, на священной земле Мекки. Мусульмане всего мира пять раз в день возносят молитвы, повернувшись лицом в ее направлении. Каждый мусульманин должен посетить Каабу хотя бы раз в жизни, если позволяют обстоятельства. Каждый год в двенадцатый месяц по исламскому календарю многие мусульмане из разных уголков мира покидают родные места и собираются группами: некоторые идут пешком, другие едут на транспорте, кто-то в дороге занимается торговлей, а кто-то просит милостыню – так они и

добираются до Мекки, о которой всегда думают с уважением и любовью, принимают посвящение, сбрасывают повседневные одежды и надевают белое, окружают Каабу, с почтением гладят ее стены и целуют Черный камень, как это делал в прошлом пророк Мухаммед. Паломничество к Каабе – высочайший долг и высочайшая честь!

Но Кааба так далеко! Лян Ицин, мелкий торговец и ремесленник, даже и думать не смел о таком дальнем странствии, а несчастный бродяга Талаат ад-Дин вот осмелился, да еще берет с собой мальчишку!

– Ребенок пойдет с вами? – спросил он.

– Конечно, Ибрагим пойдет вместе со мной! – спокойно сказал Талаат ад-Дин. – Без него я не смогу преодолеть долгий и трудный путь и упаду замертво на дороге! Молю Аллаха пожалеть нас и позволить благополучно добраться до «Заповедного дома». Если мне не хватит сил, то Ибрагим не остановится на полпути, он еще молод и обязательно дойдет!

Лян Ицин с уважением посмотрел на странников – на старшего, полного идеалов, и на целеустремленного младшего. Да…

Сила веры и крови воодушевила Лян Ицина, и он начал горячо уговаривать Талаат ад-Дина остаться на несколько дней в его скромном доме, поддержать здоровье, взять денег на дорогу и только потом отправляться в столь дальний путь. Если они прямо сейчас расстанутся, то вряд ли увидятся вновь.

Талаат ад-Дин поблагодарил его за доброту и заботу, но отказался принимать какие-либо подарки. Он сказал, что мусульмане смотрят на деньги и богатство, как на плывущие облака, и везде чувствуют себя как дома, а мусульмане Поднебесной – одна семья, и потому они верят, что всюду есть их братья, которые дадут им плошку с едой, чтобы утолить голод, и чашку чистой воды, и этого достаточно. Лян Ицин снова вздохнул, подмел мастерскую, устроил для своих гостей постель и лег с ними в одной комнате, а его жена и дочери по обычаю спали в задней комнате, и никто никому не мешал.

Лян Ицин быстро организовал гостям гусул – ритуальное омовение, необходимое перед молитвой. Талаат ад-Дин и Ибрагим целый год были в пути, много скитались; в дороге часто не было воды, и им приходилось «мыться» так: трогая землю руками, имитировать движения омовения и протирать лицо. Теперь же настоящий гусул вместе с пылью смыл с маленького Ибрагима всю дорожную усталость. Когда спустились сумерки, Лян Ицин помолился вместе с Талаат ад-Дином. Согласно правилам, мусульмане должны молиться пять раз в день: для этого установлены предрассветная молитва (фаджр), полуденная молитва (зухр), предвечерняя молитва (аср), молитва перед заходом солнца (магриб) и ночная молитва (иша). Поскольку Лян Ицин был постоянно занят обработкой нефрита, то часто отлынивал от этих крайне важных ежедневных ритуалов, в отличие от своей жены и Биэр, которые никогда не пропускали молитву. Однако в присутствии потомка Шейха глава семьи застыдился и проявил усердную набожность.

На следующее утро, сразу после молитвы, Биэр начала выполнять свои ежедневные обязанности – прибираться в лавке и жилых комнатах. Ибрагим оказался сообразительным и, не дожидаясь, когда Биэр приступит к своей работе, навел порядок в прихожей перед мастерской. Биэр улыбнулась, а Лян Ицину стало неловко; он упрекнул дочь в том, что она недостаточно гостеприимна и несколько раз поблагодарил Ибрагима за хлопоты.

После завтрака Талаат ад-Дин вместе с Ибрагимом отправился в мечеть Нюцзе на молитву, а затем хотел засвидетельствовать свое почтение и другим святыням – посетить мечети Дунсы у мемориальной арки, Пушоусы на улице Цзиньшифан и Фамансы в хутуне Эртяо. Этими четырьмя пекинскими мечетями с пятисотлетней историей Талаат ад-Дин давно восхищался.

Когда гости ушли осматривать достопримечательности, Лян Ицин вернулся к своему «водяному столу», чувствуя, что ему помогает сам Аллах: работа сейчас как-то по-особому

спорилась. Вечером старик с мальчиком вернулись, чтобы отдохнуть; Байши подала им еду и питье, и все с большим интересом слушали рассказы Талаат ад-Дина об увиденном. После ужина Лян Ицин выключил лампу, прекратил работать, заварил чай и попросил Талаат ад-Дина немного почитать ему Коран. Талаат ад-Дин сначала декламировал Коран на арабском, а затем подробно объяснял все на китайском, толкуя каждое слово и каждую фразу; говорил он настолько искренне и толково, что Лян Ицин почувствовал, будто полжизни провел в потемках и только сейчас понял истинное значение шахады[41], и его существование обрело новый смысл.

Ибрагим сидел без дела, разглядывая резной нефрит. Биэр с самого начала не стеснявшаяся гостей, взяла сестренку за руку и обратилась к младшему гостю:

– Ты знаешь, как все это делается?

Ибрагим в это время рассматривал композицию, изображавшую «прекрасные фрукты из южной страны». Вот связка личи: насыщенно-алый хрустальный блеск, а на местах разреза обнажается мякоть, напоминающая нефритовый шарик. Эти фрукты из его родных краев особенно его тронули, и он выпалил:

– Это… это не человек сделал! Это сорвали с дерева!

Биэр засмеялась:

– Ха, ты такой смешной! Ты считаешь, они настоящие? Ну, попробуй съесть! Надкусишь и лишишься зуба! Скажу тебе вот что: чтобы их сделать, папа трудился три месяца!

От удивления Ибрагим раскрыл рот.

– Это был цельный кусок агата, – сказала Биэр, показывая на натюрморт пальцем. – Агат бывает не только красный, но и белый, и синий, и зеленый, и розовый, и черный! Иногда один камень может быть разных цветов – смотри: этот агат именно такой. Папа взял его в руки, рассматривал-рассматривал, потом размышлял несколько дней, и только тогда придумал, как его обработать: сделал из красного участка целые плоды, а из зеленого – веточку и листья. Из белого участка нельзя было сделать ни того, ни другого, вот он и сделал очищенные личи. Хорошо получилось, правда?

– Да… – Ибрагим не знал, как выразить свое восхищение. Ему не были известны такие слова, как «шедевр», «тонкая работа», поэтому он лишь бубнил себе под нос:

– Рукой человека, рукой человека?

– Конечно, рукой человека, – Биэр гордилась мастерством отца. – Руки моего папы могут сделать что угодно! Ты еще посмотри на эту «вазу сотен колец»!

Она указала на стоявшую рядом нефритовую вазу с квадратным основанием, тонким горлышком, маленьким устьем, почти без резьбы, но с горельефами с обеих сторон. Горельефы были выполнены в виде голов зверей, из пасти которых свисали нефритовые кольца, похожие на браслеты, а в них, как звенья в цепочке, были продеты еще кольца, и еще – поэтому вазу и назвали «вазой сотен колец».

– Она сделана из душаньского нефрита из Наньяна. Красиво? Знаешь, эти связки колец…

– Как их соединили? – Ибрагим наклонился, внимательно рассмотрел кольца, но нигде не нашел никаких стыков и швов.

– Что? Соединили? Думаешь, кольца сделали по одному и затем вдели друг в друга? Да так бы они ни за что не вделись! – его идея рассмешила Биэр, и она захотела раскрыть ему этот секрет. – Вот подумай: нефрит твердый, ломкий, не поддается лепке, и паять его нельзя. Как же сделать кольца?

Ибрагим был в полном замешательстве и не знал, что ответить.

– Открою тебе секрет: все они вырезаны одно за другим.

---

[41] Шахада – ритуальная формула принятия ислама, содержащая два основных догмата мусульманского вероучения – о существовании Единого Бога (Аллаха) и о миссии пророка Мухаммеда. На русском языке текст шахады звучит так: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк его».

Ибрагим был ошеломлен. Он посмотрел на гибкую цепочку из переплетенных между собой нефритовых колец и даже не мог представить себе, какие руки сделали такое чудо!

– Это слишком сложно, слишком сложно…

– Непросто, конечно! – Биэр вспомнила, как отец трудился целыми днями, и с сочувствием вздохнула. – Если бы все могли делать такие вещи, то они не были бы редкостью. У папы, кажется, на уме только один нефрит, в глазах – нефрит, в руках – нефрит, и ни о чем, кроме нефрита, он не думает. Сидит за «водяным столом» и шлифует, шлифует. Маленькое изделие надо шлифовать десять дней, а для большой работы нужны месяцы! Я слышала, что во дворце есть нефритовая гора, над которой больше десяти лет трудилось множество мастеров, в том числе отец моего папы!

Перед внутренним взором Ибрагима возник пейзаж с нефритовыми горами и реками. Их шлифовали и гранили тысячи умелых мастеров, со временем седея и теряя силы, но продолжая отдавать свою жизнь, свою энергию для того, чтобы создать сокровище небывалой красоты. Дедушки Биэр давно нет в живых, а сделанные им вещи продолжают существовать, как и его утонченное искусство, в руках его преемника – отца Биэр. Так и течет эта нефритовая река – течет, не останавливаясь…

– Точить, шлифовать… – мальчик погрузился в свои грезы. Снова и снова повторяя слова Биэр, он невольно потирал ладони друг о друга, и в его воображении возникали дивные картины, подвластные только руке настоящего творца.

– Все нефритовые вещи так вытачиваются, – перед Ибрагимом Биэр чувствовала себя опытным мастером. – Чем дольше шлифуешь, тем тоньше работа, и только в конце можно отполировать до такой степени, чтобы так блестело и так сверкало!

Она протянула руку и подняла стоящую рядом с «вазой сотен колец» нефритовую пиалу.

Ибрагим пристально посмотрел на чашу. Она была белой, прозрачной, с тонкими, как яичная скорлупа, стенками, через которые можно было разглядеть пальцы Биэр.

Сестренка Юйэр протянула ручонки и сказала:

– Я хочу пиалу, я хочу пиалу!

Биэр увернулась от нее:

– Эй, это не игрушка. Если разобьется, папа тебя не побьет, а вот мне придется тебя отшлепать!

Юйэр поджала губки и замолчала. Она смотрела на старшую сестру так же, как на родителей, которых надо было беспрекословно слушаться.

Биэр, продолжая держать в руках нефритовую пиалу, сказала Ибрагиму:

– Знаешь, почему нефрит такой гладкий? Потому что в конце его полируют не на шлифовальном круге, а тыквой-горлянкой!

– Тыквой-горлянкой? – Ибрагим часто-часто заморгал, не понимая, какое отношение имеет тыква-горлянка к нефриту.

– Тыквы используют для полировки нефрита! И надо брать тыкву только из Мацзюйцяо, другая не подойдет! Тыкву-горлянку нужно намазать «драгоценной мазью» – полиролью, тогда нефрит становится гладким и блестящим. – Биэр со знанием дела раскрывала тайны нефритового ремесла, о которых не рассказывают посторонним. Она подумала, что Ибрагим скоро уйдет, не сегодня, так завтра, и точно не станет учиться нефритовому делу.

А Ибрагим был очарован: тыква-горлянка и «драгоценная мазь» казались ему каким-то дивным волшебством. Чем больше он смотрел и слушал, тем больше млел, будто погружался в мир грез. Пиала, которую Биэр держала на ладони, поблескивала тусклым светом, словно луна сквозь облака, притягивая его к себе все сильнее и сильнее.

– Потрогай, она гладкая, как ручка Юйэр! – Биэр, обняв сестренку, подошла к нему.

– Гладкая, гладкая… – Ибрагим с совершенно глупым видом гладил ручку Юйэр.

– Кто просил тебя трогать ее ручку? Я говорила о пиале! – Биэр не сдержала улыбки, глядя на оторопевшего от удивления мальчика, и протянула ему нефритовую пиалу. – Потрогай, ничего страшного!

– Ох… – Ибрагим протянул руку и взял пиалу так трепетно, словно это была священная реликвия.

Гладкий нефрит ласкал его заскорузлые пальцы, прохлада мгновенно просочилась в ладони и распространилась по всему телу, словно он коснулся далеких от бренного мира небесных светил. Будто бы только ради этого прекрасного мгновения он всю свою недолгую жизнь странствовал по свету. Он ощутил волнение и радость, которых никогда раньше не испытывал, словно это была не нефритовая пиала в его руках, а душа, прилетевшая с небес и проникшая прямо в его сердце. Он одновременно опьянел, остолбенел и обо всем забыл: Нефритовый Демон похитил его душу.

– Осторожно, не урони! – услышал он неизвестно откуда донесшийся голос, одновременно далекий и близкий. Наверное, это сказала Биэр, но он не мог вспомнить, кто такая Биэр и где он находится. И вдруг раздался звон, от которого он пробудился и вернулся в мир людей.

Хлоп! Нефритовая пиала выскользнула из его оцепеневших рук и упала на пол. Ее тонкие, словно яичная скорлупа, нефритовый кусочки разлетелись во все стороны, как брызги воды!

– Ай-ай, да ты! Ты… – Биэр побледнела от страха, и ее голос задрожал. Юйэр, увидев, что произошла катастрофа, испуганно заплакала.

Ибрагим стоял в онемении, как громом пораженный, превратившись в истукана, и рассеянно смотрел на рассыпавшиеся вокруг осколки. Из его глаз потекли слезы раскаяния и сожаления. Сломал, в один миг сломал… как же так? Этого бесподобного произведения искусства, которое так пленило его душу, этой драгоценности больше нет!

Биэр села на корточки и в отчаянии принялась собирать осколки, повторяя сквозь слезы:

– Это сердце моего папы, это жизнь моего папы, это кусок хлеба для нашей семьи!..

Ибрагим не мог вымолвить ни слова, чувствуя только оглушительные и острые удары своего сердца.

Мужчины, услышав странные звуки, отвлеклись от обсуждения Корана.

– Что случилось, Ибрагим? – подошел к детям Талаат ад-Дин.

Увидев на полу осколки и скорбное выражение на лице Ибрагима, он сразу все понял. Он величаво глянул на мальчика и не только не стал его бранить, но, наоборот, даже ничего не сказал и как ни в чем не бывало поднял правую руку, погладил свою длинную бороду и спокойно посмотрел на Лян Ицина. Он хотел увидеть, как хозяин мастерской отнесется к своему брату-мусульманину. Если Лян Ицин выйдет из себя, то так тому и быть: значит, этот человек просто скряга, и объяснять ему религиозные истины – пустое дело. В глазах Талаат ад-Дина земное богатство было как плывущие облака, как грязь, как бремя, гнетущее душу человека.

Лян Ицин улыбнулся и сказал Биэр:

– Увидев, как ты перепугалась, я решил, что стряслось что-то серьезное! – он подошел к Ибрагиму, погладил его по плечу и ласково сказал: – Пустяки! Если эта мелочь сломалась, то и бог с ней. Поработаю несколько ночей и сделаю заново, чтобы вовремя отдать заказчику. Слезы катились из глаз Ибрагима. Он поднял голову, посмотрел на Лян Ицина и сказал:

– Я… я заплачу вам!

– Ты заплатишь мне? – озадачился Лян Ицин. Он не ожидал, что паренек окажется таким смелым.

– Чем ты заплатишь? – плача, спросила Биэр. – Ты знаешь, сколько стоит эта пиала? У тебе хватит денег?

– Биэр! – прикрикнул на дочь Лян Ицин. – Ты что такое говоришь?!

– Я смогу заплатить! – не дрогнув, сказал Ибрагим. – У меня есть силы и руки, я могу делать все! – и он протянул Лян Ицину свои руки, еще совсем детские, но уже сплошь покрытые трещинами и трудовыми мозолями, с косточками, похожими на выступающие из снега и глины корни бамбука.

Лян Ицин растроганно сжал руки мальчика и прослезился.

– Учитель, примите меня! – Ибрагим закусил губу, удивившись своим словам, и тут же вспомнил нефритовую реку: да, именно в нее должен впадать поток его жизни! Это его жизненный путь, его пристанище!

Лян Ицин молчал. Он только вчера встретил этого ребенка, в половину ниже его ростом, однако дух его был высоким и сильным. Старый мастер ощутил под своей ладонью биение сердца этого маленького мужчины. Он не знал, что ответить мальчику, и нерешительно повернулся и посмотрел на благородное лицо Талаат ад-Дина. Это спутник Талаат ад-Дина, и у них впереди долгая дорога к Каабе!

Ибрагим вытер слезы, посмотрел на вырастившего его Талаат ад-Дина и упал перед ним на колени:

– Баба, простите меня! Я не смогу пойти с вами!

Глава 2. Месяц одинокий

Стояло лето 1960 года.

Лучи заходящего июльского солнца заливали стены и кровлю над воротами дома «Боячжай» ярким золотисто-желтым светом, а в тени под стрехой темнели бордово-красные створки ворот. Дряхлый ствол и пышная крона софоры, растущей у входа в дом, окрасились в цвет старой меди, а среди ветвей и листьев протяжно звенели цикады, словно нарочно затягивая знойный день.

Длинная тусклая тень упала на каменные ступени, и вслед за ней перед домом показалась стройная девичья фигура. Девушка двигалась непринужденно, легким размеренным шагом. На ней были белые шелковые чулки и черные матерчатые туфли с квадратными застежками. Ее ноги закрывала развевающаяся белая юбка. На правом плече висела сумка для книг из синего ситца, а на лице цвета слоновой кости от жары выступил легкий румянец. Она подняла руку, убрала со лба растрепавшиеся волосы; за спиной у нее болтались две короткие косички. Наряжаться ей не было нужды: у нее была своя, природная красота.

Чуть задыхаясь, девушка протянула руку к закрытой двери и ударила по ней латунным кольцом дверного молотка.

– Иду-иду! – услышала она голос тетушки, живущей в южном флигеле. Послышались звуки шагов и отодвигаемого дверного засова, после чего ворота со скрипом отворились.

– Синьюэ? Я думала, твой брат первым вернется домой! – проворчала тетушка.

– Тетушка! – Синьюэ перешагнула через высокий порог и сняла сумку с плеча, оставив ее в руках. – У нас в школе сегодня…

– Ладно-ладно, не надо мне рассказывать, – перебила ее тетушка с обеспокоенным выражением на лице. Подождав, пока девушка войдет, она затворила ворота, прошла во внутренний двор и осмотрелась. – Дома сегодня неспокойно.

Лицо Синьюэ омрачилось, и хорошее настроение, сопровождавшее ее по дороге из школы, вмиг исчезло. Она знала, что означает тетушкино «неспокойно».

Склонив голову и продолжая держать в руках школьную сумку, она молча направилась от каменного экрана к внутренним воротам, а затем по галерее прошла в свой западный флигель, минуя центральную дорожку внутреннего дворика. Конечно, она услышала, как в главном здании ссорятся: до нее урывками доносились то громкие, то тихие голоса.

– Да говори ты в конце концов! Чего опять замолчал? – раздраженно звучал мамин голос. Когда мама злилась, ее обычные доброта и мягкость исчезали, и она становилась суровой и резкой. Но, в отличие от часто бранящихся на рынках бабенок, она никогда не била посуду и не топала ногами, никогда не выкрикивала непристойности. Даже сильно злясь, она не выходила за рамки приличий и не теряла лицо, надеясь, что собеседник осознает ее непреклонность и будет вынужден с ней считаться.

– Я… а что мне сказать? Мои слова в этом доме ничего не значат, и лучше мне ничего не говорить! – это уже папин голос, в котором за возмущением и унижением скрывается безысходность. Обычно отец был скуп на слова, не болтал попусту, и дети его немного боялись. Но едва у него возникал конфликт с женой, как суровость отступала, и он, словно сильно обиженный и совершенно не способный защититься ребенок, не смел раскрыть рта. В такие моменты он опускал голову, садился на стул и закрывал лицо худыми руками, словно желая спрятаться от неприятной суеты; или стоял, сложив руки за спиной и рассеянно глядя в потолок, надолго замерев на одном месте. В такие моменты на его смуглом лбу и в височных впадинах выступали вены, морщины заметно углублялись, и он беззвучно шевелил губами, будто желая что-то сказать, но так ничего и не говорил. Неизвестно, в какой позе он был на этот раз; было только понятно, что он страдает.

Мама снова заговорила:

– Ой, да ты все перевираешь! Это твой дом, твоя семья, ты зарабатываешь, чтобы обеспечить старых и малых, ты глава семьи… Кто смеет тебя обесценивать? – она говорила медленно, и в ее словах была сила. Она произносила каждое слово сквозь зубы, словно оттачивая его, словно тщательно пережевывая говяжьи сухожилия, чтобы как следует, без спешки насладиться деликатесом. Все ее «комплименты» звучали саркастически. Иногда Синьюэ представляла себе императрицу Цыси[42], которая так же разговаривает с подданными – точь-в-точь с маминой интонацией.

– Ох, да неужто? – снова донесся голос отца. – Так дай мне разок побыть хозяином и не встревай. Идет?

– Ха, ты шутишь! – холодно усмехнулась мама. – Я что, наемная прислуга? Или чужой человек? Я ее мать! Если это не мое дело, то чье?

– Ты, н-да… мать, спасибо, благодарю покорно! Ты… никогда не вела себя как мать!.. Довольно! – отец почти потерял над собой контроль: его дыхание участилось, появилась мучительная одышка. Прежние ссоры редко достигали такого накала. Но он будто совсем не думал о последствиях. – Ладно, мою жизнь ты разрушила – хочешь и ребенку жизнь сломать?

«Бах!» – раздался звук, будто в комнате что-то упало. Синьюэ догадалась: это полетела на пол узорчатая пиала для чаепитий. Сердце девушки бешено колотилось; она не представляла, до чего дойдет эта схватка.

Тетушка не стала возвращаться в южный флигель и пошла вслед за Синьюэ. Ссора беспокоила ее, она чувствовала гнев и смущение, но не обладала достаточным авторитетом, чтобы потушить этот пожар. Она не хотела, чтобы Синьюэ переживала из-за разлада родителей, но и скрыть от нее скандал не могла. Не зная, куда себя деть, тетушка отправилась вслед за Синьюэ. Они дошли до первого этажа западного флигеля. Если скандал наверху усилится, то неизвестно, что будет внизу!

Тетя, у которой прежде не было своего мнения, внезапно проявила находчивость. Глядя на Синьюэ как на новое подкрепление, она закричала во все горло, стараясь, чтобы слова звучали легко и непринужденно, но из-за напряжения ее голос все равно казался странным:

– Вы чего там шумите, заняться нечем? Синьюэ вернулась, всем пора есть!

Шум в главном здании резко стих: тетин план увенчался неожиданным успехом. Синьюэ увидела, как мама вышла из комнаты и встала в низу галереи, беззаботно размахивая банановым веером, словно никакой ссоры и не было. Ей было за пятьдесят, но выглядела она хорошо: полная, но не тучная, с белокожим лицом и строгой осанкой, в темно-синих нарядных матерчатых туфлях, гладко отутюженных шелковых серых штанах и шелковой блузе темно-коричневого цвета, обнажающей ее предплечья цвета слоновой кости; руки у нее были мягкие и нежные, а на безымянном пальце правой руки блестел золотой перстень, с изумрудами. Несмотря на годы, она сохраняла хорошие манеры, демонстрируя свое превосходство над мамашами, что жили по соседству и выполняли обычную работу домохозяек – ходили покупать продукты, стирали белье и готовили еду. Госпожа Хань не позволяла себя недооценивать. Дома, в глазах мужа, детей и тетушки, она была непререкаемым авторитетом.

Непринужденно помахивая веером, она смотрела, как Синьюэ движется вперед по галерее, словно оцепенев и не смея вымолвить и слова. Увидев мать, та робко окликнула ее:

– Ма…

– Что, занятия закончились? – улыбнулась госпожа Хань. – Смотри, как ты загорела, лицо красное!

---

[42] Цыси (1835–1908) – вдова девятого императора маньжурской империи Цин, контролировавшая верховную власть в государстве в период с 1861 по 1908 год. Считается жестокой и безжалостной правительницей, которая преследовала лишь собственные интересы.

Синьюэ, опустив голову, вошла в западный флигель. Она чувствовала, как горит ее лицо, но вряд ли от солнца – скорее от стыда, который она испытывала из-за ссоры родителей. А госпожа Хань вела себя так, будто ничего не случилось. Обратившись к тетушке, она спросила:

– Сестрица, что сегодня на ужин?

Голос ее звучал обыденно.

Тетушка, видя, что скандал, похоже, рассеялся, как дым, обрадовалась и захихикала:

– Лапша в густой мясной подливе! Сегодня день рождения Синьюэ, и я купила говядины, купила…

– Ага-аа! – протяжно произнесла госпожа Хань. – Хорошо, тогда дождемся Тяньсина и будем ужинать!

Синьюэ зашла в свою комнату и бросила сумку на стол. Слова тети заставили ее сердце вздрогнуть: только сейчас она вспомнила о своем дне рождения! Увы, она совсем о нем позабыла. Несколько месяцев она жила как солдат в полной боевой готовности: с головой погрузилась в учебу, чтобы подготовиться к сложному государственному экзамену, – вот и забыла о дне рождения! Похоже, без тетушкиного напоминания и родители бы о нем не вспомнили, иначе не стали бы сегодня скандалить. Помнила о нем только тетушка, и Синьюэ знала, какое место она занимает в ее сердце! Девушка невольно расстроилась: родители, давшие ей жизнь, любят ее меньше тетушки! В чем же причина произошедшей ссоры? Она смутно чувствовала, что ссора связана с ней. Иначе зачем бы отец выпалил матери, чтобы та не лезла в ее, Синьюэ, дела? И потом слова мамы: «Я ее мать!» И снова слова отца: «Хочешь и ребенку жизнь сломать?» Разве он не ее имел в виду? Правда, «она» и «он» по-китайски звучат одинаково, поэтому девушка не поняла, кого имел в виду отец – ее или брата. Ах, как было бы здорово, если бы родители ссорились на английском, ведь «she» и «he» четко различаются, их не перепутать. Но мама не знала английского… Синьюэ стало смешно от своих бестолковых мыслей, и она беззвучно рассмеялась перед зеркалом, хотя смех получился не слишком веселый.

Старший брат, Тяньсин, вернулся с работы, и семья села ужинать. Южный флигель у главных ворот состоял из пяти комнат: две занимала тетушка, в двух других были кухня и кладовая, а центральная комната отводилась для приема гостей и служила столовой для всей семьи.

Тетушка подала на стол лапшу с подливой, специально приготовленную в честь семнадцатилетия Синьюэ. Пекинцы любят лапшу и делают множество ее разновидностей: лапша с черным бобовым соусом, кунжутная лапша, лапша в горячем супе, лапша со слегка отваренным мясом и овощами… Все эти блюда не редкость, а вот лапша с мясом в густой подливе считается изысканным угощением. Лапша у тетушки получилась тонкой и длинной, эластичной и упругой – ровно так, как надо. Разложив лапшу по пиалам, тетушка налила сверху аппетитную густую подливу; особый аромат ей придавали грибы шиитаке, шампиньоны, древесные грибы, мясо креветок, лилейник и сушеные ростки бамбука. Подлива была похожа на текучий медовый янтарь, и от одного ее вида загорались глаза и текли слюнки. Тем более это было удивительно в теперешних условиях, в этом, 1960 году. С тех пор, как страна вступила в период материальных трудностей, «рис стал дороже жемчуга, а хворост – дороже коричного дерева», и основные интересы населения были сосредоточены на вопросах питания: как наесться тем, что положено в месяц по карточной норме, как лучше использовать драгоценные карточки, как эффективнее поддерживать жизнь в теле… Когда в животе бурлило от голода, такими вопросами задавались все, от домохозяек и простых горожан до кадровых работников, рабочих и студентов, – все постигли серьезность древнего высказывания: «Для народа нет ничего ценнее пищи». В конце весны зернохранилища Пекина, Тяньцзиня, Шанхая и провинции Ляонин почти опустели. Перед угрозой продовольственного дефицита центральное правительство издало указ, требующий немедленно, ударными темпами, доставить в эти регионы дополнительные партии пшеницы и исправить крайне опасную ситуацию, одновременно сни-

зив норму продовольственного пайка для города и деревни и агитируя использовать дикоросы, водоросли и отходы от переработки сельскохозяйственных культур: ботву, кожуру, шелуху, стебли, листья. Приготовить лапшу в мясной подливе в таких условиях стоило тетушке поистине титанических усилий: это было все равно что успешно завершить боевую операцию. Неизвестно, как она смогла купить все ингредиенты в магазинах, на прилавках которых ничего не было!

Синьюэ обеими руками приняла пиалу с «лапшой долголетия»[43] и едва не заплакала. Семнадцать лет. У нее уже было шестнадцать дней рождения. Она помнила, как проводились последние: обычно их никак не отмечали, будто и не замечали. К тому же точный день ее рождения был предметом дискуссий. Папа говорил, что это седьмой день седьмого месяца по григорианскому календарю и пятый день шестого месяца по традиционному китайскому. Однако два эти дня редко совпадали, и было непонятно, какую же дату считать правильной. Мама и тетушка не признавали григорианского календаря, отмечали ее день рождения по традиционному, и папа ничуть этому не сопротивлялся. День рождения – праздник лучших надежд, поэтому папа не спорил, тем более что праздник устраивали далеко не каждый год. Если бы тетушка не напомнила, то, пожалуй, и сегодня о дне рождения Синьюэ забыли бы. Девушка подняла пиалу и, с глубоким чувством благодарности глядя на тетушку, сказала:

– Тетушка, спасибо вам…

Та ласково улыбнулась и ответила:

– Нет, Синьюэ, ты должна благодарить маму и тот день, когда она перенесла муки ради тебя!

Синьюэ мгновенно осознала свою невнимательность, чуть покраснела, повернулась к матери и сказала:

– Мама, сегодня день материнских мук, день моего рождения, спасибо, что привели меня в этот мир…

Госпожа Хань собиралась уже есть лапшу, но, увидев, с каким серьезным видом говорит дочь, засмеялась и обратилась к тетушке:

– Хватит, хватит, не приставай к ребенку! Где ей, девушке, знать, что за испытание – рождение ребенка? Ешьте лапшу!

Отец, Хань Цзыци, сохранял спокойствие – возможно, оттого что раздражение, вызванное ссорой, еще не рассеялось. Он посмотрел на Синьюэ и тяжело вздохнул:

– Синьюэ семнадцать лет! Отец забыл… Прости, что не смог устроить тебе достойный день рождения…

– Лапшой с подливой я очень довольна! – сказала Синьюэ.

– Нужно было купить праздничный торт, воткнуть семнадцать свечей…

Не успел отец договорить, как Синьюэ продолжила:

– И я бы одним махом – ф-фух! – задула бы их все! Да? Я видела такое по телевизору!

Тетушка с раздражением спросила:

– Ну и как это называется? Задуть фонарь и убрать свечу[44]?

Синьюэ с улыбкой ответила:

– Тетушка, вы не понимаете, это же иностранный обычай!

– Что хорошего в иностранных обычаях? – госпожа Хань недовольно глянула на мужа. – Ешь! Опять хвастаешься, как много ты знаешь и понимаешь!

Хань Цзыци замолчал. В эти годы слово «иностранный» стало не слишком употребительным: из-за него легко было прослыть империалистом. Хань Цзыци, занимавшийся внешней

[43] Лапша, которую готовят ко дню рождения и которая служит символом долголетия.

[44] Образное выражение, означающее «протянуть ноги, отдать концы». – *Примеч. пер.*

торговлей, был к этому особенно чувствителен. Едва госпожа Хань указала на это обстоятельство, он сразу замолчал. Нехорошо обсуждать при детях западный буржуазный образ жизни.

Атмосфера за столом стала удручающей, и тетушке пришлось вмешаться:

– Да какие там иностранные обычаи! Местные обычаи – ешьте, пока лапша не остыла! Синьюэ, Тяньсин, ешьте!

Синьюэ посмотрела на брата, который не произнес ни слова с тех пор, как переступил порог дома, и сказала:

– Ешь!

Хань Тяньсин был на восемь лет старше Синьюэ – в этом году ему исполнилось двадцать пять. Он работал на государственном предприятии – единственном в стране заводе, печатающем деньги. Это была секретная организация со строжайшим режимом. Наверное, из-за долгой работы в такой среде (а может быть и по другим причинам) у него сформировалась привычка молчать: он был крайне замкнутым и очень редко говорил, за исключением случаев, когда нельзя было не говорить. Каждое утро он завтракал, садился на велосипед и уезжал, а вечером возвращался домой. Войдя в дом, он сразу опускал голову и ни на кого не поднимал глаз. У него было смуглое лицо, как у отца, но полнее. Прямо в спецодежде он направлялся к себе в восточный флигель, ждал, когда тетушка позовет его ужинать, и только тогда выходил и молча съедал все, что подадут, а затем возвращался обратно. Если ночью ему не надо было выходить по нужде, то показывался он только утром следующего дня. Отец говорил: «Этот парень молчит как партизан, словно воды в рот набрал». Тетушка иногда его поддразнивала: «Ой, Тяньсин, ты голову повесил на два чи[45] – из-за кого это?» Он отвечал совершенно невозмутимо, не поднимая головы: «Не из-за кого».

Сегодня же этот молчун неожиданно заговорил.

– Синьюэ, – сказал он, посмотрев на младшую сестру и неловко двигая полными губами, совсем отвыкшими от речи. – Я приготовил тебе подарок…

Синьюэ удивилась:

– Брат, ты помнишь о моем дне рождения?

Тяньсин сказал:

– Да. Вчера я увидел в небе народившийся месяц и вспомнил, что в мой день рождения на небе – полная луна, а в твой – узкий полумесяц.

Хань Цзыци и госпожа Хань, не сговариваясь, посмотрели друг на друга и тут же отвели взгляды. Им и в голову не приходило, что их сын так внимательно относится к сестре и помнит о дне ее рождения.

Тетушка была очень тронута:

– Правильно, ты родился в пятнадцатый день третьего месяца, а она в пятый день шестого месяца. Разве можно такое забыть?

Синьюэ с любопытством посмотрела на Тяньсина:

– Брат, а что ты мне подаришь?

Тяньсин ничего не сказал, только вынул из кармана рабочей одежды конверт и торжественно протянул его сестре:

– Вот, держи!

Синьюэ нетерпеливо открыла конверт: в нем лежали четыре новенькие купюры по пять юаней. Родители и тетушка, казалось, были изумлены не меньше Синьюэ.

– Брат, зачем ты даешь мне деньги? – Синьюэ была немного разочарована: она надеялась получить подарок со смыслом – например, книгу или что-то похожее.

– Да у меня… да у меня больше ничего нет! – сказал Тяньсин с простодушной улыбкой. – Эти деньги я заработал!

---

[45] Чи – мера длины, исторически изменявшая абсолютное значение. Современный чи равен трети метра, т. е. 33,33 см.

– Но ты получаешь только сорок юаней в месяц! Оставь себе, у меня есть, папа дал.

– Так ведь я и не даю тебе по двадцать юаней каждый месяц, такой возможности у меня нет, – сказал Тяньсин. – В этом месяце ты поступаешь в университет, купи новые туфли или письменные принадлежности, – ведь ты станешь студенткой!

Хань Цзыци и госпожа Хань отложили палочки для еды, но промолчали.

Синьюэ поняла, что имел в виду брат, и обрадовалась:

– Брат, думаешь, я смогу поступить в университет?

– Сможешь, – Тяньсин больше не смотрел на нее и ел, низко опустив голову: так он скрывал свое волнение. – Если ты не поступишь, то кто тогда? Я в институте не учился и даже в старшую школу не ходил – что́ я могу еще сказать?

Сегодня ее брат произнес больше слов, чем за целый год: так он расчувствовался. Он не заметил, как тронуты его словами родители, одновременно опустившие палочки: они смотрели на него глазами, полными раскаяния, будто были перед ним в долгу. Тетушка не вымолвила ни слова и молча ела: ее мысли были далеки от происходящего.

Синьюэ держала в руке новенькие банкноты. Она понимала, что брат по-доброму завидует ее поступлению в университет, но на душе все равно было тяжело. Она не знала, почему он окончил только среднюю школу, прекратил учиться и пошел работать. Не потому ли, что ее появление на свет повлияло на место брата в семье, на его перспективы? В таких семьях, как у них, отец зарабатывает по сто двадцать юаней в месяц и не может позволить себе обучение двоих детей. Или брат плохо учился?

Тяньсин прервал ее размышления. Доев лапшу, он вытер губы и сказал:

– Смотри, съел твою «лапшу долголетия» и радуюсь! Сдавай экзамены как следует и обязательно поступишь! Ты не можешь быть такой, как я, ты должна стать лучше! – договорив, он встал из-за стола и ушел к себе во флигель.

Синьюэ хотела пойти за ним, чтобы поговорить, но она еще не доела лапшу, и ей нужно было кое-что сказать отцу, поэтому она осталась за столом. Подумав немного, она вымолвила:

– Папа, в школе сегодня вывесили регистрационные списки с именами тех, кто будет сдавать экзамены, и учитель просил тех, кто хочет поступать в университет, написать заявление.

– А? – Хань Цзыци вдруг встрепенулся. Очнувшись от своих размышлений, он спросил у дочери: – Так ты заполнила?

– Нет еще, учитель велел спросить, что думает об этом глава семьи.

– Что думает глава семьи… – повторив эту фразу, Хань Цзыци не стал сразу выражать свое мнение, а задал встречный вопрос: – А ты сама что думаешь?

– Я хочу поступить на факультет западных языков Пекинского университета.

– Учить английский?

– Да, мне нравится английский.

– Да! – Сердце Хань Цзыци дрогнуло: дочь выбрала ту специальность, которую он и хотел!

– Учить иностранный язык? – госпожа Хань неодобрительно посмотрела на них. – Вы дома не наговорились на иностранном языке? Еще и в университет поступать надо?

– Мама, английский – это не только умение сказать несколько слов… – объяснила ей Синьюэ.

– Да, это такой предмет! – подхватил Хань Цзыци. – Вот ты, например, лучше всех говоришь на китайском, но не знаешь ни одного иероглифа, так что не можешь считаться специалистом!

– Кем ты меня выставляешь? – лицо госпожи Хань потемнело от гнева. – Тяготишься тем, что я безграмотная, нетерпеливая? О чем ты раньше думал? Не мог никого получше найти? Нашел бы помоложе, покрасивее и чтобы иностранные языки знала!

– Мама! О чем вы говорите… – смутилась Синьюэ.

– Правду говорю! Мать плохая, деревенщина! Пусть он тебе хорошую мать найдет, иностранную! – Казалось, госпожа Хань решилась на ссору: звучала она все более агрессивно.

У Хань Цзыци все внутри запылало. Он гневно посмотрел на супругу, чувствуя, что вот-вот разразится новая битва!

– Ой-ой, вот так мама у Синьюэ! – тут же вмешалась тетушка. – Человеку за пятьдесят, а над ребенком шутить не боится! Разве это по-родительски? Поступление в университет – дело важное, мы в этом ничего не смыслим, вот и не стоит в это лезть. Пусть они с отцом все хорошенько обдумают!

Тетушка была в этой семье как смазочное масло. Когда ее приводные колеса начинали заедать и невыносимо скрежетали, она немедленно их умащивала, те замолкали, и механизм продолжал крутиться. Дело было не в какой-то особенной авторитетности ее слов, а в опыте, приобретенном за долгое время совместного проживания. Зная сильные и слабые места противоборствующих сторон, в решающий момент она находила идеальный аргумент и всегда била в нужную точку: каждый из противников начинал взвешивать за и против и в итоге сдерживался. Конечно, посторонний вряд ли распознал бы эти ухищрения – например, Синьюэ не знала, почему родители все время ссорятся, а потом каждый раз мирятся. Вот и теперь ссора затихла – по крайней мере, стороны временно свернули знамена и прекратили бить в барабаны.

Госпожа Хань продолжила есть лапшу.

Хань Цзыци подавил волну гнева, вызванного ссорой, и переключился на вопрос, который беспокоил его гораздо сильнее, – на учебу дочери. Она была его драгоценной жемчужиной; изо дня в день он наблюдал, как она растет, и вот дождался – его любимая девочка окончила школу и поступала в университет. Это серьезный рубеж на ее жизненном пути: став студенткой, через пять лет она сможет получить диплом и выйти в общество, начать самостоятельную жизнь. Хань Цзыци не учился ни в школе, ни в университете; жизнь и работа заставили его самостоятельно совершенствовать китайский и учить английский. Тяньсин окончил только среднюю школу первой ступени[46]… В их семье не было ни одного человека, кто получил бы университетский диплом, о чем Хань Цзыци сильно сожалел. Эта задача теперь лежала на плечах Синьюэ – она была его последней надеждой. В день получения ею диплома будет исполнен его отцовский долг, и он сможет с улыбкой сказать: «Я не подвел тебя и не посрамил свою честь!» Все эти усилия нужны были не столько дочери, сколько ему самому, иначе он никогда не успокоится. Он верил, что дочь сможет осуществить то, о чем он сам долго мечтал. Когда Синьюэ была совсем маленькой и едва лепетала, ей уже удалось овладеть не только китайским, но и азами английского. Оба языка давались ей одинаково легко: уже к трем годам она знала общеупотребительные слова на обоих языках и могла ответить на простые вопросы. Дома Хань Цзыци любил разговаривать с Синьюэ по-английски, – это продолжалось больше десяти лет и, войдя в привычку, очень помогло с изучением английского в средней школе. У Синьюэ были отличные оценки по всем предметам, но английский давался ей особенно легко. Поэтому когда она выбрала английский в качестве экзаменационного предмета и своей будущей профессии, отец сразу поверил в ее успех.

– Очень хорошо, Синьюэ, – сказал он. – Я и сам об этом давно думал: английский для тебя самая подходящая специальность.

– Вы хотите, чтобы в будущем я стала переводчиком? – Синьюэ заволновалась, и в ее глазах вспыхнула надежда.

– Этого я не могу сказать, – Хань Цзыци ласково посмотрел на дочь. – В стремлении заниматься своим делом важны не титулы и ранги. Если тебе что-то нравится, то нужно всю энергию направить на изучение этого предмета и овладеть им; нужно получать от него удовольствие и никогда его не бросать – это и есть профессионализм, и это важнее всего…

[46] В средней школе первой ступени обучаются с 12 до 14 лет.

– Как твоя увлеченность нефритом? – улыбнулась Синьюэ.

– Ну-у… – протянул Хань Цзыци и вздохнул.

– Отлично, папа укрепил мою решимость, – радостно сказала Синьюэ, уплетая лапшу. – Тогда я заполню заявление, ведь завтра нужно его сдать!

– Никто не может препятствовать твоему желанию, ты уже взрослая, тебе семнадцать лет, – уверенно сказал Хань Цзыци. А затем спросил: – Какой у тебя второй вариант?

– У меня нет второго варианта! – не задумываясь, выпалила Синьюэ.

– Нет? А если не поступишь? Всегда должен быть путь к отступлению…

– Я не оставляю себе пути к отступлению: не верю, что провалю экзамен!

– Эге! – затрепетал Хань Цзыци. Хотя он знал о способностях дочери, но не думал, что Синьюэ настроена столь решительно и настолько уверена в своих силах, что ей кажется, будто ее будущее уже у нее в руках! Такой настрой дочери его обрадовал, и тяжесть словно отлегла от его сердца. – Я восхищен твоей отвагой! Не нужны пути к отступлению! Они… для слабаков!

– Спасибо за поддержку, папа! – искренне поблагодарила Синьюэ. – Я должна поступить в Пекинский университет и оправдать твои надежды!

– Где этот Пекинский университет, о котором вы говорите? Далеко? – вдруг спросила тетушка, которая до этого ни слова не вставила в разговор отца и дочери. Хотя она не совсем понимала, о чем речь, то, что она услышала, очень ее взволновало.

– Да нет, недалеко, – сказал Хань Цзыци, доедая лапшу, которую наконец-то распробовал. – В красном здании у реки!

– Где? Твои представления устарели, – Синьюэ со вздохом улыбнулась. – Пекинский университет давно уже не там, а в западном пригороде – это довольно далеко.

Хань Цзыци удивился:

– Там, где раньше был Яньцзинский университет?

Синьюэ кивнула:

– Именно там!

– Да? – удивленно спросил Хань Цзыци и вдруг отложил палочки. – Что, правда там?

– А что? – в свою очередь с недоумением спросила Синьюэ.

– Почему ты идешь учиться именно туда? – Хань Цзыци положил палочки на пиалу: он больше не мог есть.

– Разве Пекинский университет плох? Учителя говорят, что это лучший университет страны, у него самая богатая история, а во время Движения четвертого мая он был… – Синьюэ словно наизусть читала родителям руководство для абитуриентов.

– Я не говорил, что он плохой… – пробормотал Хань Цзыци. – Я имел в виду, что…

Тетушка перебила:

– Твои мама и папа думают, что он находится слишком далеко и что ты могла бы учиться где-нибудь поближе.

– Да, – подхватил Хань Цзыци, – можно подать документы в другой университет. Например, в Институт иностранных языков, в Институт внешней торговли…

– Нет, я буду поступать в Пекинский университет! – Синьюэ была непоколебима.

– Почему? Что ты на нем зациклилась? – госпожа Хань была явно недовольна.

– Потому что… – Синьюэ посмотрела сначала на мать, потом на отца. – Потому что у Пекинского университета самый высокий проходной балл, в него сложнее всего поступить, и я хочу испытать свои способности по самому высокому стандарту! Мама, я могу поступить – какая разница, что далековато? Папа, что скажешь?

За обеденным столом воцарилась тишина.

– Хорошо, если ты так решительна в своем желании, не стану тебя отговаривать! – сказал наконец Хань Цзыци с выражением безысходности в голосе.

– Тогда я… – Синьюэ, тревожась, хотела задать один вопрос, надеясь получить от отца ясный, однозначный ответ, однако Хань Цзыци ее опередил.

Опустив голову, он проговорил:

– Но давай послушаем, что твоя мама скажет…

– Мама… – Синьюэ смущенно посмотрела на мать.

– Незачем меня спрашивать. Раз вы с отцом договорились, я стоять у тебя на пути не буду – медленно выдавила госпожа Хань, даже не взглянув на дочь, и лишь повела бровями. От ее интонации зазнобило. Она оттолкнула миску, встала и у выхода из столовой бросила мужу: – Разве ты не говорил, чтобы я не лезла в ее дела? Я и не буду лезть!

Палочки в руке Хань Цзыци опустились на стол, а его высокие тонкие плечи поникли.

Сердце Синьюэ дрогнуло, когда она поняла: это она была причиной сегодняшней ссоры родителей! Но о чем они спорили? Наверное, о предстоящих экзаменах. У них были разногласия не только в вопросе о том, куда поступать. Судя по маминым высказываниям, она вообще не одобряла намерение дочери сдавать вступительные экзамены!

* * *

Стемнело. Цикады все еще беззаботно пели, хотя удушающая дневная жара уже спала и дуновение слабого ветерка принесло долгожданную прохладу. Летнее ночное небо было усыпано бесчисленными мерцающим звездами. На западной стороне небосвода сиял над далекими кронами деревьев изогнутый молодой месяц. Он был тонким, словно слоновий бивень на черном бархатном полотнище, словно край белого нефритового диска, показавшийся из воды, словно качающаяся на волнах лодочка. Интересно, куда эта лодочка плывет?

Синьюэ долго сидела в комнате тетушки, прежде чем уйти к себе и лечь спать. Ссора родителей, пока не решенный вопрос о поступлении – все это волновало ее, а поговорить было не с кем. Тетушка относилась к ней с неизменной нежностью, больше всех любила и лучше всех умела успокоить. Когда у Синьюэ случалось что-то плохое, она всегда искала утешения у тети. Та объясняла все по-своему, неожиданно, находя в случившемся забавные стороны, – до тех пор, пока Синьюэ не начинала хохотать. Однако на этот раз испытанный способ не подействовал: вопрос о поступлении был слишком серьезным и превосходил тетушкины полномочия. Здесь она не была хозяйкой и только повторяла: «Не волнуйся, еще раз обсуди с мамой. Не переживай, мама любит тебя и все для тебя сделает. Она просто переживает, что ты будешь далеко ездить на учебу, поговори с ней еще раз!» И еще тетя сказала: «Думаю, что учеба в университете для девушки не так важна…»

Эх, тетя была неграмотной, мало в чем смыслила, болтала попусту всякие глупости, не понимая существа вопроса, – где ей было успокоить расстроенную племянницу.

Синьюэ вышла от тети обеспокоенной и пошла к себе в западный флигель. Когда она подняла глаза и увидела в небе полумесяц, то подумала, что у нее с этим таинственным небесным телом одно имя[47]. Семнадцать лет назад, такой же ночью, когда взошел молодой месяц, она появилась на свет. Теперь она выросла, стала взрослой девушкой. Куда идти дальше? У луны своя орбита, она свободно двигается вперед, – а что Синьюэ? Она оказалась на перепутье, в полной растерянности.

Она стояла во внутреннем дворике, глядя на окна главного дома. В родительской спальне света не было, – интересно, спят ли они? Ей хотелось поговорить с родителями, но, когда она вошла в галерею и не услышала ни звука, то в нерешительности остановилась. Она подумала, что они уже заснули, и не осмелилась их разбудить. Немного постояв, она тихо пошла назад.

[47] Имя «Синьюэ» означает «полумесяц», «молодая луна». – *Примеч. пер.*

Вернувшись в западный флигель, она даже не включила свет: ощутив слабость в всем теле, она, не раздеваясь, легла на кровать. В комнате было темно, и тусклый лунный свет проходил сквозь полупрозрачную занавеску, освещая стоявшие у стены шкаф, туалетный столик и письменный стол. Ей казалось, что она очутилась в безлюдной долине, где царили пустота и одиночество. Она ворочалась с боку на бок на двуспальной медной кровати, изголовье и изножье которой были украшены резной решеткой с орнаментом. На ней она спала с детства, и на ней же спала ее мама. Тетушка говорила, что мама жила здесь, когда рожала и старшего брата, и Синьюэ. Прошло много лет, и она уже не помнит, как мама кормила ее, маленькую, молоком, прижимая к груди, и как они были бесконечно близки. В ее воспоминаниях о детстве осталась тетушка – она постоянно спала с ней, одевала ее и кормила, водила гулять во двор… Когда девочка пошла в первый класс, тетушка сшила ей школьную сумку и проводила до школы. После уроков она ждала ее у школьных дверей, боясь, что по дороге домой племянница заблудится на городских улицах, где ее к тому же могут обидеть мальчишки. Так продолжалось несколько лет, пока Синьюэ не перешла в среднюю школу и тетушка не удостоверилась, что девочка может себя защитить: только тогда она перестала встречать и провожать ее. Но каждый день тетушка с нетерпением ждала возвращения Синьюэ с уроков, и, если та приходила поздно, стояла у ворот и смотрела вдаль, не находя себе места. Синьюэ помнила, как в тринадцать лет она впервые запаниковала при виде красного следа на простыне и, не успев его скрыть, встретилась с презрительным взглядом матери: «Такая большая девочка и этого не понимает…» Тетушка поспешила застирать пятно и тихонько сказала: «Синьюэ, не бойся, просто ты стала взрослой. Это не болезнь и не рана, я сейчас тебе расскажу…» С тех пор прошло почти пять лет, и она чувствовала, как с каждым днем становится взрослее и учится сама заботиться о себе. Чтобы Синьюэ было спокойнее, тетушка больше с ней не спала и переехала в южный флигель, хотя по-прежнему продолжала стирать и чинить одежду племянницы, молча заботясь о ней, – как, было и сегодня, на праздничном ужине по случаю дня рождения… В отличие от тетушки мать не придавала особого значения бытовым мелочам. Скоро Синьюэ закончит старшую школу, и наступит пора яростных сражений на вступительных экзаменах. Ей так нужны будут поддержка и ободрение родных! Папа явно ее поддерживает, но его будто обуревают сомнения, и без маминого кивка ему сложно принять окончательное решение. Сегодня чем больше он говорил, тем неувереннее были его слова, и ему все время нужно было смотреть на мамино лицо. Мама вроде бы ни во что не вмешивается, но это только на словах. На деле же она, конечно, будет во все встревать, упорно препятствуя усилиям дочери, будет пытаться изменить ее путь в этот решающий, судьбоносный момент… Зачем ей это, в конце концов?

В расстроенных чувствах Синьюэ села на кровати и зажгла лампу. На столе под лампой лежал бланк ее заявления, и графа о выбранном учебном заведении была по-прежнему пустой. Она не знала, как завтра будет отдавать его учителю. У девушки, готовой стоять насмерть, отрезав себе все пути к отступлению, осталось единственное, но такое труднопреодолимое препятствие – ее родная мать!

Слезы брызнули на незаполненный бланк. Она вынула носовой платок, тихонько стерла с бумаги мокрые следы, бережно положила бланк в учебник английского и села напротив одинокой лампы, погрузившись в свои мысли. Ее взгляд упал на зеркальце в деревянной резной оправе, в которую была вставлена пожелтевшая шестидюймовая фотография: она с мамой. На снимке мама спокойная, сдержанная, с нежной и любящей улыбкой. Одна тонкая прекрасная рука покоится на талии, а другой она придерживает дочь, сидящую у нее на коленях. Девочка сладко прижимается к маме, а ее наивные, улыбающиеся, переполненные счастьем глазки смотрят прямо в объектив фотоаппарата. С распущенными волосами до самых плеч, одетая в белое платье из легкой ткани, белые чулки и белые туфельки, она была похожа на куколку. Вроде бы тогда ей было два годика? Черты ее лица – брови, глаза, нос, рот – явно походили на мамины. Теперь она выросла, но, когда смотрит на себя в зеркало, все равно чувствует: чем взрослее

становится, тем больше напоминает маму. Мать больше никогда с ней не фотографировалась, и к семнадцати годам это была их единственная совместная фотография. Синьюэ с бесконечным обожанием рассматривала снимок, представляя себе, будто снова может стать маленькой, вернуться в мамины объятия и ощутить материнское тепло, которое с каждым днем было все слабее и слабее. На фото мама выглядит намного моложе, ведь тогда она была совсем молодой женщиной, завивала волосы, носила ципао[48]. Сейчас мама состарилась, ее туалет изменился, но черты лица, глаза и брови остались прежними. Больше всего изменилась не внешность, а ее чувства к дочери. Синьюэ снова увидела мамино лицо, по которому порой так сложно было понять ее настроение. Когда-то оно озарялось улыбкой и даже выражало сердечность, но теперь от него в основном веяло холодом и равнодушием. Синьюэ инстинктивно боялась матери, избегала ее. Она так мечтала, что мама не изменится и навсегда останется такой же приветливой и доброжелательной, как на фотографии! Куда ушли прежние любовь и ласка? Откуда взялась между ними эта невидимая пропасть? Мама, почему ты не даешь мне, твоей дочери, понять себя?

Синьюэ не предполагала, что в эту бессонную ночь, когда ее одолевали грустные мысли, родители тоже не смыкали глаз. Уже очень поздно в комнате, расположенной в восточном крыле дома, между пожилыми супругами состоялась серьезная беседа о судьбе дочери, о ее поступлении в университет.

Хань Цзыци, которому было под шестьдесят, уже больше десяти лет не спал с женой в одной постели. Комната в восточном крыле была их бывшей спальней. За перегородкой стоял деревянный лакированный шкаф, у южной стены под окном – сундук с медными заклепками по углам и медным замком, а у восточной стены – деревянный чайный столик и два стула в стиле эпохи Мин. К кровати с одной стороны была приставлена тумбочка, а с другой – сейф и туалетный столик. Вся мебель была куплена на новоселье в известной мастерской «Байнянь-лао»[49], название которой говорило об особом качестве произведенных в ней изделий. Приобретенная мебель действительно оказалась прочной и даже через двадцать пять лет не потеряла своего вида – только немного состарилась, да лак потемнел. У северной стены стояла большая медная кровать, занимавшая четверть комнаты. С тех пор как семья Хань Цзыци переехала в дом «Боячжай», старый кан[50], находившийся у северной стены, убрали и купили медную кровать в европейском стиле с большим изголовьем и изножьем, украшенными барельефами с цветами и травами. Западный стиль прекрасно гармонировал с резной перегородкой и деревянной мебелью. Рисунок в углублениях покрылся ржавчиной, а его выпуклости были отшлифованы и блестели, как старинный антиквариат. Эта комната продолжала называться супружеской спальней, и кровать с лежащими на ней двумя подушками и двумя одеялами была застелена, однако Хань Цзыци давно не ночевал здесь; спальней ему служил кабинет в западном флигеле, а кроватью – большой диван в европейском стиле. Каждое утро он отправлялся на работу в торговую компанию, которая занималась импортом и экспортом художественных изделий, и домой возвращался только вечером, так что весь день кабинет-спальня был заперт. Дети не знали о секрете родителей.

Сегодня против обыкновения Хань Цзыци заставил себя войти в спальню жены и включил лампу. Госпожа Хань не спала и, увидев мужа, лишь прикрыла глаза, не обращая на него никакого внимания. Хань Цзыци молча сел на стул, склонив голову, замер и не знал, с чего начать.

– Если есть, что сказать, то говори. Все о том же? – она первой нарушила молчание.

---

[48] Ципао – китайское длинное женское платье в талию, со стоячим воротником и широкой правой полой.

[49] Букв. «столетняя прочность». – *Примеч. пер.*

[50] Кан – кирпичная или глиняная лежанка с печью на одном из концов, дымоход которой наполняется горячим воздухом и служит для обогрева жилища.

– Все о том же, – сказал он. – Я уже согласился с решением Синьюэ, не нужно…

– А я разве не согласилась? – она холодно улыбнулась.

– Ты называешь это согласием? Напугала ребенка так, что она не смеет и слова вымолвить!

– Разве она не сказала все, что должна была сказать? Ха, она будет поступать… – на этом месте госпожа Хань замолчала.

– Я знаю, ты не хочешь, чтобы она поступала в Пекинский университет… – Хань Цзыци глубоко вздохнул. В этом вздохе было все, что так долго хранилось в его сердце, но осталось невысказанным. Жене ничего говорить не нужно, она и так все хорошо понимает; а дочери он ничего сказать не может: нельзя, чтобы она поняла.

– Да не важно, в какой университет – ни в какой не надо поступать! – помолчав, проговорила госпожа Хань с мрачным лицом.

– Как это так? – очнулся Хань Цзыци от своих мыслей.

– А что такого? Девушка отучилась в старших классах, и этого вполне достаточно! Она быстро вырастет и выйдет замуж, – я просто смотрю на вещи реалистично! К чему университет? К чему учить иностранный язык? Или ты хочешь отправить ее за границу?

– Я… я и не думал об этом! – разволновался Хань Цзыци. – Я просто хочу выполнить ее просьбу, хотя это и мое желание тоже! У ребенка хорошие способности, она как кусок необработанного нефрита: не отшлифуешь – не получишь изделия. Наш родительский долг – поддерживать ее, нельзя дать ей остановиться на полпути и потерять перспективы на будущее! У меня… у нас всего одна дочь!

– А сын не один, что ли? – неожиданно спросила госпожа Хань. – Тяньсин остановился на полпути, потерял перспективы… Что же ты молчал? Он и Синьюэ, оба – твои родные дети!

Госпожа Хань поставила мужа в тупик: его опечалило упоминание о сыне.

– Одинаковые дети, с которыми ты неодинаково обходишься! Тяньсин что, глупый? Безнадежный? Ему дали поступить в университет? Даже старшей школы не окончил, пошел в подмастерья, ему было всего пятнадцать…

У каждого в уме своя счетная книга. Когда она заговорила о горестях прошлого, у нее покраснели глаза, и в них появились слезы.

– Не говори… – Хань Цзыци от стыда опустил голову и подпер лицо обеими руками, потирая ладонями темный морщинистый лоб. Слова жены поразили его в самое сердце. – Не говори этого! Когда я думаю о том, что Тяньсин бросил учебу, у меня сердце кровью обливается, – вот где я не выполнил свой отцовский долг до конца, но я тогда… Тяньсин упустил свой шанс; в жизни успех и поражение часто зависят от случая, и бывает сложно ухватить руками свою судьбу!

– Все хорошие шансы достались Синьюэ: деньги ей, учебу ей, но заменит ли она своего брата? – госпожа Хань вытерла слезы и пробормотала: – Я не то чтобы не люблю Синьюэ или люблю сына больше дочери, просто девушка – это все равно девушка, и она не заменит сына! Да в жизни никто никого не заменит. Детей рожают и растят не ради родителей, а ради них самих, и пусть они сами идут по своему пути!

С этой мыслью Хань Цзыци повернулся к жене и пристально посмотрел на нее:

– Я уже упустил сына и не могу упустить дочь!

Госпожа Хань, услышав болезненное самообвинение Хань Цзыци, почувствовала облегчение, но муж неожиданно сменил тему и вернулся к Синьюэ: именно она занимала особое место в его сердце.

Госпожа Хань вдруг успокоилась, перестала плакать и вспоминать о прошлом, которого не вернешь, вместо этого подумав о настоящем. Ей хотелось закончить переговоры, и она холодно сказала:

– Уже за полночь, а ты меня всячески уговариваешь, чтобы я сказала лишь одну фразу. А я промолчу. Что ты будешь делать? Где твоя решительность? Сам решай, не надо со мной ничего обсуждать!

– Не… не надо так, прошу тебя! – Хань Цзыци, столкнувшись с твердой позицией жены, вдруг ослабел, понизил голос и с жалобным видом посмотрел на нее. – Синьюэ предстоит сдавать вступительные экзамены, и сейчас ее нужно воодушевлять, а не подавлять. Разве мы можем вылить ей на голову ушат холодной воды? Она еще так юна, она этого не вынесет! Ко мне ты можешь относиться как угодно, но не надо мучить ребенка! Пусть она поступит в университет, ведь мы это придумали не сегодня, мы давно это решили, мы дали обещание, мы не можем его нарушить! Я прошу тебя…

Лицо Хань Цзыци приняло страдальческое выражение, мышцы подергивались, веки опустились на глаза, пряча сожаление и страх, надежду и мечту. Он встал со стула и оперся о кровать, будто собирался встать перед женой на колени.

Госпожа Хань откинулась на спинку кровати, посмотрела на Хань Цзыци и не стала его останавливать, словно ей было все равно, что́ сделает муж.

– Обещание? Ты еще помнишь? Ты и впрямь человек слова, и сегодня я тоже дам тебе одно обещание! – она говорила рассеянно и как бы невзначай перевела разговор на другую тему, не относившуюся к предмету их спора. – Тяньсину двадцать пять, ты помнишь?

– Конечно, помню, – сказал Хань Цзыци. – Он родился в тридцать пятом году, двадцать пять, день рождения прошел…

– Я не говорю о дне рождения – неважно, что он не съел лапшу с мясной подливой! Ему тоже скоро предстоит большое событие… не припоминаешь?

– Какое событие? – озадаченно посмотрел на жену Хань Цзыци.

– Когда мужчина вырастает, ему нужно вовремя жениться, а родителям – приготовиться к приему невестки. Сколько ему еще с этим тянуть?

– Ну! – Хань Цзыци только сейчас осознал, насколько это важное событие. – Но ведь у него пока нет девушки?

– Ха, если тебе на это плевать, думаешь, и мне все равно? Если сына упустили, так нельзя же и внуков упустить! Я сама позабочусь об этом. Дам тебе знать, сколько надо денег. У сына не может быть такой свадьбы, какая была у нас. У моего сына должна быть шикарная свадьба – так что будь готов потратиться!

– Сколько нужно? – Хань Цзыци машинально поднял руку и потрогал карман суньятсеновки[51], будто желая сразу расплатиться.

– Примерно так! – она вытянула два пальца.

– Две тысячи? – опешил он. – Так много? У меня столько нет…

– Чтобы ходить пить и есть по ресторанам, – они есть. Чтобы платить за учебу дочери в старших классах и за ее поступление в университет, – они есть. Как дело доходит до сына, так сразу – ой! нету!

– Так… ты знаешь, что у меня нет депозитов, и каждая моя зарплата посчитана, а от дома остался один остов, его даже продать нельзя!

– Разве ничего не осталось? Если искренне любишь сына, то можно кое-что соскрести с верхушки своего сердца…

Хань Цзыци изменился в лице. Он не ожидал, что жена ударит в больное место. Это его личное дело, его духовная опора, его тайна, на которую много лет никто не посягал, уединенный райский островок. Слова «верхушка сердца» не были преувеличением! Жена и сюда протянула свои руки.

[51] Суньятсеновка – мужской френч, похожий на военный китель, популярный в Китае вплоть до 90-х годов XX века.

– Нет, так не пойдет, ни в коем случае, я не хочу! – сказал он, дрожа от страха и все же собираясь отступить.

– Тогда, может, захочешь лишить Синьюэ учебы? – она уверенно зашла с другой стороны.

Он остолбенел. Это была сделка.

Он оказался в отчаянном положении, в тупике. Он не мог принять условия капитуляции и пытался найти отговорки.

– Нет, послушай, так не пойдет. Все считают, что я давно разорился, иначе бы назвали капиталистом! Сейчас я госслужащий, и эти вещи… если просочатся, то неизвестно, что обо мне скажут. Мне… мне тогда конец!

– Не надо преувеличивать! – спокойно сказала жена, совершенно не тронутая его сумбурной речью. Она подготовилась заранее и не дала слабины. – Я же не пожелаю тебе дурного. Ты – опора нашей семьи! Тебе не нужно, чтобы это стало известно, и мне не нужно. Ни о чем не переживай, просто открой мне дверь той комнаты, и считай, дело сделано. Тебе не придется беспокоиться ни о каких делах, связанных с женитьбой сына!

Хань Цзыци выслушал соображения жены, поразившись их продуманности, – очевидно, идея пришла ей в голову не вчера!

– Не беспокойся, надо только помощнику немного заплатить, он и знать не знает, для кого будет хлопотать, – успокаивала она мужа, пресекая ему пути к отступлению и побуждая быстрее принять решение.

Хань Цзыци молчал. Клинок вонзился ему в грудь и подошел к самому сердцу. Неужели ему и правда придется принести себя в жертву?

– Увы, ты и сам видишь, сколько бед на нас свалилось! – госпожа Хань не считала себя палачом и постаралась перевести внимание мужа на то, что их объединяло. – В конце концов, все ради детей!

Последний удар, направленный в сердце Хань Цзыци, указывал, кто здесь главный. Он понял, что угодил в ловушку, из которой сложно выбраться. Хотел он этого или нет, но он мог делать только то, что сказала жена.

Полумесяц уже переместился с западного на восточный край неба, незаметно превратив его из густо-черного в серо-белое. Хань Цзыци молча вышел из спальни жены, нащупал ключ, который всегда находился при нем, открыл западную комнату, примыкавшую к его спальне, и вошел в свое тайное убежище…

* * *

Рассвело. Не спавшая всю ночь Синьюэ вышла во двор со школьным ранцем на спине. Она была бледна, но глаза ее блестели. Только что мама сказала ей с улыбкой:

– Синьюэ, я надеюсь, ты сможешь сдать экзамен…

Тетушка, занятая приготовлением завтрака, даже прослезилась. Синьюэ, не в силах сдержать радостного удивления и почувствовав материнскую любовь, словно воскресшую благодаря старой фотографии, обеими руками обвила шею госпожи Хань и оставила на ее слегка постаревшем лице благодарный поцелуй:

– О, мама!

Хань Цзыци, сложив руки за спиной, спустился по ступеням главных ворот и направился в противоположную сторону – ему пора было на работу. Сделав несколько шагов, он остановился, повернулся и посмотрел, как в лучах тусклого утреннего солнца постепенно исчезает белое платье уходящей Синьюэ, и на его лице проступила улыбка. Дочь на пути к своей мечте, на пути к успеху, она счастлива, и теперь он больше всего хотел, чтобы она никогда не узнала, какую цену ему придется заплатить за ее счастье.

Глава 3. Нефритовая река

Ситуация в Пекине накалялась: студенты сожгли Чжаоцзялоу, милитаристское правительство направило войска на подавление мятежей, было арестовано более тридцати человек. Пекинские студенты объявили забастовку и разослали телеграммы по другим городам, чтобы на протесты вышла вся страна. Подтянулись студенты Шанхая, Гуанчжоу и Тяньцзиня. Говорили, что лидер тяньцзиньских студентов, по имени Ма Цзюнь, был из хуэйцев. Лян Ицину было сложно понять мотивы действий студентов, но он сознавал, что и в Пекине, и по всей стране впредь будет неспокойно. Хотя он не особенно хорошо понимал горячие речи митингующих, но, повстречав группу студентов, собирающих пожертвования, отдал им нефритовое блюдо из мастерской, которое входило в комплект с той пиалой, что разбил Ибрагим. Китайцы с нетерпением ждали, когда же в стране произойдут улучшения. Лян Ицин привык к тяготам, ему и с блюдом, и без блюда было несладко; к тому же он опасался, что его порыв может навлечь неприятности на мастерскую «Цичжэньчжай», и убедительно просил студентов не разглашать, от кого они получили этот дар. Студенты наговорили ему добрых слов и ушли, выкрикивая призывы к сопротивлению. Они были отчаянными людьми, не боялись ни чиновников, ни полицейских, ни смерти, и во имя цели, утвержденной в их сердцах, без страха рвались вперед.

Талаат ад-Дин к тому времени отправился по тысячелетнему Шелковому пути в святую Мекку – в этом намерении он был непреклонен.

Истинная вера в сердцах людей неколебима; каждый верующий действует в согласии со своими убеждениями и неуклонно движется к главной цели своей жизни.

Ибрагим же остался в Пекине. И сама великая столица, и мастерская «Цичжэньчжай» с ее драгоценными вещицами заворожили его; он был словно носимое ветром семя травы, что в конце концов опустилось на плодородную почву. Возможно, божественная вода под мостиками через Золотую реку[52] и земля пяти цветов на Алтаре земли и злаков[53] что-то сделали с его душой. Ему хотелось пустить в Пекине корни, дать ростки, зацвести, принести плоды. Он сошел с пути паломника, но не ради того, чтобы возместить убытки за нефритовую пиалу. Талаат ад-Дин, глубоко вздыхая, ушел. Он не принуждал Ибрагима – возможно, думал, что тот отошел от веры. Хотя Ибрагим не понимал, что такое вера, – может быть, его намерение посвятить себя чарующему нефритовому ремеслу и есть его настоящая вера, его призвание? Конечно, по сравнению с чаяниями правоверных его стремления казались ничтожными.

Лян Ицин, хозяин мастерской «Цичжэньчжай», официально принял Ибрагима в ученики. Ученик этот стал первым и последним в его жизни. Конечно, он предпочел бы передать свое великое искусство сыну, которого долго ждал, но так и не дождался, однако Аллах привел к нему ученика – как можно было отказаться от такого дара! Церемония посвящения в ученики проста, не требует возжигания благовоний и поклонов. В исламе почетнейшим ритуалом считается произнесение молитвы вместе с наставником: «О Аллах, благослови Мухаммеда и семейство Мухаммеда!», затем следует соединение рук ученика и учителя, олицетворяющее соединение двух сердец, посвященных одному делу.

---

[52] Золотая река (Цзиньшуйхэ) – канал, вырытый перед входом в Императорский город. Напротив южных ворот Тяньаньмэнь через этот канал переброшено пять мраморных мостиков. – *Примеч. пер.*

[53] Алтарь земли и злаков (Шэцзитань) – особое сооружение, где, начиная с династии Мин, императоры совершали обряд жертвоприношения духам земли и божествам «пяти злаков» (рис, пшеница, бобы, горох, просо). Алтарь, выстроенный в виде террасы, символизировал полноту императорской власти. Его верхняя площадка была покрыта землей пяти цветов, привезенной из различных территорий Китая – это означало, что вся земля в Поднебесной принадлежит императору.

Лян Ицин повел его навестить могилу предков на кладбище за воротами Сибяньмэнь[54]. Здесь из поколения в поколение хоронили членов семейства Лян, в котором искусство полировки нефрита передавалось из поколения в поколение. Теперь оставалось передать его Ибрагиму. Лян Ицин надеялся на понимание предков и думал: «Ибрагим, конечно, не близкий родственник семьи Лян, но он мусульманин, и в его жилах течет такая же кровь!»

Оказавшись перед заброшенными могилами, Ибрагим представил себе текущую реку. Это были тела мусульман, уходивших в могилы один за другим. Никто из них ничего с собой не брал – они оставляли все, сливаясь в единый нефритовый поток. Преисполненный благоговения, он смотрел на него, понимая, что становится частью семьи и когда-нибудь вольется в этот поток. Теперь он, преисполненный благоговения, входит в него – возможно, навсегда.

– Учитель, наш предок в первом поколении тоже похоронен здесь? – спросил мальчик у Лян Ицина, посмотрев на могилы. В дни своих скитаний с Талаат ад-Дином он встречал немало мастеров. Они говорили ему, что у каждой профессии есть свой покровитель. У живописцев – У Даоцзы[55], у кузнецов – Ли Лаоцзюнь[56], у поваров – И Инь[57], у занятых шелководством – Лэй-цзу[58], у театральных актеров – Сюань-цзун[59], у каменщиков и ремесленников – Лу Бань[60]. Через их сердца текут могучие реки традиций, и продолжатели их дел до сих пор с благоговением говорят о своих истоках. Где же исток нефритовой реки? Он хотел знать.

– В первом поколении? – Лян Ицин окинул взглядом кладбище, но не смог ответить. Это было слишком давно, и он помнил лишь то, что «водяной стол» передал ему отец, а тому его передал баба, его наставник, и если так отсчитывать поколение за поколением, то кто же был предком? Лян Ицин был неграмотным, у него не было родословной, и знал он слишком мало о своем происхождении. Он с сожалением вздохнул:

– Не могу точно сказать, да и мой учитель не смог бы!

Ибрагим упрямо смотрел на мастера: он хотел узнать о прошлом все.

– Хотя, – задумчиво сказал Лян Ицин, – у пекинского нефритового промысла есть покровитель. Люди зовут его предок Цю.

– Предок Цю? Кто он?

– Этот предок Цю не из хуэйцев, его звали Цю Чуцзи[61], он был даосом, и его второе имя – Чанчунь. Он родом из провинции Шаньдун, из бедной семьи, унаследовал дело отца и был разносчиком книг – ходил от дома к дому, продавая книги, письменные принадлежности, кисти и тушечницы, жил в нищете. Затем он стал даосом, много странствовал, прочел немало книг, особенно по нефритовому ремеслу. Он был в Хэнани, в Сычуани, в Шэньси, в Ганьсу и

---

[54] Одни из семи ворот крепостной стены Внешнего города Пекина. – *Примеч. пер.*

[55] У Даоцзы (680–740) – знаменитый художник эпохи Тан, выдающийся рисовальщик, работавший в различных живописных жанрах. Традиция считает его одним из основателей китайской пейзажной живописи (*шань-шуй,* т. е. «изображения гор и вод»).

[56] Ли Лаоцзюнь – одно из имен Лао Цзы, древнекитайского философа VI–V веков до н. э., считающегося основоположником учения о Пути-дао. В ходе формирования даосизма как религиозного течения о Лао-цзы сложилось множество мифов и легенд. Под именем Лао-цзюнь («Старый/Почтенный Государь») он выступал как олицетворение самого дао. Фамилию Ли («слива») он получил, поскольку, согласно одной из легенд, родился под сливовым деревом. В народных верованиях Лао-цзы считался покровителем заклинателей, кузнецов и ювелиров.

[57] И Инь (И Чжи) – сановник при первом правителе государства Шан (XVI–XI вв. до н. э.) Чэн Тане. По одной из версий о его происхождении, он прислуживал на кухне у девушки из рода Юсинь, которая стала женой Чэн Тана. Так он стал поваром правителя, впечатлил его своей мудростью и был назначен высокопоставленным сановником. В народных верованиях почитается как великий мудрец и покровитель поваров. – *Примеч. пер.*

[58] Лэй-цзу – супруга легендарного «Желтого императора» Хуанди, которая почиталась как родоначальница шелководства.

[59] Сюань-цзун (685–762) – император династии Тан с 712 по 756 год. Покровитель наук и искусств; считается основателем китайского театра. В народной мифологии был обожествлен как Лаолан – божество актеров.

[60] Лу Бань (507–440 гг. до н. э.) – изобретатель, инженер, покровитель плотников и строителей.

[61] Цю Чуцзи (1148–1227) – даосский монах; основатель направления Лунмэнь школы Цюаньчжэнь-цзяо. Один из так называемых «семи бессмертных». Известен также своими путешествиями в Западный край и визитами в ставку Чингисхана, о которых оставил книгу дневниковых записей.

добрался до Синьцзяна, нефрит познавал прямо в горах и достиг необычайного уровня учености и мастерства. Он прошел долгий, изнурительный путь с северо-запада до самого Пекина, и поселился в храме Байюньгуань, неподалеку отсюда…

В истории даоса Чанчуня Ибрагим услышал что-то похожее на свой собственный опыт, и его воображение дорисовало краткий рассказ учителя. Он и сам прошел не одну сотню ли, но не изучал искусство обработки нефрита, потому что не знал мастерской «Цичжэньчжай» и мастера Лян Ицина, не знал, что нефритовый дух ждет его на далеком севере. Но теперь он пришел!

Лян Ицин продолжал:

– …В то время, после многих лет войны и хаоса в Поднебесной, жизнь была крайне тяжела, люди сильно страдали, и многие не могли заработать себе на жизнь. Чанчунь отобрал несколько молодых людей со светлыми головами и золотыми руками и стал обучать их мастерству обработки нефрита. Так в Пекине появилось нефритовое ремесло. Когда Чингисхан услышал о славе Чанчуня, то призвал его во дворец, взял кусок зеленого нефрита редкого вида и попросил что-нибудь из него сделать. Чанчунь забрал с собой самородок изумрудного цвета, внимательно осмотрел его, подумал и, следуя его форме, сделал из камня дыню с зелеными листьями. Ее он и преподнес великому хану. Чингисхан увидел нефритовую вещицу, и она ему чрезвычайно понравилась, а когда он присмотрелся, то обнаружил, что это не просто дыня, а шкатулка с крышечкой. Открыв ее, он увидел длинную нефритовую цепочку, соединявшую крышку с дном шкатулки, – как здорово! Чингисхан восхитился мастерством Чанчуня и дал ему кусок белого нефрита, и тот сделал из него вазу – настолько тонкую, что сквозь нее можно было разглядеть рисунок на подушечках пальцев…

Слушая учителя, Ибрагим будто увидел эту изумрудную дыню и белоснежную вазу – он был покорен магией искусства.

– …Чингисхан пожаловал Чанчуню должность «нефритового чиновника». – Помолчав, Лян Ицин стал рассказывать дальше: – Это одна версия. По другой версии повелитель был недоволен Чанчунем из-за нефритовой чаши, которую тот ему даровал. Говорят, однажды Чингисхан пожаловал в храм Байюньгуань и не увидел, чтобы Чанчунь пользовался подаренной чашей. Спросив о причине, он услышал в ответ: «Как я могу пользоваться высочайшей святыней? Я ношу ее на голове!» Только тогда Чингисхан присмотрелся и обнаружил чашу на голове у мастера: оказалось, что тот проделал в чаше отверстия с обеих сторон, вставил в них украшения и надел на голову как даосскую шапку. Когда Чингисхан понял, что его дар возложили на голову, он обрадовался и сказал с улыбкой: «Ну, ногами стоишь на земле, а головой подпираешь небо – ты властелин нефрита!» Сторонники этой версии говорят, что Чингисхан пожаловал мастеру этот статус, а тот будто бы и делать ничего особенного не умел – только дырки и мог проделать! Я не знаю, какая версия правдива, а какая – нет. Однако с тех пор даос Чанчунь стал основателем нефритового промысла в Пекине, и называют его «предок Цю». Даосам, которые всюду попрошайничают, достаточно лишь выучить наизусть стишок про «водяной стол», чтобы сойти за выходца из Байюньгуаня, и тогда мастера нефрита хорошо их принимают. Каждый Праздник фонарей[62] – это день рождения предка Цю, и все идут в Байюньгуань поклониться патриарху. В третий день девятого месяца, день смерти предка Цю, все собираются в доме Чанчуня на улице Люличан[63] и делают подношения перед его статуей. Из-за того, что мы, хуэйцы, мусульмане и в этот храм не ходим, то никогда не поклонялись предку Цю. Где наши предки научились нефритовому мастерству, я не знаю. Может, от предка Цю, а может, был и другой патриарх…

---

[62] Праздник фонарей отмечается пятнадцатого числа первого месяца по китайскому лунному календарю и знаменует окончание празднования Нового года по лунному календарю.

[63] Люличан – улица близ центра Пекина, на которой расположены магазины, торгующие предметами искусства и антиквариатом.

Сомнения Лян Ицина не остановили Ибрагима, а лишь сильнее разожгли его любопытство.

«Я думаю, есть еще мастера! Разве у предка Цю не было учителя?» – задумался Ибрагим. История, рассказанная Лян Ицином, смешанная с легендами и шутками, очевидно, не относится к истокам той длинной реки – где они находятся, предстоит еще выяснять и выяснять…

Когда они вернулись в «Цичжэньчжай», пора было обедать. С этого дня Ибрагим стал называть жену Лян Ицина, Байши, «матушкой-наставницей», а дочерей, Биэр и Юйэр, – «сестренками-наставницами».

– А нам тебя как называть? – спросила Биэр, накрывая на стол.

– Меня? Ибрагим! – сказал он с улыбкой, держа в руке палочки и помогая Биэр раздавать еду. – Разве ты не узнала мое имя, как только я ступил на порог вашего дома?

– Это твое мусульманское имя. А собственное имя какое?

– Собственное имя?

– Да, – подхватил Лян Ицин, – у каждого из нас, мусульман, есть мусульманское имя и собственное имя. Например, мое мусульманское имя Абдулла, а собственное – Лян Ицин. А твое? У тебя есть имя кроме Ибрагима?

– Есть, но очень давно меня никто им не называл… – Ибрагим опустил голову, будто стесняясь. – Когда родители были живы, они называли меня «Маленькой диковинкой» – Сяо Цицзы…

– Сяо Цицзы? – с любопытством повторила Биэр. Это имя показалось ей забавным, даже смешным.

Сяо Цицзы покраснел.

Лян Ицин, смеясь, сказал:

– Это детское имя, а должно быть еще одно, взрослое! Когда-нибудь ты станешь мастером, станешь появляться на людях, и нельзя, чтобы тебя окликали: «Сяо Цицзы!» Какая у тебя фамилия?

Сяо Цицзы молчал. У него много лет не спрашивали фамилию, ведь он был круглым сиротой – кому какое дело было до его фамилии? Приютивший его баба Талаат ад-Дин дал ему имя Ибрагим, заменившее ему все – и имя и фамилию, а о его родственниках никому не было известно. Сейчас же, когда учитель Лян спросил его об этом, он вспомнил далекое прошлое, и на него нахлынули забытые, невыразимые чувства, а к глазам подступили слезы.

Биэр сказала:

– Раз так, то пусть у тебя будет наша фамилия, Лян.

– Нет, у меня есть фамилия, – Сяо Цицзы прикусил губу, стараясь сдержать слезы. – Моя фамилия Хань.

– М-м, – задумчиво сказал Лян Ицин. – Теперь к ней нужно подобрать взрослое имя. Хань… Хань, а дальше?

У необразованного ремесленника не было таланта придумывать имена. Он хотел, чтобы имя легко произносилось, было звучным и имело отношение к нефритовому делу, как имена его дочерей – Цзюньби и Бинъюй. И тогда он решил обратиться за советом к почтенному господину из дома «Боячжай».

Старый Нефритовый Демон был счастлив, что у Лян Ицина появился ученик, и мастерство Лянов есть кому продолжить. Подумав, он сказал:

– Сяо Цицзы? Разве первый слог имени не совпадает с названием вашей мастерской – «Цичжэньчжай»? На мой стариковский взгляд, надо просто поменять слоги местами – Цзыци! В древности был нефритовый мастер Лу Цзыган, а теперь появится молодой талант Хань Цзыци. Хорошее имя!

Так у Ибрагима появилось официальное имя, которое несколько лет спустя облетело всю столицу и прогремело в нефритовом деле, чего не ожидал ни ученик, ни его учитель Лян Ицин.

Время скоротечно: зимы сменялись веснами, ива перед воротами цвела трижды, гранатовое дерево во дворе трижды плодоносило. Хань Цзыци провел за «водяным столом» более тысячи дней и ночей и незаметно вырос. Размеренная жизнь, приветливая и дружная семья оживили его сердце, ставшее жестким от долгих скитаний. Мальчик быстро рос и вскоре превратился в юношу. Стремление овладеть искусством обработки нефрита, неустанный труд и первые успехи вселили в него веру в себя, а оживленная городская среда вылепила из него человека, способного бороться за место под солнцем. За три года его жизнь изменилась полностью; вобрав в себя энергию и опыт наставника, и атмосферу Пекина, он незаметно превратился во взрослого мужчину, вдруг став одного роста с учителем, крепким, широкоплечим, полным молодой жизненной силы. Ребячливость и застенчивость исчезли, на губах появилась густая растительность, и он выглядел старше и серьезнее своих девятнадцати лет. Его горящие глаза впивались в нефрит так же яростно и стремительно, как сокол в кролика, его тонкие шершавые руки двигались за «водяным столом» так же умело, спокойно и легко, как и опытные руки Лян Ицина. Юноша перенял великодушие и добрый нрав учителя, но был менее косноязычен. Он утратил провинциальный акцент и заговорил, как настоящий пекинец, а с людьми обращался скромно и доброжелательно. Люди, не знавшие его прошлого, едва ли могли разглядеть в нем тщедушного беспризорника Ибрагима, которым он когда-то был. В пору своих скитаний он изучил иероглифы, находя время для чтения «Троесловия»[64] и «Тысячесловия»[65], и теперь помогал наставнику вести бухгалтерию и писать письма – для него это не было трудной задачей. Хотя его нельзя было сравнивать со счетоводом крупного магазина и тем более с Нефритовым Демоном из дома «Боячжай», в глазах своего наставника он был ученым человеком.

Годы старили мастера, морщины на его лице стали глубже, волосы на голове окрасились белым, и это была не нефритовая пыль, а несмываемая седина. Его десятилетиями соприкасавшиеся с водой и наждаком руки загрубели, стали подобны потертой коре старого дерева. Однако он по-прежнему работал, ведь жизнь ремесленника состоит в безостановочном неустанном труде.

В нефритовой мастерской бок о бок стояли два «водяных стола», на языке которых – «ш-ш-ш-ш» – учитель с учеником вели свои бесконечные разговоры. Обычно Хань Цзыци делал небольшие изделия: вазочки, пресс-папье, резные украшения, которые помещали на верху именных печатей, футляры для печатей – мелочи, благодаря которым на прилавке всегда был недорогой, но быстро продававшийся товар. А Лян Ицин выполнял крупные заказы – эксклюзивные вещи для особых клиентов. За три года Хань Цзыци лишь один раз получил такой заказ, и до сих пор работал над ним. То был специальный заказ от хозяина магазина «Хуэйюаньчжай», Пу Шоучана, продававшего вещи за границу. Клиентом был британец по фамилии Хант, пристрастившийся к китайской каллиграфии и китайскому искусству и несчетное количество раз приезжавший в Китай, где был постоянным покупателем Пу Шоучана. Однажды Хант принес Пу Шоучану свиток с картиной и попросил вырезать из нефрита то, что на ней изображено. Хотя Пу Шоучан разбогател, продавая и покупая нефрит, сам он не умел с ним работать; у него не было мастерской, и, за исключением скупаемых у простых людей старинных вещей, все изделия заказывались у мастеров, которые только работали с камнем, а торговлей не занимались. Лян Ицин был одним из таких его партнеров. Получив заказ от господина Ханта, Пу Шоучан понял, что без хозяина «Цичжэньчжай» ему не обойтись.

---

[64] «Троесловие», или «Канон из трех иероглифов» (кит. «Саньцзыцзин») – книга, составленная во времена династии Южная Сун (1127–1229), с чтения которой традиционно начиналось обучение детей грамоте. Включала элементарные сведения о об окружающем мире, истории и культуре.

[65] «Тысячесловие» – классический текст философского содержания, который применялся для заучивания иероглифов. Составлен из тысячи иероглифов, ни один из которых не повторялся.

Лян Ицин раскрыл свиток: на нем была изображена картина «Плавание Чжэн Хэ[66]». Корабль-сокровищница[67] с высоко поднятыми парусами и развевающимися флагами шел вперед сквозь бурлящие волны; суровый рулевой стоял за штурвалом, моряки с обнаженными торсами, борясь со стихией, изо всех сил тянули якорный ворот. На палубе расположились вооруженные алебардами воины в латах[68]. На носу корабля стоял облаченный в диковинные одежды проводник и смотрел вдаль, своим видом словно предупреждая об опасностях морского путешествия. Рядом с ним был изображен человек в красном одеянии, держащий в левой руке компас, а правой указывающий на море и небо, – это и был Чжэн Хэ, идущий «в Западный океан», моряк, прославившийся на всю Поднебесную своими семью экспедициями. Картина впечатляла настолько, что казалось, будто рядом действительно слышатся свирепые удары волн и завывания леденящего морского ветра.

Склонившись над ней, Лян Ицин долго молчал, размышляя. Бумага плоская, но у пейзажа есть перспектива, он написан свободно, словно кисть ничего не сдерживало. Палуба, мачта, паруса, флаг на корабле-сокровищнице – все объемное, у всего разная форма, размер и текстура, здесь все смешано и наложено одно на другое. У персонажей разное положение, одежда, возраст, поза, настроение, и все словно живые, все тщательно прорисованные… И это произведение искусства надо заменить на резьбу по нефриту, которая могла бы с ним тягаться? Легко сказать!

Увидев, что Лян Ицин молчит, Пу Шоучан сказал:

– Лян, эту работу я приберег специально для вас! Зачем идти во дворец царя драконов без Золотого посоха[69]? Господин Хант сказал: «Экспедиции Чжэн Хэ состоялись примерно на сто лет раньше плавания Колумба, – это, несомненно, чудо. Китайская живопись не применяет светотень, а очерчивает предметы с помощью линий, – это второе чудо. Китайский способ резьбы по нефриту, тонкий и исключительно изящный, – это третье чудо». Он хочет собрать все три чуда в едином шедевре и хранить, как жемчужину своей коллекции. Мастер Лян, такие знатоки редко встречаются среди иностранцев! Если вам удастся сделать эту вещь, то считайте, что не зря прожили жизнь!

Лян Ицин не проронил ни звука. Не то чтобы ему не хватало мастерства, но он прекрасно осознавал, насколько сложной и трудоемкой будет работа и как много времени потребуется. На нее уйдет по меньшей мере три года, – а если он будет три года заниматься только этим, то чем будет питаться его семья?

Хань Цзыци, недавно ставший его учеником, не знал, о чем думает учитель. Великолепная картина перед глазами и соблазнительные речи Пу Шоучана разбудили в нем желание творить, и он вмешался:

– Учитель, вы сможете сделать эту работу! К тому же у нас с вами две пары рук!

Лян Ицин взглянул на него и подумал: «Новорожденный теленок тигра не боится… да что ты в этом понимаешь!»

Пу Шоучан, видя, что не удается уговорить Лян Ицина, начал подзадоривать обоих. Медленно сворачивая картину, он вздыхал:

– Раз уж для мастера Ляна это трудно, то придется найти кого-то поопытнее! Господин Хант не сказал, кто именно должен взяться за дело, ему просто нужна хорошая работа. Принимая во внимание нашу многолетнюю дружбу, я не мог не спросить мастера Ляна первым.

---

[66] Чжэн Хэ (1371–1435) – китайский военачальник, путешественник и дипломат. В 1405–1433 годах возглавил ряд морских военно-торговых экспедиций, обеспечивших расширение политического и культурного влияния Китая в странах Юго-Восточной Азии, Индостана, Аравийского полуострова и Восточной Африки.

[67] «Корабли-сокровищницы» – название для самых крупных из кораблей, входивших во флотилию Чжэн Хэ. Согласно традиционной династийной «Истории Мин», таких кораблей было построено 62.

[68] Букв. «держащий трезубец»; офицер дворцовой охраны.

[69] Волшебный посох Цзиньгубан – оружие, используемое царем обезьян Сунь Укуном в романе «Путешествие на Запад».

Но раз так, то… Как говорится, кто накормит, тот и хозяин. Придется искать выход! Ну что, мастер Лян? Тогда я…

– Подожди! – внезапно Лян Ицин протянул руку. – Оставляй картину!

Пу Шоучан улыбнулся:

– Все-таки мастер Лян непостижим! Способный человек не показывает свой талант, а тот, кто показывает, на самом деле неспособный! Пожмем друг другу руки? Прекрасно, цена договорная! Честно говоря, я уже принес задаток, шесть сотен наличными, а остальное – после окончания работы!

Он вынул из сумки увесистый кошелек с серебряными юанями и положил на стол. Лян Ицин попросил Хань Цзыци убрать деньги. Хотя Пу Шоучан и сказал, что цена обсуждается, на самом деле она уже была определена и о переговорах речи не было. Согласно распространенной практике, сразу выплачивался аванс в тридцать процентов; поскольку Пу Шоучан дал шесть сотен, Лян Ицин сразу прикинул в уме, что общая стоимость работы составит две тысячи.

– Мастер Лян, если вам подходят эти условия, – Пу Шоучан уже доставал готовый контракт в двух экземплярах, – то подпишете? Раньше, благодаря нашей дружбе, подписывать ничего было не нужно, но на этот раз мне придется перестраховаться, мало ли что. Деньги счет любят. Сначала уладим формальности, затем поговорим как друзья. Вы передадите мне товар, я вам – деньги, и будем квиты, хорошо?

Лян Ицин был поражен. Согласно давно устоявшейся в нефритовом деле практике, покупка и продажа нефритовых изделий и материала и даже изготовление вещей из сырья заказчика происходили без письменных свидетельств. Заказчик и мастер полагались исключительно на устные договоренности. Что задумал Пу Шоучан? Неужели он думает, что я сорву сделку? Хотя понятно, что заказ такого сложного изделия не шутка. Пу Шоучан боится неожиданностей и хочет подстраховаться. Лян Ицин подумал: «Сделать это “Плавание Чжэн Хэ”, конечно, непросто, но, думаю, справлюсь. В древности говорили: “Без алмазного сверла к фарфору не подступишься” – но у меня есть все, что нужно. Попробую». Эта мысль его успокоила. Он взял контракт, прочитал его и в общих чертах понял, что́ в нем было изложено: «Изготовление изделия из нефрита в соответствии с рисунком, две тысячи серебряных юаней, срок исполнения – три года, осуществить сдачу в срок, если одна из сторон нарушает условия договора, то обязана возместить все убытки контрагента и т. д.» Хозяин Пу, конечно, хорошо знает свое дело, комар носа не подточит, – вот даже срок работы определил точно такой, о каком подумал Лян Ицин… Действительно, профессионал!

Не сказав ни слова, Лян Ицин вывел на контракте свое имя, приняв тяжелую ношу, которую хозяин магазина «Хуэйюаньчжай» возложил на его плечи.

Пу Шоучан вздохнул с облегчением и ушел.

– Учитель, эта работа… – Хань Цзыци не мог сдержаться: он очень хотел услышать мнение мастера. Он видел, что наставник с большой осторожностью согласился на эту работу, но был уверен, что тот сможет вырезать из нефрита корабль-сокровищницу, и он сам при этом многому у него научится.

– Эта работа станет делом моей жизни. Я должен буду потратить на нее все свои силы и все время, – сказал Лян Ицин, нахмурив брови.

– Конечно, старая и прославленная мастерская «Цичжэньчжай» опирается на…

– Нет, я взялся за эту работу не ради репутации мастерской и не ради денег. Дело в том, что Чжэн Хэ был мусульманином, из хуэйцев.

– Что? Он из наших? – юный Хань Цзыци об этом не знал.

– И среди нас, хуэйцев, были те, кто оставил после себя добрую славу. В эпоху Мин прославился чиновник Хай Жуй, а еще раньше – Чжэн Хэ; оба были хуэйцы, одной с нами крови. Люди не должны забывать своих предков. Я сделаю нефритовый корабль-сокровищницу, даже

если для этого потребуется вся моя жизнь! Я хочу, чтобы иностранцы видели, как китайские мусульмане чтят своих предков!

Слова Лян Ицина были проникнуты гордостью за народ хуэй. Пусть он не разбирался в генеалогии семейства Лян, но был наслышан о других хуэйцах, которые оставили в истории славный след. Вот, например, тот самый Чжэн Хэ. При рождении он получил фамилию Ма, его детское имя было Саньбао, а родом он был из Юньнани. Его дед и отец совершили хадж в Мекку, и их вежливо называли «Ма хаджи». Честь называться «хаджи» среди мусульман выпадает только тем, кто совершил паломничество в Святую землю. На закате династии Юань повстанческая армия Чжу Юаньчжана атаковала Юньнань; дом двенадцатилетнего Ма Саньбао был разорен, его семья погибла, а он сам превратился в скитающегося ребенка-беженца, угодил в плен, подвергся оскоплению и стал евнухом Чжу Ди, сына императора Чжу Юаньчжана[70], и поселился в его доме. Но в императорском дворце было запрещено учить евнухов грамоте, поэтому если бы он попал туда, то так и остался бы безграмотным рабом. В дальнейшем он сумел добиться более статусного положения. После того, как Чжу Ди стал императором, евнуху пожаловали новое имя – Чжэн Хэ, потому что считалось, что «конь[71] не может войти в императорский дворец». Став императором, Чжу Ди приказал Чжэн Хэ возглавить флот, состоявший из двухсот пятидесяти судов, включая шестьдесят два корабля-сокровищницы, и, взяв с собой шелк, золото, серебро, медь, железо, фарфор и нефрит, отплыть на Запад вместе с двадцатью семью тысячами моряков, солдат и чиновников. Чжэн Хэ совершил семь экспедиций и окончательно сошел на берег, лишь когда ему было шестьдесят четыре. Его жизнь, перенесенные им тяготы, совершенные им подвиги несравнимы с тем, что выпадает на долю обычного человека. Все свои победы он преподнес великой империи Мин. Неужели он забыл обо всех обидах, перенесенных в детстве, обо всем унижении, которое он испытал после того, как попал во дворец? Нет, он ничего не забыл, иначе ему не хватило бы мужества выстоять перед лицом смертельной опасности в свирепом безбрежном океане. Придя на корабле-сокровищнице в святую Мекку, он стал третьим «Ма хаджи» в своей семье и прославился на весь мир! В пучине своих тягот он все время думал об Аллахе и помнил о том, что он хуэец…

– Ах, хуэйцы, хуэйцы… – вздыхая, Лян Ицин долго рассматривал картину «Плавание Чжэн Хэ».

На следующий день Пу Шоучан прислал кусок прекрасного белого нефрита (один чи пять цуней[72] в длину, пять цуней в ширину и один чи в высоту) – материал для будущего корабля-сокровищницы.

Лян Ицин целых три дня рассматривал нефрит, сравнивая его с картиной.

– Учитель, почему вы все смотрите и не приступаете к работе? – забеспокоился Хань Цзыци.

– Каждое дело тяжело начинать, а здесь и вовсе спешить не стоит, – сказал Лян Ицин. – Живописец приступил к написанию картины, когда у него в голове был точный план. И мы приступим к работе только тогда, когда увидим в камне готовую работу. Этот кусок нефрита – бесформен, но корабль-сокровищница уже внутри, и наше искусство заключается в том, чтобы очистить форму, срезать все лишние места и оставить только то, что нужно. Мастерство обработки нефрита не похоже на лепку из глины или клейкого риса, ведь там, если чего не хватает, легко добавить, а если снова не вышло, то можно скомкать и начать заново. Наш материал – твердый и хрупкий. Счищенное уже не прилепишь обратно, одна ошибка – и все, работа испорчена.

---

[70] Чжу Юаньчжан (1328–1398) – первый, самопровозглашенный император династии Мин, правивший с 1368 по 1398 год. Взошел на престол в результате победы Восстания Красных повязок, вызванного недовольством правлением монгольской династии Юань (1271–1368).

[71] Значение фамилии Ма – «лошадь, конь». – *Примеч. пер.*

[72] Цунь – в традиционной китайской системе мер – одна десятая часть чи, т. е. около трех сантиметров.

– Учитель, вы еще не все обдумали?

– Не все, – признался Лян Ицин. – Я не могу обманывать других и не могу обманывать себя. Сделать просто корабль – дело несложное. Смотри, этот кусок нефрита продолговатый, широкий спереди и узкий сзади, в начале немного закруглен, и если его обрабатывать по этому контуру, то как раз выйдет корабль. Но если сделать так, то не будет видно, в море этот корабль или в реке. Хозяин Пу хочет, чтобы мы делали точно в соответствии с рисунком, то есть нужно отразить мощь, с которой корабль плывет через моря и океаны, его величие, иначе это не будет похоже на плаванье Чжэн Хэ на Запад! А мачты, веревки, паруса – нельзя, чтобы они просто висели, каждой детали нужна опора, иначе они разобьются при перевозке…

Хань Цзыци молчал. Вещи, о которых говорил наставник, не очень-то были ему понятны: он только-только научился правильно сидеть за «водяным столом». Вдруг он вспомнил о том, что вроде бы не имело отношения к куску белого нефрита:

– Учитель, вы помните тот декоративный экран в особняке «Боячжай»? Там все горы, деревья и дома, что на переднем плане, выпуклые, а горы, река и облака на заднем плане врезаны вглубь.

– Да-да, похоже, – похвалил Лян Ицин, оценив способность юного ученика запоминать детали. – Я как раз думаю, что бы мне позаимствовать у резчиков по дереву и живописцев. Помню, как старики рассказывали, будто во дворце была большая нефритовая горка – то были времена Цяньлуна…

Перед глазами Лян Ицина возникло «Осеннее путешествие в горы», огромная ландшафтная композиция, созданная мастером из Янчжоу в тридцать пятом году правления Цяньлуна. На ее изготовление ушло около двадцати или тридцати тысяч рабочих дней, и лишь через пятьдесят шесть лет работа, стоившая больше трех тысяч лян серебра, была завершена. Прототипом для нее послужила одноименная картина придворного цинского художника Цзинь Тинбяо. Для ее изготовления использовался темный синьцзянский нефрит – камень с непростым характером, со множеством прожилок зеленых и желтых оттенков. Используя эти особенности камня, мастер создал осенний горный пейзаж, который буквально завораживал своим правдоподобием. Примечательно то, что резчик не стал педантично придерживаться размеров и композиции картины, а брал в расчет прежде всего природные свойства камня и располагал предметы, следуя ложбинкам и неровностям на его поверхности. Это сделало горку гармоничным целым: фигуры людей и деревья то скучены в одном месте, то стоят по отдельности, то прячутся, то выходят на первый план… Мастеру не только удалось вырезать из нефрита сложнейшую композицию, но и сохранить при этом оригинальный стиль и настроение.

Мысли Лян Ицина прояснились: он наконец нашел путь, по которому нефритовый корабль-сокровищница отправится на Запад. Он всматривался в необработанный нефрит, пока не увидел законченную композицию: всю скульптуру нужно разделить на три плана, причем для каждого должен использоваться свой способ резьбы. Первый план – сам корабль. Он летит по волнам, нос поднят, четко видны палуба, высокая надстройка, брашпиль, якорь, цепь; Чжэн Хэ, чиновники, воины, проводники, матросы, слуги – все должны выглядеть, как живые, занятые своим делом люди. Все фигуры будут выполнены в технике круглой скульптуры, ярко и выпукло, с вниманием к каждой мелочи. Второй план – паруса, канаты, флаги, словно летящие по ветру: они будут выполнены в технике горельефа. Третий план будет представлять собой барельеф, который станет фоном для первого и второго и отобразит вздымающиеся к небу морские волны, облака и парящих чаек, звезды и луну, и таким образом у передней мачты, такелажа и флага появится опора. В композиции будут использованы и простые, и сложные методы резьбы, в ней будут сочетаться плоский рисунок и объемная скульптура; изображение получится выразительным, наполненным мощной энергией. Оно должно создавать впечатление, будто путешествие, пятьсот лет назад потрясшее мир, повторяется вновь.

В нефритовой мастерской раздалось привычное шуршание «водяного стола» – «ш-ш-ш-ш». Лян Ицин полностью отдался этой тонкой и кропотливой работе. Унаследованное от предков мастерство, жизненные устремления, веру – в корабль-сокровищницу он вложил все.

Хань Цзыци находился с наставником от рассвета до заката. Свет лампы заменял им солнце, и они предавались творчеству, вдыхавшему жизнь в камень, настолько самозабвенно, что даже передохнуть им было некогда. Сначала Лян Ицин учил юношу не бояться резать камень. Когда дело дошло до тонкой шлифовки, мастер полностью взял работу на себя. Хань Цзыци пересел за другой «водяной стол» и занялся выполнением мелких заказов: это кормило семью и позволяло учителю спокойно закончить работу высшего уровня – труд всей его жизни. Корабль-сокровищница рождался медленно и с большим трудом; Хань Цзыци день за днем наблюдал за происходящими с ним едва заметными изменениями, следуя за странствующим по нефритовой реке учителем. Три года – это совсем не долго!

Время летело быстро, и так же быстро взрослело молодое поколение семьи Лян. Четырнадцатилетняя Биэр расцвела и похорошела. С возрастом она становилась все краше: детское круглое личико заострилось и стало продолговатым, белая кожа оттенялась иссиня-черными глазами, сверкающими глубоким блеском, брови напоминали два народившихся месяца, а блестящие мягкие черные волосы были забраны в толстую косу до пояса. Она вытянулась на целую голову, и, хотя носила свободную одежду, едва могла скрывать формы прекрасной девичьей фигуры. Повзрослев, она перестала разговаривать с отцом и его учеником так свободно, как делала это раньше, и взвалила на свои плечи заботу о них. Нужно было вовремя их кормить, чинить и стирать их одежду, не дожидаясь распоряжений матери. Та с годами стала часто болеть. Биэр просила Аллаха даровать матери долголетие и делала за нее все, что могла. О делах в лавке она перестала заботиться с тех пор, как у отца появился ученик.

Подмастерье был хорошим помощником. Отец спокойно поручал ему все: и закупку сырья, и доставку товара, и снятие денег со счета, – тот все делал безукоризненно. Каждый раз, возвращаясь после выполнения очередного поручения, он подробно отчитывался перед отцом. Выслушав отчет, отец говорил: «Хорошо». Биэр, тоже во всем разбиравшаяся, при этом стояла в сторонке и слушала – так они оба убеждались в том, что в действиях подмастерья нет ошибок. Некоторые нефритовых дел мастера говорили, что ученик мастера Ляна похож не на ученика, а на сына. Другие говорили то, отчего сердце Биэр подпрыгивало: «Прямо как зять, да?» Эти слова, конечно, доходили и до ушей Лян Ицина, но он делал вид, что не слышит. Это сплетни! Сын, и что с того? Зять, и что с того? Мол, вашей девице замуж пора! Биэр мучилась, негодовала, колыхалась, как весенняя почка на ветру, которой рано или поздно настанет срок распуститься.

У нее было не так уж и много возможностей поговорить с учеником. На Биэр незаметно влияла мать – так же точно, как до нее прошлые поколения мусульманских женщин влияли на своих дочерей. Биэр училась соединять свои душевные устремления с искренней верой, и со всем, что ей хотелось высказать, обращалась к Единому – Вездесущему и Всеведущему. «О Аллах!» – она верила, что каждый ее призыв будет Им услышан, и что Он знает обо всем, что есть в ее сердце, и дарует ей счастье и покой.

Сестренке Юйэр исполнилось шесть лет; она была маленькой копией Биэр: с возрастом сестры все больше походили друг на друга. Гости, бывавшие у них нечасто, то и дело принимали ее за старшую сестру, хотя Биэр была намного выше ростом. Юйэр повезло больше, чем Биэр: она успела поучиться в школе. Лян Ицин любил младшую дочь и, за неимением сына, отправил ее учиться, на что его жена, Байши, сказала: «Где это у нас, у хуэйцев, видано, чтобы девочка училась в школе? Какой в учебе прок? Вырастет, сосватаем, – будет стирать да готовить!» Лян Ицин не соглашался: «Если бы я был хоть немного образован, то, пожалуй, и мастерская сегодня была бы другой. В этой жизни я только и могу, что зарабатывать на жизнь руками, а что будет у следующего поколения? Если дочь не владеет ремеслом, да еще и негра-

мотная, то, боюсь, ей придется несладко! Биэр не удалось отдать в школу, и я не могу упустить Юйэр!» Хань Цзыци тоже включился в заботу о младшей дочери учителя: «Сестренка, учеба стоит недорого, мы с учителем работаем, потянем!» Биэр относилась к сестре по-матерински, надеясь, что Юйэр ждет лучшее будущее, чем ее, и старалась с работой по дому справляться сама. Она говорила: «Мама, Юйэр дома делать нечего, пусть ходит в школу. Обучится грамоте, будет помогать нам читать Священное Писание!» Байши не стала спорить, и Юйэр пошла в школу.

Как-то, возвращаясь с занятий, она вбежала в мастерскую, где полировали нефрит:

– Папа, братец, смотрите, какого человечка с заячьей головой я купила!

Мысли Лян Ицина были сосредоточены на корабле-сокровищнице, и он даже головы не поднял:

– Какой еще человечек с заячьей головой? Мусульмане не поклоняются таким богам!

Хань Цзыци остановил работу и взял у Юйэр из рук глиняную игрушку. Высотой в два–три цуня, она была сделана безыскусно, но занятно и мило: тело человека, одетого в красный халат, с радостно улыбающейся заячьей мордой и торчащими ушами.

– Учитель, это просто игрушка, никто ей не поклоняется! Скоро Праздник середины осени[73], их везде продают на улицах, очень прибыльно! Если мы сделаем человечка с заячьей головой из нефрита, он точно будет лучше этого, и богатеи перестанут покупать на праздник глиняные фигурки!

– М-м-м… Так ты попробуй! – сказал Лян Ицин для поддержания разговора. – Ты, паренек, быстро соображаешь!

Хань Цзыци вертел в руках глиняную игрушку и думал: надо бы успеть к празднику, а к тому времени, как его нефритовые человечки с заячьими головами начнут продаваться, будет готов и корабль-сокровищница его учителя.

– Кому арбуз, большой и сочный!

– Арбуз спелый, сладкий, юань штука!

Крики продавцов арбузов и торговцев человечками с заячьими головами заполняли улицы, словно встречая праздник, который был с каждым днем все ближе.

Биэр пришла в мастерскую, держа нарезанный арбуз:

– Папа, братец Ци, отдохните, утолите жажду!

Лян Ицин нехотя встал из-за «водяного стола» и посмотрел на сочный красный арбуз. Чувствуя, как в горле пересохло, он протянул руку и взял кусок, но прежде, чем съесть, спросил Биэр:

– Ты маме отнесла?

Биэр сказала:

– Еще есть, это для тебя с братом Ци!

Лян Ицин отдал свой кусок Юйэр, затем взял другой и отдал его Биэр, и только тогда позвал Хань Цзыци.

Юйэр сняла с себя ранец и стала есть холодный сладкий арбуз, глядя на корабль-сокровищницу, стоивший отцу трех лет труда и жизни:

– Ох, когда ты закончишь этот корабль? Брат Ци говорит, что, когда работа завершится, у нас будет много денег, и он поведет нас гулять по мосту Тяньцяо, в Лунфусы[74], в парк Бэйхай…

– Скоро, – Лян Ицин прислушался к сладкому голоску дочки, бодрящему лучше всякого арбуза. – Наблюдай за луной, день за днем она округляется, и когда станет круглой как нефритовое блюдо, придет Праздник середины осени, и корабль будет готов!

---

[73] Праздник середины осени – второй по значимости праздник в Китае после Праздника весны и китайского Нового года. Этот праздник, называемый также Праздником сбора урожая, посвящен благополучию и единству семьи. Отмечается в полнолуние, которое, как считается, символизирует гармонию и счастье.

[74] Лунфусы – торговый район в Пекине.

Хань Цзыци тоже с нетерпением ждал этого дня. Он посмотрел на Юйэр и сказал:

– Тогда я отведу вас и в Летний дворец Ихэюань, и мы поднимемся на гору Ваньшоушань[75]! Мы наймем лодку, сядем в нее – учитель, матушка, Биэр и ты, я буду на веслах, и мы поплывем по озеру Куньминху и, обогнув Лунванмяо, храм Царя драконов, подойдем к семнадцатиарочному мосту. Красота же?

– Красота! – Юйэр взмахнула ручкой. Она с удовольствием слушала и быстро ела арбуз; семечки прилипали к ее лицу и напоминали родинки.

Хань Цзыци протянул руку, чтобы смахнуть их с ее лица, и сказал с улыбкой:

– Ты красавица! Мы еще потратимся на фотографию перед дворцом Пайюньдянь. Учитель с матушкой сядут посередине, вы с Биэр встанете по бокам, а я сзади…

– Как это будет чудесно! – воскликнула Юйэр.

Биэр улыбалась. Прекрасный день, когда случится то, что задумал брат, вот-вот настанет.

Одетый в голубовато-белый халат из бамбуковой ткани, Хань Цзыци вышел с улицы Люличан на улицу Яншоусы, миновав толпы возле торговых прилавков, свернул на восток и оказался в переулке Ланфан-эртяо. Он возвращался из магазина «Хуэйюаньчжай», куда доставил товар. От переулка Ланфан-эртяо до улицы Люличан было недалеко, но учитель дал ему денег, чтобы нанять рикшу туда и обратно: во-первых, ради сохранности товара, а во-вторых, чтобы подчеркнуть его значимость. В антикварном деле – неважно, беден ты или богат – приходится думать о престиже и репутации. Даже подмастерье должен быть одет в отутюженный халат. Хань Цзыци приехал на рикше в «Хуэйюаньчжай», передал товар и пешком пошел домой, чтобы сэкономить деньги.

Накануне Праздника середины осени повсюду царило радостное возбуждение. В этот большой праздник, главный праздник года, коммерсанты обычно наводили порядок в весенних и летних счетах, а должники отдавали долги. Даже в тех семьях, в которых обычно было не до радости, в праздник беспокойство слегка ослабевало. Глядя на пестрых глиняных человечков с заячьими головами, Хань Цзыци с волнением думал о своих нефритовых фигурках, которых он сегодня доставил в студию «Хуэйюаньчжай», выслушав похвалу из уст хозяина Пу. Их раскупили в считанные дни, и во многих семьях благодаря им прибавилось радости и праздничного настроения. «Нефритовое семейство» Лян Ицина тоже готовилось отмечать праздник. Подходил срок окончания контракта на изготовление корабля-сокровищницы, подписанного с владельцем магазина «Хуэйюаньчжай» три года назад. Когда мастер сбросит с себя это бремя, сдаст товар и получит деньги, радость праздника удвоится.

Радужные перспективы вдохновляли Хань Цзыци, и он светился от счастья.

За последние три года он жалел только о кончине старого господина из дома «Боячжай»: тот отправился в мир иной, забрав с собой невостребованный талант, огромные знания и остроту глаза; нефрит и драгоценности он знал как никто другой. У Хань Цзыци всегда было много вопросов, которые он хотел ему задать, но сделать это он не успевал, поскольку проводил бóльшую часть своего времени за «водяным столом». Он всегда думал, что впереди еще много дней, но пожилой господин был болен, не мог больше ждать и ушел. После смерти Нефритового Демона осталась его богатая коллекция древних книг, драгоценностей и антикварных вещиц, сделанных из нефрита. Все они были выставлены на продажу его детьми и внуками, и несколько крупных антикварных магазинов бросились их скупать. Конечно, нужных для таких покупок денег у Лян Ицина не было, и он мог лишь тихо вздыхать. Позже дети и внуки Нефритового Демона продали дом «Боячжай», и мастер с учеником больше туда не ходили. Когда-то там хранились редкости, которыми владелец дорожил настолько, что никому их не показывал, но теперь они были распроданы и разошлись по свету.

---

[75] Ваньшоушань (букв. «Гора долголетия») – императорская гора, расположенная в садово-парковом комплексе Ихэюань (букв. «Парк безмятежного спокойствия»).

Мысли о Нефритовом Демоне заставили Хань Цзыци вздрогнуть от боли. Однако, думал он, несмотря на смерть старика его коллекция остается среди людей! Нефрит живет тысячелетиями, он вечно молодой, он не может умереть. Кто знает, может, у «Цичжэньчжай» найдутся силы, чтобы разыскать рассеявшиеся по миру сокровища. У Хань Цзыци был грандиозный план, о котором он хотел рассказать учителю.

Вернувшись в «Цичжэньчжай», юноша снял халат, доложил о своей поездке хозяину и передал ему деньги, вырученные за товар и сэкономленные на рикше.

– Ты смотри! – сказал Лян Ицин, продолжая работать. – Товар доставлен? Что сказал господин Пу?

– Он сказал, что потребуется больше игрушек, – Хань Цзыци встал позади учителя, взял веер и стал обмахивать мокрую от пота спину мастера. – Он спросил, сможете ли вы закончить корабль-сокровищницу к празднику. Я сказал, что это возможно. Как думаете, учитель?

– Я тоже не планировал затягивать, – Лян Ицин улыбнулся. – Сдать товар в срок выгодно нам обоим.

– Иностранец, что заказал корабль, уже приехал. Похоже, за товаром! Я только что видел его в магазине «Хуэйюаньчжай».

– Пу ведет дела с иностранцами, к нему приходят многие. Как ты понял, что это именно наш клиент?

– Сначала я просто увидел, как из лавки вышел иностранец с желтой бородой и голубыми глазами, которого хозяин Пу провожал до выхода, и они о чем-то говорили…

– Так ты же не мог понять ни слова!

– Конечно. Но пока я ждал, услышал, как подмастерья перешептываются за прилавком. Они говорили, что господин Хант только что интересовался, как обстоят дела с кораблем-сокровищницей. Если бы вы там были и услышали это, разве не подумали бы, что речь идет о нашем заказчике?

– Ну, возможно. Что ему сказал хозяин Пу?

– Этого я не знаю. О том, как идут дела в «Хуэйюаньчжай», мне спрашивать неловко. Да и хозяин Пу с подмастерьями очень строг, они мне ничего не рассказывают, вот только это случайно услышал.

– Ничего, иностранец приехал вовремя, пусть забирает корабль.

– Господин Хант придет прямо к нам?

– Нет, мы передадим корабль хозяину Пу, ведь контракт подписан с ним, а он уже передаст его иностранцу.

– Почему хозяин Пу не дает господину Ханту встретиться с нами?

– Это понятно, ведь это его часть сделки, – Лян Ицин взглянул на своего ученика. – Что с тобой сегодня? Только и говоришь о господине Ханте!

– Я? – улыбнулся Хань Цзыци. – Я хочу знать, какую цену платит господин Хант за наш корабль-сокровищницу.

– Конечно, больше двух тысяч. Если все достанется нам, что заработает хозяин Пу?

– Сколько он с этого зарабатывает? – заинтересовался Хань Цзыци.

– Это не наше дело, – Лян Ицина этот вопрос совершенно не заботил. – Коммерсанты всегда наживаются на процентах, а много они выручают или мало – зависит от их способностей!

Хань Цзыци сверкнул глазами:

– По-моему, хозяин Пу может получить чистую прибыль в десять тысяч только на этом корабле-сокровищнице!

– Откуда ты знаешь? – Лян Ицин был слегка возмущен странным поведением ученика.

– Я наблюдал за торговлей в магазине и своими глазами видел, как иностранка купила вазу, которую я вырезал. Она заплатила пять сотен наличными! У нас господин Пу купил этот товар за десять с небольшим! Посчитайте, на сколько это больше?

Лян Ицин долго молчал. Потом вздохнул и спокойно сказал:

– Мы не можем сравнивать себя с другими! Он торговец, его дело – работать словами. А мы ремесленники и работаем руками, а не словами. В нашей профессии каждый занят своим делом, не следует завидовать другим и не следует их недооценивать. Возможно, торговец и разбогатеет в один момент и увешает себя драгоценностями. Но если он столкнется с неудачей, то его сдует одним только порывом ветра, и он разобьется, как выпавшая из рук пиала, и ему нечего будет есть. А ремесленник? Он зарабатывает на жизнь руками, он бережлив. И в голодный год наши руки нас прокормят!

– Учитель, в жизни одним хлебом сыт не будешь. У мастерской «Цичжэньчжай» должны быть перспективы, нельзя все время прятать голову за работой и позволять другим зарабатывать на нашем труде, будто мы ради них проливаем свои кровь и пот! – Хань Цзыци считал, что ход мыслей мастера никуда не годится.

– Что ты задумал – у Лян Ицина портилось настроение, когда ученик начинал его воспитывать.

– Я хочу… я хочу избавиться от власти магазина «Хуэйюаньчжай» и вести дела напрямую с иностранцами! – Хань Цзыци пристально посмотрел на мастера, высказав смелую идею, которую давно обдумывал и которая полностью оформилась в его голове по дороге домой.

Лян Ицин в растерянности посмотрел на ученика, будто тот бредил во сне.

– Куда это годится? Господин Пу – наш постоянный покупатель! Мы не можем ради денег забывать о долге и вредить чужому делу. Семья Лян всегда была верна своему слову!

– Учитель, вы такой честный человек! – вздохнул Хань Цзыци. – Хозяин Пу водится с нами, чтобы зарабатывать деньги, – о какой верности слову здесь речь? Если он и говорит о верности, то только из опасений, как бы мастерская «Цичжэньчжай» не стала больше его магазина! Говорят, что раньше у хозяина Пу ничего не было, он начинал с торговли рухлядью и только потом создал фирму и стал притеснять другие лавки – и ему никогда не было стыдно! В торговом деле считаются только с деньгами, а не с человеческими чувствами. У кого есть сноровка, тот и главный. Вы посмотрите на магазин «Жуйфусян»! Несколько дней назад матушка-наставница велела мне пойти купить там ткани, и я услышал разговор тамошних сотрудников. Раньше «Жуйфусян» был маленькой лавкой, торговавшей шаньдунской холстиной, а потом они поняли, какую выгоду можно извлечь из импортных товаров, потратили восемьдесят тысяч лян серебра в качестве уставного капитала и открыли магазин с импортными тканями. Теперь он – один из крупнейших в городе! Человек должен думать о том, что лично ему подходит, – зачем оглядываться на других? С кем рассуждать о верности слову?

Лян Ицин не ожидал, что этот ребенок может быть таким напористым. Дай ему волю, и он невесть чего напридумает! Мастер сказал с усмешкой:

– Ты тоже хочешь попробовать? Но знаешь ли ты язык, чтобы вести торговые дела с иностранцами?

– А что язык? Разве на нем не такие же люди говорят? Хозяин Пу ведь не с рождения на нем читал и разговаривал, он тоже учился! За три года я обучился вашему ремеслу. Если потратить еще три года на иностранный язык, неужели не выучу? – Мысли Хань Цзыци, как воздушный змей на веревочке, летели все выше и дальше.

– Сяо Цицзы! – внезапно одернул его Лян Ицин, встав из-за «водяного стола».

– Учитель… – Хань Цзыци, вернувшись из своего мира фантазий, испуганно посмотрел на мастера. За три года тот впервые был зол на него до такой степени, что назвал его старым именем, о котором все давно забыли!

Лицо Лян Ицина помрачнело. На его лбу, намокшем от пота и испачканном нефритовой стружкой, вздулись синие вены, а пара усталых глаз налилась кровью:

– Кто это? Я не узнаю! Каким способным ты стал за три года! Выучился моему ремеслу и начал презирать своего бедного учителя? Тебе стало тесно в мастерской «Цичжэньчжай»? Но твое обучение здесь пока еще не закончено!

– Учитель, я знаю это…

– Что ты знаешь? Люди говорят: «Лян Ицин обращается со своим учеником, как с сыном!» А как насчет других лавок? Ты знаешь, как живут другие ученики? Встают спозаранку, работают допоздна, терпят побои, на них кричат, как на прислугу, они как разнорабочие, а некоторые за три года даже к «водяному столу» не смеют подойти – учатся ремеслу украдкой! Почему? У людей нашей профессии есть поговорка: «Если ученик выучится, то наставник помрет с голоду!» Но я, Лян Ицин, глупый, не считал тебя чужим, относился к тебе как к близкому! У меня нет сына, и на следующее поколение надежды нет, я боялся, что, когда состарюсь, испортится зрение, руки откажут, не смогу сидеть за «водяным столом» и некому будет подать мне кусок хлеба. На кого мне тогда надеяться? На тебя! Вот я и стал передавать тебе секреты мастерства. Кто знал, что, даже не дождавшись конца обучения, ты начнешь нести такую чушь!

Хань Цзыци не ожидал, что мастер придет в такую ярость и будет так его бранить. Он проглотил слова, застрявшие в горле, почтительно склонил голову и покорно выслушал мастера. Горячие слезы медленно текли по его щекам. Слова мастера заставили его вспомнить о том, какими знаменательными были эти три года. Он очень благодарен мастеру. Если бы учитель не приютил его, то он, возможно, до сих пор был бы беспризорником, возможно, его жизнь закончилась бы на далеком пути в Мекку с Талаат ад-Дином. А сейчас, благодаря труду и воспитанию учителя, он вырос и возмужал. Все, что сказал мастер, верно. В течение этих трех лет он относился к ученику лучше, чем к собственным дочерям: на мальчика, как на преемника и кормильца, была вся надежда. Справедливости ради надо сказать, что он тоже чтил учителя, как отца. Ведь те, кто однажды стал учителем и учеником, до конца жизни остаются как отец и сын – этого единства невозможно забыть. Но все же про себя он подумал: «Учитель, вашу доброту ко мне я знаю, зачем вы мне говорите об этом? Чтобы засвидетельствовать свою доброту, вы выставляете меня неблагодарным человеком… учитель, это несправедливо!»

Он вдруг почувствовал невыносимое унижение, словно ему на голову вылили таз с нечистотами. Если он сейчас ничего не скажет, то в глазах учителя, матушки и сестер признает себя недостойным человеком. Дальше так и пойдет: они будут смотреть на него иначе. Если бы он действительно совершил серьезный проступок, то предпочел бы выслушать оскорбление похуже услышанного и даже безропотно снес бы оплеуху. Но сейчас именно он был прав!

– Учитель! – он поднял правую руку и резко вытер слезы. – Если бы у меня была мысль покинуть вас и пойти дальше самому, то неужели я стал бы говорить вам об этом? Я бы тогда скрывал, умалчивал и покинул бы «Цичжэньчжай», едва закончив обучение, убежал бы далеко-далеко… Каково бы вам тогда было? Учитель, я не могу уйти! С того дня, как я вошел в «Цичжэньчжай», я стал частью этой семьи и даже не думал об уходе отсюда. Я считаю «Цичжэньчжай» своим домом, а вас – родным отцом! Я надеюсь, что наше дело расширится, наша мастерская станет известна, мы построим большие ворота и установим вывеску с золотыми письменами, как у «Хуэйюаньчжай»! Я не завидую успехам чужой торговли, не презираю наше ремесло, я только думаю, что нам, ремесленникам, слишком тяжело, что нас обделяют. Наши руки стоят горы золота и серебра, но все заработанное достается другим! С какой стати они живут припеваючи, почти не утруждая себя, а мы трудимся и страдаем? Когда мы перестанем это терпеть? Вам уже под пятьдесят, у матушки плохое здоровье, Биэр вот-вот вырастет и выйдет замуж, нужно собирать приданое, на учебу Юйэр сплошные расходы… Разве можно тут прожить одним ремеслом? Учитель, подумайте о будущем!

Лян Ицин уже понял, что сказал лишнее, и почувствовал себя неловко. Он похлопал по Хань Цзыци по плечу и сказал:

– Цзыци, я понимаю твои чувства. Но ты слишком самонадеян… Человек не сам определяет свою судьбу, ее определяет Аллах, а человек должен ей покориться. Перед смертью отец сказал мне: – «Передаю тебе “Цичжэньчжай”! Помни: основать дело сложно, поддерживать его еще сложней». Я ответил: «Отец, не беспокойся, я не подведу тебя! Даже если буду беден и придется просить милостыню, буду идти, таща на спине “водяной стол”»… Когда я сказал это, отец закрыл глаза. Я должен сохранить лавку, доставшуюся мне от предков! Нельзя неосмотрительно размахивать кулаками. Случись какая неожиданность, семейное дело будет уничтожено, и мне будет стыдно перед покойным отцом до конца моих дней! Мы не можем полагаться на свои мечты, только на свое ремесло, поэтому идем вперед, трудясь в поте лица. Поживем – увидим. Я и сам вижу, что Биэр и Юйэр скоро выйдут замуж, попадут в хорошие семьи… А ты? И ты сможешь жениться и передать «Цичжэньчжай» своим детям и спокойно умереть, вручив душу Аллаху!

Так, уверяя друг друга в искренности своих чувств, учитель и ученик пришли к примирению.

Каждый был тронут, и они всхлипывали полдня, однако начатый Хань Цзыци разговор не был закончен. Оба чувствовали, что ни один не убедил другого и ни у кого не было желания обсуждать этот вопрос дальше. Слезы порой обладают волшебным действием: сближают людей с совершенно разными взглядами, размягчая сердца, но могут и задушить, словно мягкими щупальцами.

* * *

При тусклом свете керосиновой лампы Юйэр делала уроки, а Биэр шила. Несколько дней назад матушка отправила Хань Цзыци за тканью, чтобы сшить из нее одежду для себя и дочерей. Тот, хоть и был парнем, умел хорошо выбирать, и купленная им ярко-зеленая ткань, усыпанная белыми цветами и напоминавшая цветы хосты среди зеленых листьев, была действительно хороша. Биэр сняла мерки с сестры и по образцу своей старой куртки сшила две, приладив к ним старые подкладки. Праздник середины осени вот-вот наступит, и корабль-сокровищница отца вот-вот будет готов, и тогда братец отведет всю семью гулять по горе Ваньшоушань. Они даже сфотографироваться там смогут. Как замечательно они будут выглядеть в своих новых курточках! Биэр уже взрослая, но еще ни разу не фотографировалась и не ездила так далеко, поэтому начала готовиться заранее. Она представляла себе, как они с сестрой будут в этот день фотографироваться в новой одежде и как это будет красиво. Может, даже гуляющие по парку люди соберутся вокруг, чтобы на них посмотреть. «Что это за девочки? Лучше красавиц с картинок!» – «Это из семьи Ляна, нефритовых дел мастера!» Но она скроет волнение, не станет пугаться и смущаться, иначе на фото получится не такой красивой, какая она есть на самом деле… Она невольно заулыбалась, думая об этом.

– Сестра, ты чего улыбаешься? – спросила Юйэр.

– Да просто радостно на душе! А тебе не радостно смотреть на новую одежду?

– Ай, да как не радоваться? Не могу дождаться – так хочется ее надеть! Каждый день смотрю на луну и жду, когда она станет круглой, как нефритовое блюдо! Сестра, почему луна округляется так медленно?

– Скоро уже! – сказала матушка Байши, помогавшая Биэр пришивать застежки. – Всего пару дней осталось. Хотя мы, хуэйцы, не особенно чтим Праздник середины осени, но и нам приятно выйти на прогулку всей семьей, когда народ веселится. В этот день я куплю вам юэбины[76] с засахаренными цветками османтуса, с бобовой пастой, с финиковым повидлом,

[76] Юэбин (букв. «лунный пряник») – выпечка со сладкой начинкой из бобов или лотоса, традиционное угощение на Праздник середины осени.

куплю арбуз, фрукты. Какой чудесный день! Как не купить сегодня моих красных яблок, ароматных фруктов! – бедная, больная Байши, у которой при взгляде на двух любимых дочек-жемчужинок в груди поднялась волна сладкой нежности, изобразила, как кричат на улице торговцы фруктами, чем позабавила всех и добавила веселья в вечерний разговор.

– Ваш отец три года работал днями и ночами, ему тоже нужно отдохнуть, – пожалела она мужа напоследок.

Мягкая речь матери пробудила в Юйэр огромную надежду. Она отложила кисть для письма, взобралась на кан, закатала бумажные занавески на окне и нетерпеливо посмотрела на луну: еще чуть-чуть – и она станет полной.

В их дворике было прохладно; под лунным светом зрели финики и гранаты, а садовый бальзамин и жасмин испускали под окном тонкий аромат. В траве у стены тихонько пели сверчки, будто торопя время и приближая прекрасную пору праздника.

В окнах мастерской горел свет. Там шумел полировальный станок, а за ним стоял Лян Ицин, держа в руках корабль-сокровищницу, и стремился довести его до совершенства. Подходил срок исполнения заказа: его ждали и хозяин Пу, и господин Хант, и несчастная больная жена мастера, и его дочери, да и сам он ждал того момента, когда завершит работу. Она была как труднейшее трехлетнее плавание, а он – как рулевой, который уверенно держит кормило и ведет корабль сквозь бури и ветра, проходя с осторожностью опасные места, не допуская ни единой ошибки… И это далекое плавание должно вот-вот закончиться. Он стоит на носу корабля и всматривается вдаль – до берега рукой подать!

Он немного передохнул, погладил заскорузлыми руками величественный корабль-сокровищницу, и на лице его показалась удовлетворенная улыбка. – Это было непросто, «Ма хаджи» Чжэн Хэ, но мы прорвались! – Он пристально смотрел на гордого и величественного адмирала, на матросов, борющихся на палубе со стихией, и будто сам попал в их стройные ряды и даже увидел фигуру Талаат-ад-Дина, идущего на корабле в Мекку! Ай, баба, где вы теперь? Мое сердце всегда с вами. Хоть вы и оставили своего Ибрагима, я сделал из него человека – и мусульманский корабль мы сделали вместе с ним!

Он представил, какое удивление и восхищение вызовет этот корабль-сокровищница у господина Ханта, иностранца с желтой бородой и голубыми глазами, как тот изумится и восхитится, и обязательно скажет на непонятном иностранном языке: «Ого, какие в Китае талантливые люди, они действительно смогли объединить три чуда в одном!» Лян Ицин воображал, как господин Хант привезет корабль на международную выставку и там его работой будет восхищаться множество людей. Мысли эти были отнюдь не праздными: в 1926 году в Америке, в Сан-Франциско, проводилась выставка, на которой пекинская резьба по слоновой кости получила золотую медаль. Конечно, Лян Ицин сделал корабль-сокровищницу не ради славы, но в эту вещь он вложил всю свою энергию, всю свою веру. Вот если бы этот корабль смог обойти весь мир, чтобы все на свете узнали, какие в Китае есть резчики по нефриту! Этого ему было бы достаточно, чтобы почувствовать гордость за семью Лян!

Он представлял себе, как тысячи людей увидят его корабль-сокровищницу, и среди них обязательно будут мусульмане. Если они узнают, что это великолепие сделал их единоверец из Китая, то обязательно будут гордиться им, своим достом! Нет, такое невозможно, ведь на корабле-сокровищнице не выгравированы ни дуа – священная молитва, ни имя мастера. Никто о нем не узнает!

Лян Ицин почувствовал необъяснимое сожаление. Ремесленники – это все-таки ремесленники. Они не могут, как литераторы, или художники, ставить свое имя и печать на выполненной работе. Ремесленник – это низко, и с древних времен говорится, что «благородный человек не спустится в мастерскую, а хороший конь не пойдет на мельницу». Даже великий мастер резьбы по нефриту эпохи Мин Лу Цзыган, призванный во дворец, чтобы делать вещи лично для императора, не мог оставлять на работах свое имя. От такого запрета Лу Цзыган

чуть не потерял голову!.. Но вспышка сожаления, едва блеснув в сердце Лян Ицина, сразу же исчезла. Мастер, о чем ты думаешь? В мире столько профессий и умельцев, и ты, нефритовых дел мастер Лян, не один такой. Сколько еще людей заслуживает того, чтобы их имена были увековечены? Дворец в Запретном городе, гора Ваньшоушань в парке Ихэюань, алтарь в Храме Неба, статуи львов на мосту Лугоуцяо, Великая Китайская стена – все это делали каменотесы, плотники, резчики по дереву, каменщики. Теперь же все эти шедевры приписывают какому-нибудь императору Цинь Шихуан-ди[77] или императрице Цыси… Хоть где-нибудь выгравированы имена ремесленников? Кто из потомков знает, сколько мастеров потратили на величайшие творения свои силы, положили свои жизни?

Он снова нажал на педаль «водяного стола»; вращение шлифовального круга возобновилось, и Лян Ицин отбросил все мысли, погрузившись в работу и добавляя последние штрихи к лицу много повидавшего на своем веку третьего «Ма хаджи» – Чжэн Хэ. Этот выдающийся китайский флотоводец-мусульманин должен быть спокойным и сосредоточенным в тот момент, когда, держа компас, он смотрит в сторону Мекки и командует кораблем-сокровищницей, борясь с волнами и ветром. Ему безразличны людские невзгоды, как и собственные позор или слава. Наверное, он не думал, что после смерти его имя завоюет мировую славу в истории мореплавания и займет особое место в сердцах китайских мусульман. Лян Ицин с глубочайшим уважением смотрел на Чжэн Хэ, в его глаза, пронзающие высокие небеса и толщу волн. Он опасался, что взмахом ресниц, ударом своего сердца помешает точности резьбы и погасит сияние этих глаз…

Хань Цзыци все время был рядом и внимательно следил за доведенной до совершенства техникой мастера, не сводя с него глаз. Это непрерывное наблюдение было для него высочайшим эстетическим наслаждением и особым удовольствием, которое он не мог разделить ни с кем посторонним.

Внезапно он увидел, что учитель изменился в лице. Глаза Чжэн Хэ вдруг затуманились, словно у него от тягот и усталости долгого пути и тряски закружилась голова. Нет, это глаза Лян Ицина… Что с ним? Колышущееся впереди облако затуманивало глаза мастера, он силился вглядеться, но не мог разглядеть Чжэн Хэ прямо перед собой.

Ноги Лян Ицина остановились, он устало заморгал и сказал с улыбкой:

– Эта работа чем ближе к концу, тем утомительнее для глаз!

Хань Цзыци молча посмотрел в глаза мастера. Они глубоко впали в глазницы, верхние и нижние веки были сплошь прорезаны морщинами, а брови и ресницы покрыты нефритовой пылью, словно инеем; так плесень покрывает древние памятники старины. Десятки лет занимаясь обработкой нефрита, мастер и сам стал похож на старинную нефритовую фигурку. Зрачки его глаз, прежде иссиня-черные и чистые, стали мутными, а белки заполнились алыми прожилками, словно два агата.

Хань Цзыци было жаль учителя и стыдно за себя; он подумал: учитель мне как отец, а я взвалил на него столько мучений!

– Учитель, отдохните, завтра продолжите работу…

– Завтра? Завтра двенадцатое число? Мы не можем замедлить ход луны, надо сдавать работу…

– Тогда я продолжу, а вы отдохните, просто наблюдайте за мной.

Лян Ицин решительно покачал головой:

– Нет! С давних времен ученики делали основную работу, а учитель последние штрихи, нельзя нарушать порядок.

– Учитель, я не нарушу ваш порядок, просто немного помогу вам, а потом вы все закончите, – сказал Хань Цзыци.

---

[77] Цинь Шихуан-ди (259–210 гг. до н. э.) – основатель династии Цинь, правивший с 246 по 210 года до н. э.

Мастер посмотрел на уверенного и смелого ученика, немного поколебался, но не уступил:

– Цзыци, дело не в том, что я тебе не доверяю. За три года ты научился нашему ремеслу и стал ничуть не хуже меня. По сути, корабль-сокровищницу мы сделали вместе, просто ты сделал немного меньше меня. Я спокойно давал тебе делать все малозначащие места. Но сейчас работа подошла к завершению, и я боюсь любой неожиданности, поэтому все-таки закончу сам! За свою жизнь я отполировал очень много нефрита, но этот корабль – моя самая любимая работа, мой шедевр, и когда я его закончу, то смогу называться мастером и истинным знатоком нефритового ремесла! Впредь я буду лишь давать советы и наблюдать за тем, как ты становишься знаменитым! Цзыци, подожди немного…

Человеческую душу нельзя полностью выразить словами, и ученик не до конца понял, что хотел сказать мастер. При слове «неожиданность» Хань Цзыци молча отдернул нетерпеливые руки от корабля-сокровищницы. Он не будет больше отвлекать учителя: пусть тот спокойно продемонстрирует свой многолетний опыт и апогей своего мастерства, нанеся последний штрих. Это кульминационный момент той радости созидания, что получает мастер в процессе творчества!

– Запомни, – мягко сказал Лян Ицин, немного отдохнув и почувствовав, что глаза оправились от усталости, – мастер должен относиться к своей работе, как к жизни, должен посвятить работе свою душу, только тогда она будет живой. Жизнь человека ограничена, в ее конце придет смерть, но работы, которые ты оставишь после себя, будут жить среди людей. Из умельцев прошлых эпох никто не дожил до наших дней, а их нефритовые изделия продолжают жить.

Шлифовальный круг снова пришел в движение, и Лян Ицин забыл о себе, соединив свою жизнь и свою душу с кораблем-сокровищницей и адмиралом Чжэн Хэ. На корабле надулись паруса, флаги поднялись, рулевой и матросы закричали: «Раз-два, взяли», звуки вздымающихся волн и свист ветра раздались в нефритовой мастерской. Чжэн Хэ стоял на носу корабля; его мощная фигура покачивалась в такт волнам, а взор был устремлен вдаль, готовый в любой момент встретить шторм…

И вдруг в один миг все прекратилось; обессиленные руки Лян Ицина повисли, тело обмякло и начало крениться к вращающемуся по инерции шлифовальному кругу…

– Учитель! Учитель! – Хань Цзыци словно во сне увидел крушение целого мира; его душа ушла в пятки, и он с криком опустился на пол, чтобы помочь учителю встать…

Лян Ицин с трудом приподнял веки.

– Корабль-сокровищница, корабль-сокровищница! – слабо вскрикнул он. Его взгляд вдруг прояснился: он искал заветную цель, в которую вложил всю душу и саму жизнь. Остановившись на корабле-сокровищнице, его глаза радостно сверкнули, словно отразив свет падающей звезды, а затем потухли…

Корабль-сокровищница! Завершая долгое плавание, в ту самую минуту, когда борт должен был вот-вот достичь берега, корабль потерпел крушение! Правая рука Чжэн Хэ, указывающая на далекие края, была переломлена! Это была деталь первостепенной важности, она представляла собой нерв всей композиции, задавая направление движения корабля. Ее отсутствие лишило работу единства и поставило крест на всех усилиях мастера. Даже Лу Цзыган не смог бы теперь ничего сделать!

– Ах! – Лян Ицин издал душераздирающий крик, и из его рта вырвалась струя крови, окрасив в красное белоснежный корабль. Жизнь внезапно, в мгновение ока, покинула его, старый мастер упал на разбитый нефритовый корабль, заливая его алой кровью.

– Учитель, ах, учитель! – Хань Цзыци, обезумев, хлопал мастера по спине, а его пронзительные крики эхом отдавались в мастерской.

Лян Ицин лежал без движения перед «водяным столом», будто прощаясь с главным делом своей жизни, за которое сражался три года. К сожалению, завершить его не удалось, и мастер погиб вместе со своим кораблем-сокровищницей! Его загрубевшие руки сжимали раз-

битый корабль, так и не доведенный до совершенства. Кроваво-красные глаза были широко распахнуты, а открытый рот словно кричал: «Аллах, дай мне еще немного времени!»

В залитом лунным светом дворике, еще недавно тихом и спокойном, воцарилось смятение…

Глава 4. Месяц ясный

Свежий ветерок ранней осени прогнал нестерпимую жару; покраснела бегония, росшая перед западным флигелем.

Больше месяца назад закончились общегосударственные вступительные экзамены в университеты. Для Синьюэ вся эта яростная борьба уже стала прошлым, но волны памяти то и дело доносили до ее слуха строгое шуршание экзаменационных билетов, похожее на звуки шелкопряда, сражающегося за тутовый лист. Проблемы с продовольствием, затронувшие всю страну, вызывали в душах оголодавших студентов отчаянную жажду знаний и стремление к росту. Возможно, и впрямь оттого, что они так сильно исхудали, глаза этих молодых людей, едва получивших свой первый жизненный опыт, казались еще больше и еще прекрасней. Они боролись за завтрашний день, обгоняли других, наносили поражения, чтобы победить. В это решающее время все были равны, все были искренни. Перед выбором судьбы любая фальшь, притворство, самообман и надежды на удачу становились бессмысленными. Только действительно талантливые и знающие предмет люди сохраняли присутствие духа. Сначала Синьюэ было сложно справиться с волнением, ее одолевал невыразимый ужас, но, как только она увидела листы с экзаменационным заданием, один быстрый взгляд на них успокоил ее колотившееся сердце. Она вспомнила слова брата: «Представь, что ты не на экзамене, а просто сидишь в классе и делаешь домашнюю работу. Среди учеников есть и лучшие, и отстающие, но все они – люди, у всех одна голова на плечах, и нет никого с тремя головами и шестью руками – кого бояться?» Брат не поступал в институт, но говорил разумно и уверенно, и его слова помогли Синьюэ успокоиться: «Раз поставила перед собой цель, просто иди к ней. Сейчас никто не придет на помощь, да и не нужна она тебе, обойдись своими силами. Ты должна пройти этот рубеж, потому что нет у тебя другого пути, нет возможности отступить!» Она забыла обо всем на свете: перед ее глазами была лишь экзаменационная работа. Вокруг словно стоял густой лес, иссиня-черный, упирающийся в небеса, необъятный, беспредельный, где не было ни щебетания птиц, ни следов человека. Одна лишь извилистая тропинка, освещенная лунным светом, ослепительно блестела под ногами, и она пошла по ней, шаг за шагом, то погружаясь ногами в траву, то наступая на прохладную брусчатку…

И она победила.

– Письмо для Хань Синьюэ! – громко крикнул почтальон, размахивая конвертом. Папа первым разорвал его и стал читать лаконичный официальный документ; от волнения у него дрожали губы. Это было извещение о зачислении в Пекинский университет. Стоявшая в стороне тетушка внимательно слушала, закатав передник и утирая подступившие к уголкам глаз слезы:

– Господи! Слава Аллаху!

Брат взял извещение, прочел несколько раз и с торжественным видом вернул Синьюэ:

– Ты прошла!

Мама выдала лишь неопределенное «ну», наводящее, впрочем, на размышления. Сожалеет ли она о том, что дочь освободится и уйдет из-под ее контроля? Грустит ли, что дочь уедет далеко?

Все летние каникулы Синьюэ посвятила подготовке к переезду. Тетя заштопала и выстирала постельные принадлежности, перешила осеннюю одежду. Синьюэ поехала на рынок Дунъань и на подаренные братом деньги купила новое цветастое постельное белье и пару кожаных ботинок. Мама вручила ей пятнадцать юаней – деньги на питание и мелкие расходы в первый месяц учебы, а папа тайком добавил еще и сказал: «Вот, только матери не говори!» Он старательно сохранял непринужденный вид, но все равно выглядел строгим и загадочным, словно за маминой спиной делал что-то нехорошее. Такое поведение отца заставило Синьюэ недоуме-

вать: почему между родителями все так непонятно? Отчего? Она даже хотела отказаться от денег, которые выдал ей отец, но, глядя в его добрые и немного грустные глаза, не посмела ничего сказать. Отец вытащил видавший виды красно-коричневый кожаный чемодан, и она приняла его обеими руками с таким почтением, будто ей вручили богатейшее наследство. Мысленно она произнесла: «Отец, вы подарили мне дорогу в жизнь, и этого вполне достаточно. Разве могу я еще что-то от вас требовать?»

Она собирала вещи – одежду, книги и канцелярские принадлежности – и складывала их в чемодан, постоянно его закрывая, открывая и снова открывая, опасаясь забыть что-нибудь нужное.

– Ты словно хочешь вывезти весь западный флигель! – заметила ее мать, когда со скучающим видом случайно зашла в комнату дочери и увидела, как та пакует вещи.

– А почему нет? Это почти как выйти замуж! – сказала тетя, помогая Синьюэ складывать одежду. – Приедет туда, а там то жарко, то холодно, и все время надо самой о себе заботиться. Нет места лучше дома, а как покинешь его, тут и настают трудные времена. Надо заранее все подготовить!

– Даже это забираешь? – спросила мать, увидев, как Синьюэ укладывает в чемодан фотографию, вставленную в зеркало с рамкой.

– Боится, что станет тосковать по дому, вот и берет вашу фотографию. Она ведь никогда не уезжала от матери! – пояснила тетя, хотя ее объяснение должно было показаться госпоже Хань излишним, ведь мать обычно лучше понимает дочь.

Мысли и чувства Синьюэ было сложно выразить словами. На этом фото мама такая добрая, нежная, близкая, не ускользает от нее, как в жизни. Девушка надеялась, что образ матери навсегда останется для нее таким, каким был запечатлен на этом фото, – согревающим сердце. Но было видно, что мать не хочет, чтобы дочь забирала фотографию.

– Тогда… оставить вам? – Синьюэ вынула зеркальце из чемодана, в нерешительности глядя на мать.

– Мне не надо, некуда ставить, – холодно сказала госпожа Хань, повернулась и медленно вышла из комнаты. Подойдя к входной двери флигеля, она вздохнула. – Я так стара, что и в зеркало-то неохота глядеть… не хватало еще смотреть на фото, где я молодая!

Она словно говорила сама с собой и одновременно давала объяснения Синьюэ.

Объяснения! Многое ли в жизни нужно объяснять? Какие объяснения нужны матери с дочерью? Но им приходилось то и дело что-то друг другу растолковывать; они редко разговаривали начистоту, предпочитали действовать осторожно, опасаясь быть непонятыми и лишь углубляя этим взаимное отчуждение. Синьюэ хорошо понимала характер матери, но не ее образ мыслей. Ее отношение ко многим вещам так резко менялось, а слова, сказанные на пике эмоций, так сильно противоречили ее же объяснениям, когда она успокаивалась, что сложно было понять, какова же ее истинная позиция. Она дала согласие на участие дочери во вступительных экзаменах в Пекинский университет, – так почему же теперь, когда Синьюэ поступила, мать этому будто бы и не рада? Ее равнодушие ко всему дополнялось отчетливым ощущением безысходности, и это заставляло Синьюэ с тревогой думать о том, что мать ей не понять, а равно и не сблизиться с ней. Слушая ее удаляющиеся шаги и все еще держа в руке фотографию, девушка никак не могла понять, что же ей делать. Немного подумав, она поставила рамку с фото на прежнее место. Незаметно для себя она еще на шаг отдалилась от матери и даже подумала, что вряд ли будет скучать по родному дому. Она вот-вот уйдет, покинет этот душный мирок и начнет новую жизнь, где ее ждет священный храм науки – факультет западных языков Пекинского университета! Она с нетерпением ждала окончания летних каникул и возможности скорее попасть в новый мир: словно молодая ласточка, она выпорхнет из гнезда и устремится в синее небо!

Этот день вот-вот настанет, и ей пора будет уйти!

Синьюэ закончила паковать свой багаж: дорожная сумка, чемодан, мешок с тазиком и умывальными принадлежностями. Она еще раз посмотрелась в зеркало на туалетном столике; все в порядке: на ней белая рубашка с длинными рукавами, темно-синие холстяные брюки, пояс, длинные подтяжки, а заправленная в брюки рубашка делает ее фигуру выше и утонченнее. На ногах новые кожаные ботинки. Она взглянула на свое лицо: от волнения ее нежные белые щечки подернулись слабым румянцем; из аккуратно заплетенной косы не выбивалось ни одной пряди. Нечего мешкать: она может отправляться в путь.

Тетушка вытирала слезы, будто провожала Синьюэ в чужие края, откуда та никогда уже не вернется.

– Тетя, отчего вы плачете? В субботу я приеду повидать вас. Несколько дней пролетят незаметно… Будете меня ждать? – на душе у Синьюэ было тоскливо: все же она была привязана к этому дому, особенно к тете. Ах, тетушка! Она так искренне переживала, провожая свою подопечную, и совсем не хотела, чтобы та уезжала. Без Синьюэ тете станет совсем одиноко!

– Ох, ох… – вздыхала тетя, обещая ждать, и ее губы с трудом изображали улыбку.

Брат, не проронив ни слова, вошел в комнату Синьюэ, взял ее багаж, вынес во двор и привязал к заднему сидению велосипеда.

Синьюэ договаривалась со своей одноклассницей Чэнь Шуянь, что та придет проводить ее, но ждать подругу не стала. Чэнь Шуянь сдавала экзамены в Политехнический институт. Они обе очень хотели, чтобы у них все получилось, но договорились, что если поступит только одна, то непоступившая проводит поступившую, которая поедет учиться, как бы «представляя» обеих. Чэнь Шуянь провалила экзамены и, когда Синьюэ пришла к ней за новостями, со слезами сообщила подруге:

– Синьюэ, мне не повезло! А за тебя я правда рада! Я поеду тебя провожать, ведь мы договаривались! Жди меня утром 31 августа…

Разве у Синьюэ хватило бы духа на такую жестокость? Судьба заставляет молодежь бороться друг с другом, что само по себе изматывает, а если еще и заставлять проигравшего провожать победителя – это все равно что сыпать соль на рану. Вот она и решила ехать днем раньше. «Шуянь, не ругайся на меня, – мысленно обратилась Синьюэ к подруге. – Мы подавали документы в разные университеты, на разные специальности, и я верю, что не заняла твоего места! Но ты не можешь разделить мою радость, и я не хочу тебя огорчать! Прости, что я уезжаю, не попрощавшись!»

– Поехали! – брат уже увязал багаж и стоял во дворе, ожидая сестру.

Синьюэ вышла из западного флигеля: дворик был залит солнечным светом, а ветерок, шурша, обдувал бегонию. Отец перед уходом на работу сказал дочери:

– Я спокоен, береги себя!

Мать была в спальне и даже в окно не выглянула. Она что, не хочет сказать дочери ни слова?

– Мама, я поехала, – обратилась к ней Синьюэ, дойдя до коридора главного корпуса и заглядывая внутрь.

– Езжай, езжай, когда-то этот день должен был настать… – донесся из комнаты голос матери, словно она неохотно провожала дочь замуж, но не в силах была ничего изменить. Лицо Синьюэ омрачилось, она мгновение постояла, развернулась и направилась к ожидавшему ее брату.

Тетя вышла за ворота, проводила их до выхода из переулка и стояла там, наблюдая, как брат с сестрой идут по направлению к проспекту. На остановке автобуса № 19 Тяньсин сначала посадил сестру в автобус, а затем сел на свой велосипед.

– Когда доедешь до конечной, сойдешь у зоопарка, пересядешь на тридцать второй и выйдешь у южных ворот Пекинского университета, – там я буду тебя ждать! – сказал он Синьюэ.

– А если я приеду раньше?

– Это вряд ли! Я доеду быстрее автобуса.

– Почему?

– Потому что… потому что велосипед не останавливается!

И правда – брат ехал быстрее автобуса, и спустя какое-то время его уже не было видно на дороге…

Из автобусного окна обдувало прохладным ветерком, позади оставались растущие вдоль дороги софоры и белые тополя, и сердце Синьюэ порхало, как птичка: ах, какое чистое лазурное небо в начале осени!

– Южные ворота Пекинского университета! Товарищи, кто едет в Пекинский университет, пожалуйста, выходите! – громко объявил кондуктор, и Синьюэ показалось, что он обращается именно к ней, хотя она уже давно стояла у двери. Как только автобус подъехал к остановке, она нетерпеливо спрыгнула со ступеньки и сразу увидела брата, который уже ждал ее и махал ей рукой!

Мимо них проехали два автобуса с надписями «Пекинский университет»: это были специальные автобусы, забиравшие иногородних первокурсников на железнодорожном вокзале. Те прильнули к окнам, вытянув шеи: всем хотелось поскорее увидеть величайший в стране храм науки.

Тяньсин и Синьюэ пошли вслед за автобусами. Впереди показались величественные южные ворота с развевающимися флагами, и стала видна стекающаяся к ним толпа – было оживленно, как на храмовом празднике.

Все первокурсники из Пекина приехали своим ходом, с тяжелыми сумками и взволнованными улыбками, приветствуя и расспрашивая обо всем друг друга. Родственники и сотрудники университета помогали им с багажом, и было не отличить встречающих от провожатых. Тяньсин остановил велосипед у ворот и снял багаж, который сразу принял в руки кто-то из встречающих. Еще не войдя в университетские ворота, Синьюэ почувствовала здесь тепло и доброту большой семьи.

Пекинский университет, как любящая мать, распахнул объятия, приветствуя новых сыновей и дочерей. В зоне регистрации висел огромный плакат: «Добро пожаловать, первокурсники!» Приехавшие учащиеся толпились перед длинными регистрационными столами.

– Студент, пожалуйста, распишитесь в прибытии! С какого вы факультета?

– Факультет западных европейских языков и литературы, специальность – «Английский язык», – серьезно ответила Синьюэ. Вновь прибывшие студенты всегда боятся, что может произойти какая-то ошибка.

– О, ты из нашей группы? – услышала она сзади, когда наклонилась, чтобы расписаться в журнале.

Она с любопытством повернула голову и увидела высокого юношу, который назвался ее одногруппником. Наверное, надо его поприветствовать? Поздоровавшись, она замешкалась и проговорила на английском:

– И ты на специальность «Английский язык»?

Собеседник закивал и спросил, тоже по-английски:

– Одногруппница, как тебя зовут?

– Меня зовут Хань Синьюэ.

– А, так ты и есть Хань Синьюэ.

Синьюэ остолбенела: услышав его интонацию, она поняла, что ее имя ему знакомо. Как такое возможно? Откуда оно ему известно? Ах, должно быть, раньше приехавшие первокурсники уже видели список группы!

– А тебя как?

– Меня? Моя фамилия Чу, Чу Яньчао, – он представился; голос его звучал немного неестественно. Синьюэ почувствовала что-то странное и невольно смерила его взглядом. Он

выглядел просто, благовоспитанно, носил очки в черепаховой оправе, был одет в брюки из серой плотной ткани и белую рубашку. Синьюэ не поняла, почему ее одногруппник стесняется, когда у него спрашивают, как его зовут. Сам-то он спросил у нее об этом.

Вероятно, чтобы скрыть свое волнение, Чу Яньчао протянул руки и взял багаж Синьюэ. – Пошли, помогу тебе донести вещи. Студентки нашей группы живут в двадцать седьмом общежитии.

– Спасибо тебе, – сказала Синьюэ, отдав ему чемодан, дорожную сумку и мешок, и пошла вслед за ним. Она была тронута его помощью, хотя немного смущалась: все-таки она видела этого человека впервые.

От регистрационных столов они пошли к общежитию. Чу Яньчао сказал:

– Почти все из нашей группы уже приехали…

– Ого! – Синьюэ почувствовала себя опоздавшей: надо было приехать еще на день раньше. – Сколько всего человек в группе?

– Шестнадцать.

– А девушек сколько?

– Четверо.

– Откуда ты?

– Я… – Чу Яньчао замолчал на мгновение, а потом сказал: – Ну, моя семья в Шанхае.

Болтая по-английски, они вошли в общежитие и поднялись по лестнице.

– Хань Синьюэ, – сказал Чу Яньчао по-китайски, – у тебя очень хорошее произношение и отличное чувство языка.

– Правда? – Синьюэ покраснела. Она была уверена в своем устном английском, но все же немного смущалась, когда ее хвалили. – А еще ты очень смелая. Первый день в университете, а уже открыто говоришь на английском.

– Смелая? Но… но разве в университете нет такого правила? – торопливо ответила Синьюэ. – Я слышала, что те студенты, которые учатся по специальности «Английский язык», должны говорить в университете на английском…

– Где это такие правила? – странно улыбнулся Чу Яньчао. – Твои уроки английского еще не начались!

– Да, – Синьюэ стало неловко за свою догадку. – Но… ты разве так не делаешь? Все время говоришь по-английски!

– Я привык, – застенчиво объяснил Чу Яньчао.

– Я тоже привыкла… – невольно повторила Синьюэ.

– Ты китаянка-хуацяо?

– Нет! Я разве похожа на хуацяо[78]?

– У тебя такое чувство языка, будто ты выросла за границей…

– А, нет, – ответила Синьюэ и задала встречный вопрос: – И у тебя хорошее чувство языка. Ты учился за границей?

– Нет, – сказал Чу Яньчао. – Я учился только здесь.

Его ответ ошеломил Синьюэ: как же так…

– О, вот и твоя комната! – Чу Яньчао опустил ее дорожную сумку и постучал. Никто не откликнулся, и он толкнул дверь, приглашая Синьюэ войти. – Наверное, вышли. Проходи!

Синьюэ вслед за ним вошла в комнату и, когда багаж был уже на полу, удивленно спросила, все еще сомневаясь в услышанном:

– Ты учился здесь? Разве ты не первокурсник из нашей группы?

Чу Яньчао смутился и, покраснев, ответил:

---

[78] Хуацяо (букв. «китайский эмигрант») – китаец, проживающий вне территории материкового Китая; эмигрант или потомок эмигрантов, представитель любой из мировых китайских диаспор.

– Я… я куратор группы.

Ой! Синьюэ стало так неловко, ведь всю дорогу она принимала Чу Яньчао за своего одногруппника, и ей даже в голову не приходило, что он – ее учитель! Она думала, что в Пекинском университете преподают только старые седые профессора!

– Учитель Чу, прошу прощения… – она опустила голову, ее щеки горели. – Я не знала… я подумала…

Увидев ее смущенный вид, молодой учитель забеспокоился – ведь он сам вызвал это недоразумение. Он слишком молод, и его легко принять за студента, а когда такое происходит, ему тоже становится неловко… Он почувствовал себя виноватым перед студенткой за то, что причинил ей такое неудобство, едва она вошла в университетские ворота.

– Хань Синьюэ, ничего страшного, – смущенно сказал он. – Я окончил университет в прошлом году и еще не привык к тому, что меня называют учителем. В конце концов, я даже надеялся, что студенты вашей группы примут меня за своего, за студента.

Не зная, что сказать, Синьюэ не смела взглянуть на учителя и с низко опущенной головой перебирала свой багаж. Чу Яньчао хотелось поскорее разрядить напряженную атмосферу. Он указал на дорожную сумку Синьюэ и сказал:

– Ну, разбирай!

– Учитель, вы идите по делам, я сама…

– Хорошо, ты сначала устройся здесь, а затем спускайся в столовую и обменяй талоны на питание. Или мой возьми… – Чу Яньчао потянулся к своему карману.

– Нет-нет, не нужно, учитель, я сама обменяю. Скоро придут одногруппницы и обо всем мне расскажут.

– Хорошо, тогда устраивайся, а после обеда будет собрание группы, Чжэн Сяоцзин все тебе скажет. До встречи! – сказал Чу Яньчао и поспешил уйти.

– Спасибо, учитель! – сказала Синьюэ, закрыла дверь и вздохнула с облегчением: пока Чу Яньчао был здесь, она не могла свободно дышать.

Ее напряжение спало, и она наконец огляделась вокруг, осмотрела комнату – ее новый дом, где ей предстоит жить пять лет. Комната была небольшой: в центре стоял квадратный письменный стол с ящиками, рядом – две двухъярусные кровати. Значит, здесь будут жить четыре человека. Конечно, это не сравнить с ее уединенным жилищем в западном флигеле. Она рассмотрела все спальные места. Слева верхняя кровать была заправлена узорчатой простынью, на которой лежали два одеяла – тонкое шелковое и салатовое махровое, а у изголовья – вышитая подушка. На нижней кровати был расстелен стеганый матрас без простыни, накрытый грубой бамбуковой циновкой со странным узором, а на нем лежала подушка – тоже из плетеного бамбука. Верхняя койка справа была завалена пока еще не распакованным багажом, завернутым в армейское одеяло. Нижняя койка с голыми досками пустовала. Судя по всему, это и было ее место. Она поставила дорожную сумку на пустую кровать, открыла и вынула постельные принадлежности. Внезапно она остановилась: ее койка вплотную подходила к окну и к столу, то есть в будущем наверняка все будут здесь сидеть, читать, есть, болтать, а может, и играть в карты… Синьюэ предпочла бы место поспокойнее, но обе верхние койки были заняты: на одной уже кто-кто обустроился, а на другой лежал багаж. Она вновь пожалела о том, что не приехала раньше, и эта маленькая оплошность заставила ее почувствовать досаду. Она вскользь подумала: а не воспользоваться ли тем, что никого нет, не изменить ли слегка свою судьбу? Багаж на верхней полке не распакован – наверное, его владелица только приехала и положила его куда пришлось. Может, она и не собиралась занимать эту койку. Может, ее вполне устроит нижняя. Считая это обоснование достаточным, Синьюэ наступила на край нижней кровати и сняла с верхнего яруса увесистый багаж и сумку с книгами, а затем с трудом водрузила туда свои вещи. Она сбросила ботинки, забралась наверх, достала из дорожной сумки специальную метелку для кана, начисто смела ей пыль с досок и начала застилать кро-

вать. Обустраиваясь, она слегка запыхалась, и ее сердце громко стучало. Когда все было расстелено, она почувствовала, что теперь эта кровать принадлежит ей, и в этом пространстве на четверых у нее появился свой уголок. Она прилегла на подушку: отлично, вся комната хорошо видна. Захочется с кем-то поговорить – пожалуйста. Не захочется – никто ее не побеспокоит. «Это как раз то, что мне нужно!» – сказала она себе, довольная тем, как обустроилась на новом месте.

Из коридора донеслись звуки песен и голоса студенток: «…через леса и через моря со всех сторон идут, собираются вместе тысячи молодых людей. Возьмитесь за руки, пойте и танцуйте. Давайте споем песню о дружбе!..» Пение сопровождалось бодрыми шагами, которые приближались к комнате.

Дверь распахнулась, и словно с порывом ветра в комнату ворвались три студентки. Синьюэ изумленно посмотрела на них, а вошедшие, не сговариваясь, замерли на месте.

– Ой, мы не туда попали? – в смятении вскрикнула девушка с двумя косами.

– Нет, все правильно! – сказала, глядя на Синьюэ, другая, одетая в военную форму. – Ты, наверное, только приехала?

Синьюэ спешно спустилась с кровати:

– Да. Меня зовут Хань Синьюэ.

– Добро пожаловать! Меня зовут Чжэн Сяоцзин, – сказала девушка в военной форме с чистым пекинским акцентом. Она была худенькой и бледной, и ее оживленная интонация не гармонировала с мужской военной одеждой.

– Меня зовут Ло Сючжу, я из Ичана провинции Хубэй, – робко сказала девушка с косами. У нее было круглое раскрасневшееся личико, изящные бровки, и одета она была в просторное холщовое платье, полностью скрывавшее ее фигуру.

– Ты приехала, и теперь все студентки нашей группы в сборе! Ведь нас всего четверо! – сказала Чжэн Сяоцзин, приглашая Синьюэ сесть на край кровати.

Синьюэ посмотрела на студентку, вошедшую последней. У той была изящная фигура и миловидное личико, красиво уложенные на голове вьющиеся волосы, одета она была в черное платье и лиловую рубашку с длинными рукавами. Она слегка кивнула Синьюэ и ничего не сказала. Синьюэ подумала, что это, должно быть, и есть хозяйка верхней левой койки: стиль ее наряда соответствовал багажу. Действительно, она, как только вошла, тут же вскарабкалась на верхнюю койку, будто не желая сидеть и болтать на чужой кровати. Обнаружив, что Синьюэ на нее смотрит, она сказала с улыбкой:

– Меня зовут Се Цюсы, я из Шанхая, – она произнесла «Шанхай» как «Саншай», и ее путунхуа[79] был с привкусом реки Хуанпу[80].

Синьюэ перевела взгляд на Чжэн Сяоцзин:

– Похоже, что только мы – землячки!

– Ой, все мы съехались из разных концов страны ради общей революционной цели, и мы вместе до нее дойдем! – сказала Чжэн Сяоцзин, взмахнув рукой перед всеми присутствующими, будто была великим политиком. Слово в слово она процитировала Мао Цзэдуна: – «Все бойцы армии революции должны заботиться друг о друге, должны друг друга беречь, друг другу помогать!»[81]

Синьюэ сразу увидела в Чжэн Сяоцзин организационные способности: она была прирожденным лидером и, скорее всего, она и станет старостой группы.

---

[79] Путунхуа – официально принятый в КНР стандарт устной речи, основанный на произносительной норме пекинского диалекта.

[80] Хуанпу – река, протекающая через Шанхай.

[81] *Мао Цзэдун*. Избранные произведения. М.: Издательство иностранной литературы, 1953. Т. 4. С. 411.

– Хань Синьюэ, давай я помогу тебе обустроиться! – Чжэн Сяоцзин и впрямь вела себя по-командирски, но, едва повернувшись к верхней кровати справа, остолбенела. – Эй, кто это перенес мои вещи вниз?

Синьюэ испугалась и подумала: «Плохо дело, разбила землю над головой Тайсуя[82]!» Покраснев, она сказала:

– Я…

Чжэн Сяоцзин взглянула на верхнюю койку, где горлица заняла сорочье гнездо, хотя только что Синьюэ там лежала, а бывшая хозяйка никак на это не отреагировала. Теперь же, указывая на Синьюэ пальцем, она сказала:

– Не ожидала, что ты, словно последние, которые становятся первыми, займешь мое место!

Синьюэ смутилась:

– Я… я подумала, что спать на верхней койке так необычно, и поэтому… – она не решилась сказать о настоящей причине своего нежелания оставаться на нижней койке. Похоже, у нее нет другого выбора, кроме как отступить: – Если ты не согласна поменяться, я могу спуститься. Я не знала, где чье…

Видя, как одногруппницы спорят из-за койки, робкая Ло Сючжу покраснела от беспокойства:

– Не спорьте. Чжэн Сяоцзин, может, со мной поменяешься? Хотя у меня тоже нижняя койка…

Шанхайка Се Цюсы спокойно наблюдала за ними.

– Ладно, ладно! – засмеялась Чжэн Сяоцзин и, повернувшись к Синьюэ, примирительно сказала: – Я шучу! Что ты, в самом деле? Я думала, что здесь как в поезде, все хотят спать на нижней полке, и я специально ее оставила тому, кто позже приедет, чтобы избежать спора, кто внизу, а кто наверху. Кто знал, что ты не оценишь. Тогда нижний этаж мой!

Она говорила так уверенно и свободно, словно забота и терпимость по отношению к другим были для нее удовольствием. Она вела себя как старшая сестра, и Синьюэ прониклась теплом и симпатией к этой девушке с заурядной внешностью.

Чжэн Сяоцзин начала устраиваться на своей новой кровати. Все ее постельные принадлежности были армейского зеленого цвета. Синьюэ предположила, что ее родители военные, но спрашивать было неудобно.

Заправляя кровать, Чжэн Сяоцзин объяснила:

– Я закинула сюда свой багаж несколько дней назад, а ночевала дома. Я живу недалеко отсюда! – Однако она так и не сказала, где живет ее семья.

В это время раздался стук в дверь.

– Кто там? Войдите! – ответила Чжэн Сяоцзин, оглянувшись на звук.

Из-за двери донесся мужской голос с шанхайским акцентом:

– Се Цюсы у себя? Сходим погулять?

– Хорошо, иду! – радостно отозвалась молчавшая до сих пор Се Цюсы и соскочила с кровати.

– Подожди! – окликнула ее Чжэн Сяоцзин. – Се Цюсы! Не забудь, что после обеда собрание группы!

Се Цюсы посмотрела на свои наручные часы:

– Время еще есть, я успею, – сказав это, она открыла дверь и ушла.

За дверью промелькнула фигура студента из Шанхая, который ожидал ее снаружи и которого Синьюэ не успела разглядеть.

---

[82] Тайсуй – в китайской мифологии бог времени, ссора с которым ведет к неприятностям.

– Может, тоже пойдем прогуляемся по кампусу? Я приехала вчера вечером и до сих пор не знаю, как выглядит территория университета! – вдохновленная примером Се Цюсы, предложила Ло Сючжу.

– Хорошо! – встала Синьюэ и вопросительно посмотрела на Чжэн Сяоцзин. – Пойдем?

Чжэн Сяоцзин ответила:

– Вы идите, а мне нужно подготовиться с учителем Чу к собранию группы. Не забудьте: собрание в три часа в тридцать втором корпусе, в мужском общежитии нашей группы!

Конечно, она студенческий лидер! Синьюэ подумала, что такие люди больше заинтересованы в собраниях, чем другие, и всегда очень заняты.

Спустившись вместе с Ло Сючжу вниз и оглядевшись, Синьюэ заметила изящную надпись: «Общежитие № 27». Это было трехэтажное кирпичное здание в европейском стиле, но с традиционной китайской крышей, похожее на здание Медицинского колледжа, только крыша у него была без глазурованной черепицы – серая, как цвет самого здания. На лужайке перед общежитием росли темно-зеленые сосны и пышные ивы. Синьюэ хотела запомнить особые приметы своего корпуса, чтобы не заблудиться по дороге назад, и заметила, что рядом стоят точно такие же здания, которые почти не отличались друг от друга. А сосны и ивы растут везде – бесполезно запоминать. К счастью, все корпуса были пронумерованы, и на ее общежитии тоже значился номер: 27. Успокоившись, она вместе с Ло Сючжу пошла по дороге вдоль зданий.

По краям дороги густо росли цветы и деревья, дававшие тень, и высились многоэтажные здания. В основном они гармонично сочетали в себе восточный и западный стили, но были выше и изящнее корпуса № 27. Их крыши были украшены фигурками, под стрехами красовались масляные росписи, и возникало ощущение, что находишься в императорском дворце или храме, хотя при этом чувствовалась и изящная простота загородного дома.

– Наш кампус такой большой и красивый! – у Ло Сючжу от удивления открылся рот и глаза разбегались. – Он больше нашего уездного города, красивее храма Чэнхуанмяо[83]!

– Да! – так же искренне восхищалась Синьюэ. Она не могла сравнить Пекинский университет с родным городом Ло Сючжу или храмом Чэнхуанмяо, но тоже испытывала сильные эмоции. – Я здесь впервые и не видела места красивее, если не считать Запретного города[84] и парка Ихэюань! Я слышала, что сначала здесь был императорский сад династии Цин, и он соединялся с дворцово-парковым комплексом Юаньминъюань[85]. К великому счастью, пожар, устроенный англо-французской армией, сюда не дошел, и наш прекрасный кампус сохранился!

Ло Сючжу ничего об этом не знала и, как деревенская девушка, не стала скрывать своих переживаний о взлетах и падениях Поднебесной во время мировых бурь:

– Ай, англо-французская армия! А мы еще должны учить их язык!

– Язык? В чем же виноват язык? – не согласилась Синьюэ. – Тебе не нравится учить английский?

– Ага… – вздохнула Ло Сючжу. – В школе я учила русский, и заявление о поступлении писала на русское отделение. Кто знает, почему меня определили на английский.

Синьюэ это показалось очень странным:

– Значит, у тебя должен быть очень хороший балл за экзамен по русскому?

– Ну да, так и есть! – робкая с виду Ло Сючжу продемонстрировала полную уверенность в себе.

– Ты не хочешь попросить о переводе на другую специальность?

---

[83] Чэнхуанмяо – даосский храм в Шанхае.

[84] Запретный город – императорский дворцовый комплекс в Пекине, ныне музей.

[85] Юаньминъюань (букв. «Сады совершенной ясности») – дворцово-парковый комплекс в Пекине. Во время Второй опиумной войны 1856–1860 годов Юаньминъюань был разграблен и разрушен англо-французскими войсками.

– Ой, нет, я не осмелюсь, – снова застеснялась Ло Сючжу. – В университет поступить было очень сложно… Как я могу торговаться? Курица всегда следует за петухом, сука всегда следует за кобелем[86]!

Синьюэ мысленно позабавилась невпопад использованному сравнению и крестьянскому терпению Ло Сючжу, но открыто насмехаться над девушкой не стала, а только постаралась ее утешить:

– Ничего, выучишь английский! Начнешь с алфавита, на первом курсе мы все осваиваем язык с нуля! – ей было неудобно демонстрировать свое превосходство, хотя она с удивлением подумала: оказывается, зачисляют не только лучших из лучших!

Возможно, ее утешение подействовало: беспокойство Ло Сючжу отступило, и на ее лице показалась улыбка:

– Если у меня будут трудности, то, пожалуйста, помоги! Очень не хотелось бы писать домой письмо после итогового экзамена!

– Какое еще письмо? – Синьюэ не поняла, что девушка имеет в виду.

– Ты не знаешь эту частушку? – и Ло Сючжу бодро прочла нараспев:

Father, mother извещаю:
В институте book читаю
И по всем предметам good,
Только в English'е неу́д!

Что за странная песенка! Смесь английского с китайским, и Ло Сючжу прочла так выразительно, уверенно, с юмором, великолепно! Оказывается, провинциальная девочка вовсе не застенчивая, и у нее есть оригинальный языковой талант!

Синьюэ не сдержалась и захохотала.

– Смотрите-ка, смеется надо мной! – Ло Сючжу зарделась от стыда.

– Нет, я не над тобой смеюсь, а просто песенка веселая! – Синьюэ с трудом сдерживала улыбку. – Ты только что сказала несколько слов по-английски – «папа», «мама», «хорошо», «английский» – и все произнесла правильно. У тебя хорошо пойдет английский!

– Ну слава Богу!

Они вошли в сосновую рощу. Бугристая почва под ногами была сплошь покрыта зеленью. Извилистая тропинка вела их вперед, в тишину и уединение. Они несколько раз свернули и выбрались на широкое открытое место: впереди возник безбрежный туман над изумрудной гладью воды!

Ло Сючжу, выросшая возле Янцзы, обрадовалась:

– О, мы пришли к Куньминху!

– Нет, – сказала Синьюэ. – Куньминху в Летнем дворце, а это озеро Вэйминху!

– Да какая разница, как оно называется! Вэйминху – то же самое, что безымянное[87]! – Ло Сючжу радостно спрыгнула со склона, и они неторопливо пошли вдоль берега.

Изумрудная вода, гнущиеся на ветру ивы и пагода вдали, отражение которой колыхалось в центре озера. Синьюэ была очарована. Ах, Пекинский университет, мое заветное желание, мой дом!

– Смотри, на озере есть лодка! – сказала Ло Сючжу. К лодкам она питала особое пристрастие.

– Пойдем посмотрим. Кажется, возле лодки есть островок – туда можно перебраться по мосту и сесть в нее! – сказала Синьюэ.

---

[86] Китайская пословица, смысл которой состоит в том, что жена всегда следует за мужем.

[87] Вэйминху – букв. «озеро, у которого нет имени», «безымянное озеро».

Берег озера в этом месте был слишком крутым, и они побрели дальше по пологой тропинке. В северной части островка у воды высился древний кипарис, а рядом, словно сложенная ширма, стояла каменная стела. На ней были выгравированы строки:

Разукрашенная, сияющая огнями джонка отчаливает от берега.
С башни видны силуэты ивовых деревьев и их отраженья в воде.
Ветер играет на водной глади,
Закатное солнце расыпается по ней радужными бликами.

Хотя строки были расположены в определенном порядке, они не были похожи на стихотворение, а напоминали парные надписи, которые по неизвестной причине оказались соединены.

Синьюэ хотелось подробнее их рассмотреть, но Ло Сючжу не терпелось сесть в лодку, поэтому они пошли дальше, завернули за угол здания, на котором висела табличка «Инвентарь», перешли через мостик по каменным ступенькам и шагнули на островок. Росшие на нем деревья окружали островерхую беседку. Девушки обогнули ее, и прямо перед их глазами оказалась лодка, вырезанная из камня. Синьюэ сразу вспомнила Мраморную ладью в парке Ихэюань. Вот и на каменной стеле написано о «разукрашенной джонке»: должно быть, имелось в виду это место, только у здешней джонки не было верхней части, и она выглядела как обычная лодка.

Ло Сючжу запрыгнула в лодку первой и протянула руку Синьюэ. Та боялась, что лодка опрокинется, и осторожно спустилась вниз.

– Ха, это лодка, на которой нельзя плавать! – вздохнула Синьюэ.

– Нет, давай представим, что она движется! – сказала Ло Сючжу и приняла позу заправской рыбачки. – Пассажиры, усаживайтесь, мы отплываем!

Ло Сючжу заразила своим настроением Синьюэ. Ей и правда стало казаться, будто она несется по волнам реки Янцзы, вздымающимся до небес, а лодочка, как стрела, мчит ее вдаль, к желанной цели!

Они разговаривали о том о сем и так увлеклись, что забыли обо всем на свете. Солнце клонилось к западу, тень покрыла лодочку, а девушки все разговаривали, опьяненные красивым пейзажем и собственными мечтами.

– О черт! – вдруг пробудилась от грез Ло Сючжу. – Собрание в три часа! Сколько сейчас времени?

Синьюэ сразу вспомнила распоряжение Чжэн Сяоцзин: «Быть в три часа»! Кто же знает, сколько сейчас времени? У них нет часов!

– Идем скорее! – то было единственно верное решение. Они поспешили на берег.

– Где находится мужское общежитие? – спросила Синьюэ у Ло Сючжу.

– Ай-яй, не могу вспомнить, какой корпус! – растерялась Ло Сючжу. – Ты не расслышала?

– Я… я думала, что все знаешь! Ты же приехала первая…

Пререкания никак не помогали делу. Синьюэ предложила:

– Тогда… мы сначала вернемся в наше общежитие, в двадцать седьмой корпус, дорогу до него я еще помню – может, там кто-то есть! Почему собрание надо устраивать в мужском общежитии?

Такие жалобы не имели особого смысла: им оставалось лишь вернуться прежним путем, ориентируясь на пагоду и с трудом вспоминая, откуда они пришли. Они дошли до пагоды и стали искать песчаную дорожку, которая привела их сюда, но не понимали, куда она делась, и кругами ходили по берегу, среди множества похожих тропинок пытаясь найти нужную.

Солнце неумолимо садилось, на западе показался закат и отразился в середине озера, а вода и небо слились воедино. Несколько рыбок радостно выпрыгнули из воды, разбрызгивая жемчужные капельки. Каким бы красивым ни был пейзаж, им уже не хотелось любоваться –

надо было найти дорогу обратно. Девушки несколько раз останавливали прохожих и спрашивали, где находится корпус № 27. Одни отвечали, что не знают, поскольку тоже новенькие, а другие, обильно жестикулируя, объясняли, что нужно идти на восток, потом на юг, прямо до перекрестка, затем повернуть на запад, идти по дороге к востоку от библиотеки, потом опять на юг – и дойдете! Где им было запомнить все эти указания? Они ходили кругами и даже свою исходную точку, озеро Вэйминху, не могли найти.

– Вот черт! Плохо дело! Хуже некуда! – вздыхала Ло Сючжу. – Ладно на собрание опоздали, так еще и ни поспать, ни поесть сегодня не удастся!

Все это время, пока они заселялись, гуляли, искали дорогу к общежитию, Синьюэ было не до еды, и только сейчас она вспомнила, что не обедала, и в желудке у нее совершенно пусто.

Девушки совсем пали духом, как вдруг услышали, как их кто-то окликнул:

– Ло Сючжу! Хань Синьюэ!

– Слышишь? Кто нас зовет? – удивилась Ло Сючжу.

Синьюэ повернулась на голос и увидела знакомый силуэт, движущийся по направлению к ним: высокий юноша в синих брюках, белой рубашке и квадратных очках…

– Учитель Чу! – взволнованно отозвалась Синьюэ.

* * *

Ночь в кампусе Пекинского университета была тихой и безмятежной. Поднимавшийся над озером Вэйминху водяной пар, словно дымка тумана, струился вокруг островка и пагоды. Ясная, полная луна отбрасывала длинную тень на водной глади.

На востоке занимался тусклый рассвет. Синьюэ спала в женском общежитии корпуса № 27. Ей снились озерная вода, Мраморная ладья и возвышающаяся в отдалении пагода. Учитель Чу сказал, что та пагода называется «Боячжай». Вот совпадение так совпадение! Так же назывался дом семьи Синьюэ!

* * *

В это время в особняке «Боячжай» проснулась ее мать.

Как и все набожные мусульмане, госпожа Хань перед каждым восходом солнца прислушивалась к призыву Аллаха: «Молитва лучше сна!» Хотя ее дом находился далеко от мечети, и призывы муэдзина[88] с минарета, к тому же упростившиеся в последние годы, не были слышны, госпожа Хань все равно просыпалась одновременно с ними. Каждый день она пять раз вставала на молитву, соблюдая ранний утренний намаз[89] – фаджр, который ни в коем случае нельзя было пропускать.

Ее ничуть не беспокоил спящий в западных комнатах муж. Она тихо вставала, шла в ванную комнату и совершала гусул – обряд омовения перед утренней молитвой: мыла руки до локтей, подмывалась, чистила зубы, прочищала нос, умывала лицо, причесывала волосы, чистила уши, полоскала горло и мыла ноги. Мусульманская вера неотделима от чистоты, и перед каждой молитвой обязательно совершается священное омовение: оно помогает верующему очистить душу, избавиться от лишних мыслей, ощутить раскаяние и стать новым человеком. Исламский пророк Мухаммед спрашивал своих учеников: «Если вы за день омоетесь пять раз, разве может на вашем теле остаться грязь?» Ученики отвечали: «Нет, тело будет совершенно чистым!»

---

[88] Служитель мечети, призывающий мусульман на молитву.

[89] Обязательная молитва у мусульман, совершаемая пять раз в день.

Госпожа Хань тщательно умыла свое нежное лицо, вплоть до волос, ушей и шеи, – так, чтобы на нем не осталось ни малейшего загрязнения. Ее светлая, словно белый нефрит, кожа потеряла былую упругость и подернулась морщинками, идущими от уголков глаз ко лбу и щекам. Веки заметно обвисли. Постарела, постарела! Она гладила свое лицо, вспоминая прежнее, давно ушедшее изящество, вспоминая лицо Синьюэ, подобное цветочному лепестку. Как с ним сравниться? Мать никогда не должна сравнивать себя с дочерью! Едва она вспомнила о Синьюэ, прошлое, как осадок, всколыхнулось в ее душе, принеся с собой неизбывную тоску: мать и дочь, плоть от плоти, родные, но такие чужие друг другу, то сближающиеся, то отдаляющиеся. Это не могло не беспокоить ее…

Она вздохнула и, отбросив печальные мысли, словно смахивая с себя мирские невзгоды, сосредоточилась на молитве. Утренняя дисциплина, начатая ею в девять лет и неукоснительно выполняемая каждый день, никогда не прерывалась, независимо от того, находилась ли ее семья на пике процветания или проходила через период невзгод. С годами ее вера во Всемогущего Аллаха становилась все крепче, и Он был единственным богом, ведущим ее по жизни. В своей строгой и торжественной вере она чувствовала глубину и покой.

Расстелив на полу молитвенный коврик, она встала лицом к святой Мекке, произнесла вслух ният, а затем подняла руки до уровня плеч и обратилась к Аллаху. После поясного поклона она поблагодарила Аллаха и перешла к суджуду – земному поклону: опустившись на колени, коснулась пола лбом и кончиком носа, выражая свое преклонение перед Всевышним. Потом она долго сидела на коленях, а затем несколько раз повторила все с самого начала. Добросовестно выполняя все движения, она шепотом читала слова на арабском: «Во имя Аллаха Всемилостивого и Милосердного, хвала Аллаху – Господу миров. Всемилостив и Милосерден Он один, дня судного один Он властелин. Мы предаемся лишь Тебе, и лишь к Тебе о помощи взываем: направь прямой стезею нас, стезею тех, кто милостью Твоею одарен, а не стезею тех, на ком Твой гнев, и не стезей заблудших. О Аллах! Ты – Господь мой, и нет бога, кроме Тебя, Ты создал меня, а я – твой раб, и я буду хранить верность Тебе, пока у меня хватит сил… Признаю милость, оказанную Тобой мне, и признаю грех свой. Прости же меня, ибо, поистине, никто не прощает грехов, кроме Тебя! О Аллах! Смой мои грехи водой, снегом и градом. Очисти меня от грехов, как очищается белая рубашка от грязи. Отдали меня от грехов, как Ты отдалил восток от запада!»

В такие минуты ее человеческая плоть словно переставала существовать, и оставалась лишь обнаженная душа, напрямую говорящая с Господином Вселенной – Аллахом, преисполненная ужасом от тяжести своих прегрешений, стремящаяся к совершенству. Она не говорила ничего, что было чуждо ритуалу, и думала лишь об Аллахе. Он непрестанно следит за всеми мотивами и действиями мусульман. «Ислам» в переводе с арабского означает «покорность»: мусульманин – человек, покорный Аллаху!

Госпожа Хань погрузилась в торжественную и спокойную молитву, и ее душа, ничем не связанная, парила в воздухе. Бóльшая часть ее жизни промелькнула, как облако дыма, – в ней было и счастье, и горесть, и радость, и ненависть. Ее уже наказали за грехи, и она раскаивалась в своей черствости. Она искренне стремилась к гармонии и покою, недостижимым, как отражающийся в воде месяц, как солнечные зайчики. Она изо всех сил пыталась соответствовать образу строгой и властной женщины, которой не чужды и доброта, и нежность. Однако в ее жизни то и дело возникали непредвиденные обстоятельства, когда сохранить разумное спокойствие было невозможно. С детства она была несдержанной и острой на язык, но спустя годы совершенствования у нее стало получаться «думать прежде, чем говорить», и даже перед мужем и дочерью приходилось лицемерить. Ее характер от природы был скрытным, а жизненные потрясения наглухо заперли ее сердце, и она открывала его только перед Всемогущим Аллахом… Хорошая ли, плохая, добрая ли, злая – Аллах все видит! Она всей душой верила

в Аллаха, и это покрывало все ее несовершенство. Она полностью полагалась на Аллаха, благодарила Его, моля, чтобы Он сжалился над ней!

* * *

В спальне южного дома тетя тоже в одиночку проводила утренний намаз. Перед лицом единого Бога каждый сам раскаивался в своем прошлом и молился о своем благополучии в будущем. Когда они закончили утреннюю молитву, солнце еще не встало. Проснувшись, Хань Цзыци и Тяньсин молча умывались и чистили зубы. Поскольку оба работали, – рано уходили из дома и поздно возвращались, им было сложно по пять раз в день совершать намаз. Тетя купила соевое молоко и жареные лепешки, и семья по обыкновению собралась в столовой завтракать. Возможно, из-за отсутствия за столом Синьюэ, без которой словно исчезло полмира, никто не разговаривал. Тяньсин, низко опустив голову, быстро умял две лепешки и, едва их проглотив, вскочил на велосипед и уехал. У Хань Цзыци не было желания есть; он только выпил чашку крепкого жасминового чая. Выпьет глоток, глубоко вздохнет, медленно выдохнет, снова поднимет чашку и сделает глоток, снова вздохнет, смакуя нежный аромат чая. После двух заварок он встал, вышел из дома и отправился на работу.

Госпожа Хань и тетя продолжали есть, медленно пережевывая пищу, хотя мысли обеих были не о еде.

Вдруг раздался громкий стук дверного кольца на воротах.

Погруженная в свои тайные думы, тетя вздрогнула, встала из-за стола и пошла открывать дверь, одновременно приговаривая:

– Это еще кто?

– Я! – раздался нежный девичий голосок.

Тетя разволновалась так, что у нее затряслись руки:

– Господи! Синьюэ вернулась?

Госпожа Хань, оставшаяся в столовой, удивилась:

– Э… как?! Что это она – только вчера ушла, а сегодня обратно прибежала?

– То-то и оно… – от волнения тетя не могла справиться с замком на воротах. Когда они открылись, вошла одноклассница Синьюэ – Чэнь Шуянь.

– Тетя! – Чэнь Шуянь не раз бывала в этом доме и обращалась к тетушке так же, как и Синьюэ.

Переволновавшись, тетушка ворчливо проговорила:

– Шуянь, ты меня очень напугала!

Не обращая внимания на выражение лица тетушки, Чэнь Шуянь вошла и спросила:

– Синьюэ готова?

– Синьюэ? Она же вчера уехала!

– Уехала? – в голосе Чэнь Шуянь было слышно разочарование. – Почему она ушла, ничего мне не сказав? Мы же договорились…

– О! – тетя вдруг почувствовала себя виноватой и поторопилась сгладить ситуацию: – Да, я слышала, как Синьюэ говорила, что вы условились встретиться. Она должна была ждать, когда ты придешь и проводишь ее, ведь вы столько лет были школьными подругами, а тут – вот-вот расстанетесь… Но потом у нее возникла мысль…

Услышав невнятное объяснение, госпожа Хань бросила есть лепешку, вышла из столовой и перебила незадачливую тетушку:

– Это Шуянь? Из университета пришло уведомление о том, чтобы она приехала пораньше. Она не могла тебя дожидаться, и я попросила старшего брата проводить ее. Видишь, пришлось тебе напрасно ехать сюда!

– Тетя, – через силу улыбнулась Чэнь Шуянь, – ничего страшного, главное, что ей кто-то помог довезти багаж. Неважно, кто проводил. Синьюэ осуществила свою мечту, поступила в университет, и я рада! Синьюэ лучше меня…

На этой фразе Чэнь Шуянь стало трудно сдерживать свои чувства; в горле у нее как будто что-то перехватило, на глаза выступили слезы, и она не смогла больше говорить.

Раньше госпожа Хань видела Чэнь Шуянь, но не обращала на нее внимания, и только сейчас познакомилась с ней лично. Она пристально осмотрела девушку: та была такой же высокой, как Синьюэ, и ее фигура еще только начала оформляться, что делало ее очаровательно стройной. У нее были правильные черты лица, кожа хоть и не такая белая, как у Синьюэ, но и не смуглая, прекрасные брови и глаза, сейчас искрившиеся от слез. Уши прикрыты коротко остриженными и аккуратно причесанными волосами. На ней была рубашка (хоть и не такая красивая, как у Синьюэ), брюки из синей ткани, белые носки и матерчатые туфли; она была очень симпатичной девушкой. Если бы они с Синьюэ обе поступили в университет, и она пришла бы теперь по приглашению ее дочери, то госпожа Хань вряд ли испытала бы к гостье особую симпатию. Однако сейчас девушка была несчастна, стояла у них во дворе, и каменное сердце госпожи Хань не могло не дрогнуть. Она перебила тетю и солгала из-за опасения, что девушка распереживается, но ее ложь не помогла. Почувствовав острое сострадание, она захотела помочь бедняжке.

– Шуянь, ты завтракала? – тетя нарочно перевела разговор на другую тему. «Вы поели?» – обычная фраза, которой пекинцы приветствуют друг друга при встрече, во времена продуктового дефицита звучала очень редко.

– Я поела дома, – Чэнь Шуянь с трудом сдерживала слезы, стоя у каменного экрана, обвитого глицинией. Она не хотела здесь задерживаться. – Ну, я пойду.

Тетушка чувствовала себя неловко:

– Подожди! Куда это годится: только пришла и сразу уходить?

Госпожа Хань поддержала тетушку:

– Да, останься! Это что же получается – Синьюэ уехала, и тебе больше незачем приходить? Зайди, посидим, побеседуем.

Чэнь Шуянь замешкалась, подумав, что сразу уходить – не очень вежливо, и пошла вместе с госпожой Хань в столовую. Та повернулась и сказала:

– Сестра, будь добра, налей Шуянь чаю!

Раньше, когда Чэнь Шуянь приходила в дом «Боячжай», то всегда дожидалась Синьюэ во внешнем дворике под глицинией и там же с ней разговаривала. Шуянь никогда не была в доме семьи Хань: почему-то ей не хотелось заходить внутрь. Теперь, когда она вошла во внутренние ворота вслед за госпожой Хань и увидела большой и красивый двор, то невольно сравнила его с сыхэюанем, который ее семья делила с другими, занимая лишь небольшой двухкомнатный дом, и почувствовала себя еще более подавленной, испытывая горечь из-за невозможности соперничать с Синьюэ.

Войдя в гостиную, госпожа Хань пригласила Чэнь Шуянь пройти и сесть. Девушка чувствовала себя скованно. Прохладные столы и стулья, инкрустированные мрамором, были так непохожи на старый стол и стулья в ее доме, за которым и ели, и делали уроки. Она притворилась, будто небрежно осматривает гостиную семьи Хань: резные перегородки из твердых пород дерева, большой шкаф, фарфоровую вазу с пурпурной глазурью и разноцветными павлиньими перьями, каллиграфию и картины на стене, – и в ее душе вспыхнула зависть. Синьюэ и впрямь родилась в раю, у нее с самого рождения есть все. У Чэнь Шуянь же не было ничего. Люди такие разные!

Тетушка принесла чай; из украшенной искусным узором чашки с крышечкой исходил бодрящий аромат. Чэнь Шуянь подняла крышечку, сделала глоток, посмаковала и медленно

проглотила: во рту после этого еще долго оставался аромат – конечно, это был не тот чай, что пили в ее семье.

– Шуянь, твои дедушка с бабушкой в порядке? – спросила госпожа Хань.

– В порядке… – тихо ответила Чэнь Шуянь. – Они в добром здравии, по дому все делает мама, а отец с утра до вечера на работе, на фабрике. Так ремесленники кормят семью! – Ой, да все семьи так! – перебила тетя. Обед готовить было еще рано, заняться было нечем, и она встала у стола – побеседовать. – Вот мы, например. Папа и брат Синьюэ тоже пашут от зари до зари, а мы только и надеемся, что они хоть шесть с половиной сотен заработают!

– Моего отца не сравнить с дядей Ханем! – вырвалось у Чэнь Шуянь.

– Да брось ты! – вежливо улыбнулась тетя. – Они люди одной профессии, и твой отец…

Госпожа Хань остановила ее на полуслове:

– Сестрица, посмотрите, не разбросал ли Тяньсин грязную одежду в комнате. Это дитя само стирать не умеет, а сказать не может!

– Ой, пойду посмотрю! – и тетя поспешила в восточный флигель.

Выпроводив не в меру говорливую тетушку, госпожа Хань обратилась к Чэнь Шуянь:

– Дядя Хань давно хотел повидать твоего отца, но из-за большой занятости так и не дошел. Хотя в их компании много рабочих рук, но и руководство, и коллеги уважают мужа. Ни покупатели, ни продавцы без него не обходятся, говорят, что он – авторитет!

Чэнь Шуянь сказала:

– Это чистая правда, в нефритовом деле все признают, что дядя Хань непревзойденный специалист: и ремеслом владеет, и экспертизу может провести, и иностранный язык знает в совершенстве. Куда до него моему отцу! Он только и знает, что молча работать за станком: кроме этого ничего не умеет!

Госпожа Хань улыбнулась.

– Хотя дядя Хань много лет назад бросил заниматься своим ремеслом, все-таки он, считай, коллега твоего отца. Он очень ценит людей этой профессии и хорошо в ней разбирается. О твоем отце он говорит: «Среди нефритовых дел мастеров Пекина, если не принимать в расчет безделушки, а говорить о простой работе, хозяин Чэнь – из лучших!»

Она использовала профессиональный жаргон: «безделушками» назывались фигурки из нефрита, которые ставят на стол для украшения, а «простая работа» – это ювелирные изделия без декоративного орнамента – гладкие нефритовые кольца, серьги, браслеты. Родившаяся в семье нефритовых дел мастера, Чэнь Шуянь, естественно, все понимала и радовалась похвалам госпожи Хань. Однако девушка не расслышала в словах хозяйки дома «Боячжай» скрытого смысла: в нефритовом деле те, кто работает словом, и те, кто работает руками, не равны. Навыки отца Чэнь Шуянь – это лишь ремесло, и, конечно, его нельзя сравнивать с делом Хань Цзыци. Чэнь Шуянь сама все прекрасно понимала, и намек госпожи Хань был излишним. Устаревшее вежливое обращение «хозяин Чэнь», которым та назвала ее отца, резало ей слух.

– Да неважно, насколько высоко мастерство моего отца, – какая теперь разница? Можно сказать, его жизнь прошла зря! Он ни дома не купил, ни денег не скопил, – а все равно его записали в мелкие собственники!

Госпожа Хань строго сказала:

– Это государственная политика! Я помню время, когда предприятия основывались с участием и государственного, и частного капитала. Все, у кого были хоть какие-то средства, стали капиталистами и мелкими предпринимателями!

Чэнь Шуянь не смогла сдержать гнева:

– Да какие у нашей семьи средства? Две комнаты, «водяной стол» да две тысячи юаней на руках! Какой мой папа «хозяин»? Он и работников не нанимает, сам ходит на утренний базар и продает старые кольца. Урывками делает мелкие украшения и сам ищет, где бы их продать. Он и на рикше-то в жизни не ездил, все время на своих двоих! Когда настало совместное

управление предприятиями, так все сразу спохватились, забегали. А мой отец, дурак, ничего не знает об изменениях, как скажут ему, так и сделает. Сказали, что надо учредить «нефритовый кооператив», что нужны ремесленники и не надо сдавать домашнее имущество, так мой отец сходил на два собрания, а на полпути домой повстречал земляка из Хэбэя, который ему сказал: «Ты делаешь простые вещи, – так почему не присоединишься к нашей фирме по обработке украшений?» Отец бросил кооператив, вошел в их предприятие, сдал и две тысячи, и «водяной стол». Когда его спросили о социальном положении, он подумал: «Я, как бы то ни было, “хозяин”, поважнее лавочных продавцов!», – вот и назвался «мелким собственником». Да что он понимает? На собрании он увидел, что сидит не с рабочими, да и повестка собраний тоже изменилась: какое-то там «преобразование в сознании человека, живущего за счет собственного труда», «сам выбирай свою судьбу»… Только тогда он понял, что вошел не в ту дверь, сам навлек на себя несчастье!..

Чэнь Шуянь, обычно сдержанная и осторожная, от волнения наговорила столько всего! Она рассказывала не о своем личном опыте, а о главной проблеме ее семьи и о том, о чем ее отец сожалел многие годы. Все свое недовольство он выплескивал дома, перед женой и детьми, и она хорошо запомнила его слова. Теперь, когда ее охватило безутешное горе, она поделилась всем этим с дружелюбной госпожой Хань. Поскольку Чэнь Шуянь была одноклассницей Синьюэ, то не воспринимала ее мать как человека чужого. Высказавшись, она замолчала и снова стала сравнивать свою семью с семейством Хань: раньше у дяди Ханя было большое торговое дело, и они до сих пор живут в хорошем доме, и вид у них важный. Если они не капиталисты и не мелкие предприниматели, то кто? Распрямившие спины государственные кадры? Эх, судьба, судьба, как ты несправедлива!

– Да где моему отцу быть таким сообразительным, как дядя Хань, – невольно вырвался у нее искренний вздох.

– Сообразительным? – холодно проговорила госпожа Хань. – Двадцать лет назад он уничтожил нашу семью! А иначе разве государство назвало бы его пролетарием?

Было непонятно, что это – похвала или уничижительное замечание. Госпожа Хань не стала рассказывать, что именно сделал Хань Цзыци, да она никогда бы и не стала так открыто, как Чэнь Шуянь, выставлять напоказ семейные дела. Она сказала это, чтобы обозначить положение их семьи, чтобы Чэнь Шуянь не терялась в догадках, ведь она видела, с каким восхищением и любопытством эта девушка относится к семье Хань.

Чэнь Шуянь не стала ни о чем расспрашивать – это было не ее дело. Она лишь сожалела о том, что родилась в семье, на которой висел ярлык «мелкого предпринимателя», а жилось ей даже далеко не так, как в семье у «пролетария». Если бы и у них все было так, как в семье Хань, – да пусть бы их даже назвали «буржуазией»! «Ах, как же хорошо Синьюэ! – думалось девушке. – У нее нет семейных трудностей, захотела поступить в известный университет – поступила. Не то что я: даже в Политехническом институте никому не нужна!»

Походив вокруг да около, она вернулась к сути: все ее уныние и недовольство были следствием провала на вступительных экзаменах в институт. Она пришла проводить Синьюэ только из-за того, что они уже договорились, и она боялась обидеть подругу. По дороге сюда она переосмысливала ситуацию, набиралась храбрости – и все равно не смогла вынести чувства потерянности и разочарования. На глазах у нее выступили слезы.

Госпожа Хань с сочувствием смотрела на хрупкую девушку, не зная, как ее утешить. Похоже, Чэнь Шуянь винит своего отца в том, что не поступила в университет, и вроде бы думает, что поступление Синьюэ связано с социальным положением ее семьи. Госпожа Хань не была уверена в том, что государство набирает студентов, основываясь на их происхождении, «разнося блюда по чинам», но интуитивно понимала, что, сказав так, оскорбит свою дочь. Поступление в университет нельзя купить за деньги, ведь нужно сдавать экзамены, и если знаний недостаточно, то ничего не выйдет. Судя по тому, как оценивал свою дочь Хань Цзыци,

та и впрямь поступила благодаря своим знаниям. Значит, Чэнь Шуянь по знаниям уступает Синьюэ. Однако госпожа Хань не могла высказать своих соображений: они сильно расстроили бы девушку. Не одобряла госпожа Хань и чувство неполноценности, которое испытывала Чэнь Шуянь по отношению к своей семье. Ее отец много лет был занят торговлей, у него в руках было две тысячи, и это намного лучше, чем работать за кусок хлеба. Даже худой верблюд крупнее лошади: состояние у некоторых семей все равно больше, чем у рабочих, за которых так ратует государство, и незачем так себя презирать. И все же высказывать это было неудобно. Немного подумав, госпожа Хань избрала другой путь к сердцу гостьи:

– Детка, что произошло, то произошло, не держи вечную обиду! Как по мне, так девушке достаточно окончить старшую школу, а университет не так уж и важен! Наш Тяньсин тоже не учился в университете, работает на секретном заводе: что в этом такого? И тебе необязательно учиться, как Синьюэ, достаточно помогать матери по хозяйству!

Чэнь Шуянь достала носовой платок, вытерла уголки глаз и сказала:

– Моей маме очень тяжело! Оба младших брата учатся, им нужна еда, одежда, надо платить за учебу. Разве может хватить восьмидесяти юаней, что зарабатывает отец? Мама даже говорила: «Мое счастье, если ты не поступишь!»

– И это правда, – закивала госпожа Хань. – Раньше выйдешь на работу – сбережешь силы матери!

– Папа тоже так говорит. Все эти дни он ищет того, кто бы взял меня на работу. Слышали, что в антикварном магазине на улице Люличан есть мастер, с которым раньше они вместе учились ремеслу, и если он сможет помочь…

– Да? Если этот вариант выйдет, то и впрямь будет неплохо: останешься в нашем антикварном деле! Я поговорю о тебе с дядей Ханем, он всех знает, попрошу его замолвить словечко!

– Это было бы здорово, – Чэнь Шуянь с благодарностью посмотрела на госпожу Хань. – Тетя, если я попаду в антикварный магазин, то буду вам очень благодарна!

– Ой, не нужно церемониться, мы все хуэйцы, все свои!

Под выражением «все свои» госпожа Хань не имела в виду прямое родство. Она говорила об особых чувствах, которые каждый хуэец испытывает к представителям своей национальности. Она взяла термос, наполнила чашку гостьи чаем и как бы машинально спросила:

– Шуянь, а сколько тебе лет? Мне помнится, что ты постарше Синьюэ…

– На два года старше, мне девятнадцать; к Новому году будет двадцать. Я поздно пошла в школу, была выше всех в классе…

– Двадцать? Настало время искать мужа, – это важнее учебы! Уже выбрала?

Чэнь Шуянь покраснела:

– Тетя, я даже работу не нашла, откуда у меня будут такие мысли? В старшей школе никто ни с кем не встречался…

Госпожа Хань засмеялась:

– Как не стыдно! Когда мужчина вырастает, ему нужно жениться, когда девушка вырастает, ей надо выйти замуж. Должно быть, мама за тебя беспокоится. Среди нас, хуйэцов, есть достойные люди!

Чэнь Шуянь замолчала, выпила чай и опустила голову.

Тетушка, все переворошив в восточном флигеле, принесла в руках одежду Тяньсина, замочила в тазу, села в саду под гранатовым деревом и принялась за стирку, приговаривая:

– Посмотрите, что за грязь на воротнике! Как такое можно носить?

Чэнь Шуянь поставила чашку с чаем на стол, выглянула во двор и сказала:

– Тетя, отдохните, я помогу постирать!

Тетушка поспешно отказалась:

– Куда это годится? Ты гостья!

Чэнь Шуянь уже спускалась вниз и говорила:

– Что в этом такого? Дома же я стираю! Сегодня у меня все равно нет дел…

С этими словами она забрала из тетушкиных рук стиральную доску.

Госпожа Хань не стала ее останавливать, а лишь улыбнулась:

– Ты трудолюбивее Синьюэ! Она хоть и взрослая, но я ни разу не видела, чтобы она помогала брату!

Тетя тоже не сопротивлялась, вытерла мыло о фартук и предложила:

– Девочка, ты тогда не уходи в полдень, здесь поешь!

Госпожа Хань возразила ей:

– Сейчас ничего еще не приготовлено: что ты приглашаешь к пустому столу? Шуянь, приходи в воскресенье. Синьюэ приедет домой, и я скажу ей, чтобы она ждала тебя.

– Я приду в воскресенье! – радостно ответила Чэнь Шуянь, энергично оттирая воротник рубашки.

– Сестрица, ты сможешь приготовить что-нибудь вкусненькое, а? – обратилась госпожа Хань к тетушке.

– Конечно! – отозвалась та. При мысли о приезде Синьюэ на душе у нее становилось сладко, словно она напилась меду. – Завтра утром пойду на рынок, куплю рыбу и курицу!

В предвкушении приезда Синьюэ она в красках представляла себе, как будет давать обед в ее честь. А госпожа Хань в это время думала о своем и что-то замышляла – то, о чем пока знала лишь она одна.

Глава 5. Судьба нефрита

После трагической смерти Лян Ицина лавка «Цичжэньчжай» будто рухнула в тот же день.

Когда это случилось, мать с дочерями спали. Разбуженные громкими криками, они побежали в мастерскую и увидели Хань Цзыци, держащего на руках неподвижное тело Лян Ицина. Кругом была кровь: на лице и на теле мастера, на полу… Хань Цзыци, казалось, испустил дух вместе с учителем. Он сидел неподвижно, пристально глядя в его лицо. Мастерская омертвела.

Байши и Юйэр бросились к Лян Ицину, навзрыд плача от горя. Пятнадцатилетняя Биэр была необыкновенно спокойна. Полный отчаянья крик отца и картина, которую она увидела, вбежав в мастерскую, дали ей понять, какая беда обрушилась на семью. Она встала на колени перед телом отца, глядя на старое утомленное лицо с еще незакрытыми глазами, и по ее щекам покатились горячие слезы. Она не кричала и не трясла мертвого, изливая на бездыханное тело свое горе. Она знала, что отец ушел, и ушел безвозвратно, и не стоит тревожить его сейчас, в момент перехода в лучший мир; нужно дать ему уйти спокойно, тихо, с возвышенной верой. Как старшей дочери, ей было очень жаль, что они, ближайшие родственники, не были рядом с отцом в его последние мгновения, не напомнили ему, что нужно прочитать шахаду – это самая большая досада для мусульманина! Сейчас рух, душа отца, еще не ушел далеко, он ждет: посмотрите на его широко раскрытые глаза и рот! Она протянула руку и мягким движением закрыла глаза отца, закрыла его рот и горячо прочла за него молитву:

– Ашхаду алля иляха илляллаху ва ашхаду анна Мухаммада расулюллах[90].

Она верила, что отец ее услышал и безмятежно ушел с верой и благословением родных.

Байши была в совершенном смятении и выплакала, казалось, все глаза. Юйэр звала отца:

– Папа, папа!..

Биэр подняла сестру за руку и обняла:

– Сестричка, если ты любишь папу, дай ему спокойно уйти!

Ошеломленный случившимся, Хань Цзыци в оцепенении смотрел на Биэр:

– Сестра, теперь… что же делать?

Биэр строго ответила:

– Брат Ци, на нас с тобой похороны отца. Иди в мечеть и возьми тобут[91]!

Известие о смерти Лян Ицина, нефритовых дел мастера, потрясло соседей, ахуна[92], старейшин, друзей-коллег: они стали приходить один за другим, ахать и охать, и даже китайцы-немусульмане стучались в двери, вздыхая:

– Ах, как жаль мастера!

Принесли тобут. Ложе для умершего мусульманина представляет собой особые деревянные носилки, которые нельзя заменить на какие-либо другие. Они необходимы для обряда омовения перед похоронами и обычно хранятся в мечети. Когда мусульманин умирает, его кладут на эти носилки и совершают последнее омовение.

Лян Ицин лежал на тобуте головой на север, ступнями на юг, повернутый лицом на запад – в сторону Мекки. Он ничего не знал, ему не нужно было о чем-то заботиться, дела мастерской «Цичжэньчжай» больше его не беспокоили. Он завершил свою историческую миссию в нефритовой мастерской, передававшейся из поколения в поколение. Ее подъемы и падения, само ее существование или крах больше не имели к нему отношения. Ему неведомы ни страх

[90] Текст шахады: «Свидетельствую, что нет божества, достойного поклонения, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммед – Его Посланник».

[91] Тобут – похоронные носилки.

[92] Ахун – мулла, в ведении которого находится несколько приходов.

и смятение, ни горе и безутешный плач близких. Его душа отправилась в долгий путь вслед за пророком Мухаммедом – к Аллаху, конечной цели всех мусульман.

Похороны были назначены на третий день после смерти, на четырнадцатый день восьмого месяца по лунному календарю. Байши и Юйэр хотели, чтобы тело покойного подольше оставалось дома, хотя бы несколько дней. Будь на то их воля, они оставили бы его здесь навсегда. Дом лишился свой главной опоры, и как дальше жить в этом доме, они не знали. Биэр не согласилась:

– Мама, так нельзя, умерших надо предавать земле, умершие стремятся к земле, как к золоту. Проводим отца, пусть он спокойно уйдет…

Ахун со стариками вторили:

– Госпожа Лян, старшая дочь правильно говорит!

Разве не знала этого правила сама Байши, которая всю жизнь искренне молилась! Однако не каждому человеку под силу обуздать свои эмоции. Она лишь плакала, не в силах ничего делать, и переложила всю ответственность за похороны на плечи дочери и старейшин.

Если бы не помощь старейшин под руководством ахуна, то и Биэр, скорее всего, не удалось бы справиться с подготовкой похорон: она столкнулась с этим впервые в жизни. Биэр быстро стала взрослой: беспомощность матери и добросовестность отца своеобразно отразились на ее характере. Больше десяти лет она помогала матери вести домашнее хозяйство, что сделало ее твердой и серьезной. Даже если бы отец погиб где-то в глуши, она на спине донесла бы его тело до родового кладбища и проводила его в душу в рай в строгом соответствии с мусульманским обрядом. Она верила, что, пока жива, не позволит старой матери и слабенькой сестренке стать беззащитными сиротами, не позволит их дому разрушиться! Тем более в доме есть мужчина, на которого можно опереться, – ее брат-подмастерье, Хань Цзыци!

Четырнадцатый день восьмого месяца был холодным и дождливым. Почему? Отчего Аллах не дал благородному Лян Ицину в последний раз, в день похорон, увидеть ясное небо и теплые солнечные лучи? Или он много грешил при жизни, раз после смерти оставил такую глубокую печаль?

Дворик их дома был мокрым от осеннего дождя. Байши, Биэр и Юйэр стояли на коленях на вымокшей земле, устремив все свои мысли к гусулу, совершаемому над покойным, и беззвучно молясь о том, чтобы руки тех, кто омывает его тело, были внимательными и нежными…

Одетый в белое, Хань Цзыци стоял на коленях у тела покойного, держа в руках кувшин с горячей водой, а специальный человек из мечети совершал омовение, удаляя нефритовую крошку, пыль и следы пота, чтобы усопший чистым пошел на встречу с Аллахом. У Лян Ицина не было ни братьев, ни сыновей, а дочери, несмотря на свою бесконечную любовь к отцу, не могли сами омыть его тело. Хань Цзыци оказался единственным близким человеком, относившимся к своему учителю как к отцу. У Хань Цзыци сердце обливалось кровью, когда он смотрел на худое, изможденное тело мастера! Перед его глазами пронеслись, день за днем, три прошедших года. Разве мог он подумать, что так рано простится с учителем? Он так и не закончил своего обучения, и заветное желание учителя не сбылось! Мастер оставил его, ушел! За свою жизнь учитель отшлифовал бесчисленное количество прекрасных изделий из нефрита и в конце концов остался ни с чем: он уходил обнаженным, завернутым в белое полотно размером в тридцать шесть чи – это все, что мусульманин забирал с собой на тот свет!

Лян Ицин лежал на носилках, белый саван покрывал его тело, моросящий дождь смывал слезы родных. Ахун и группа мусульман стояли лицом на запад возле покойного и молились за него. Похороны были торжественными и величественными в своей простоте.

Восемь носильщиков подняли тобут с Лян Ицином и вынесли со двора. Когда мусульманин умирает, единоверцы приходят его проводить, и для этого не нужно нанимать специальных людей. Даже если это нищий, умерший на дороге от голода, мусульманин обнаружит на его теле следы обрезания и вздохнет с жалостью: «Ах, это наш, хуэец!» – и возьмет на себя обя-

занность его похоронить. Согласно канону, умершего несут четыре человека, по одному с каждого угла носилок, и меняются с другой четверкой носильщиков каждые десять бу[93]. Однако у мусульман, долго проживших в Пекине, есть свои обычаи. Чтобы подчеркнуть высокий статус умершего и придать похоронам особую торжественность, число носильщиков может быть увеличено, и оно варьируется от восьми до сорока восьми. При жизни Лян Ицин не был ни богатым, ни знаменитым, и его похороны ничем особенным не отличались.

Траурная процессия двигалась быстро. Скромные и быстрые похороны – одна из исламских добродетелей: у мусульман похороны – самые простые среди похоронных обрядов всех народностей и религий в мире. Здесь нет ни изящных гробов, ни роскошных саванов, нет ни пестрых бумажных паланкинов, ни бумажных фигурок людей и лошадей[94], нет знамен, шелка, зонтов, почетного караула с опахалами, нет оркестра с трубами и барабанами, нет ритуального разбрасывания и сожжения денег… Преданные всем сердцем Аллаху, мусульмане чтят искреннюю веру, и для этого им не нужно никакой внешней мишуры.

Со слезами на глазах Хань Цзыци держал тобут с телом учителя, шагая словно по острию меча. «Ах, учитель, у вас нет сына, и я, подмастерье, выполняю сыновний долг вместо сестры-наставницы!» Под ногами слякоть, его шатает на ветру, от горя кружится голова и рябит в глазах так, что не различить дорогу. Но он шел вместе с мастером по направлению к родовому кладбищу. «Мастер! Вы не скучаете по дому? Не грустите при мысли о “Цичжэньчжай”? Не беспокоитесь о матушке-наставнице и дочерях, которые не могут вас проводить, потому что они женщины? Мастер, отчего вы так поспешно ушли? Еще шаг, еще мгновение, и мы расстанемся навек!» Промокшее от осеннего дождя кладбище, ряды старых и свежих могил. Сегодня их ряды пополнит еще одна, и последний потомок династии нефритовых мастеров Лян будет спать здесь вечным сном.

Погребение приближалось к завершению. Во многих странах и регионах, где исповедуют ислам, способы погребения разнятся из-за географических и климатических различий. В одних регионах останки слегка присыпают песком, чтобы они исчезли естественным путем. В других, закопав тело усопшего в землю, на могилу кладут каменную плиту. Китайские мусульмане всегда захоранивали своих усопших в пещерах или в земле и до сих пор сохраняют этот способ погребения. Господь создал Адама – основателя рода человеческого – из глины, и его потомки как пришли из земли, так в нее и возвращаются…

Могила вырыта. Это глубокая прямоугольная яма, вдоль западной стенки которой, у самого дна, выкапывают ляхд – полукруглую длинную нишу, в которую и помещают умершего. Там он обретает вечный покой. Мусульмане не используют гробы и закрывают ляхд бамбуком и необожженным кирпичом. Возможно, из-за нехватки бамбука пекинские мусульмане запечатывают ляхд каменной плитой. Ляхд снизу ровный, а сверху полукруглый, как сводчатая арка. Хань Цзыци смотрел на место, где мастер будет спать вечным сном, и слезы, струящиеся по его лицу, смешивались с дождевой водой и орошали темно-коричневую землю. Учитель высокого роста – поместится ли его тело в ляхд? Всю жизнь он просидел, согнувшись за «водяным столом»; может, хоть после смерти он расслабит поясницу – ровная ли в ляхде земля? По обычаю, перед захоронением покойного его родственники спускаются в могилу, чтобы осмотреть ее. Среди участников похоронной процессии не было родственников мастера – но разве его ученик не самый близкий к нему человек? Ученик – как сын! Хань Цзыци спрыгнул в могилу, лег в темный и влажный ляхд и собственным телом измерил новое жилье мастера, отрезанное от мира людей, погладив ладонями каждый клочок земли и удостоверившись, что мастеру здесь будет удобно.

---

[93] Бу – мера длины, равная приблизительно 1,66 м.

[94] Род приношения, дар усопшему, сжигаемый на похоронах.

Полностью убедившись, что могила сделана как надо, Хань Цзыци встал и протянул руки, чтобы принять тело мастера. Деревенские старейшины и похоронные досты сняли Лян Ицина с тобута и не спеша опустили в могилу, а Хань Цзыци, обеими руками поддерживая тело учителя, заботливо поместил его в ляхд и положил под шею завернутые в белую ткань благовония. В последний раз он с любовью посмотрел на мастера: тот будто безмятежно спал. Слезы затуманили глаза Хань Цзыци: настало время прощаться. Он наощупь сложил кирпичи и запечатал нишу каменной плитой…

Могилу забросали землей, засыпав вместе с глубокой ямой и ляхд. Так на кладбище у семьи Лян появилось свежее захоронение…

Затем стали читать молитву – последнее прощание с душой умершего, последнее утешение для родных покойного. Молитва звучала вместе с надрывным осенним ветром, вместе с шумом осеннего дождя, плывя во мраке между небом и землей.

Хань Цзыци долго стоял на коленях перед могилой, ударяя по влажной земле грубыми и тонкими руками, три года проработавшими за «водяным столом»…

Дома, окончив молитву за усопшего, Биэр раздала садака[95] ахуну, старейшинам и всем мусульманам, помогавшим на похоронах. Когда они поели, траурный долг дочери был полностью выполнен. Пророк говорил: «Когда человек умирает, его деяния останавливаются, за исключением трех: действующей милостыни, используемого знания и когда праведные дети молятся за него». У Лян Ицина была тяжелая жизнь, он не оставил семье денег, а Биэр была дочерью, и он не мог передать ей ремесло. Действующей милостыни и используемого знания у нее не было. Все, что могла сделать Биэр, – это строго соблюдать пост и молиться пять раз в день за отца, обращаясь к милосердному и всепрощающему Аллаху.

Близились сумерки. Дождь прекратился, облака разошлись, открыв полную тусклую луну. Несправедливое небо: проводив Лян Ицина холодным ветром и злым дождем по ухабистой дороге, только теперь оно согласилось явить миру чистое сияние!

Пу Шоучан, владелец магазина «Хуэйюаньчжай», одетый в новое праздничное одеяние, в шляпе и с кульком юэбинов в руках, пришел в «Цичжэньчжай» и, войдя в дверь, радостно крикнул:

– Мастер Лян! Я пришел поздравить вас с Праздником середины осени!

Открывший дверь Хань Цзыци со слезами на глазах ответил ему:

– Хозяин Пу, вы опоздали! Мой учитель… его больше нет в живых!

Пу Шоучан был ошеломлен:

– Ой-ой! Когда это? Почему я ничего не слышал? Цзыци, во имя нашей с мастером Ляном дружбы нужно было мне об этом сказать!

Вдова Лян Ицина, Байши, плача, приветствовала его:

– Хозяин Пу, мы люди другой религии, не стали вас беспокоить… Да и кто мог такое предвидеть… – тут ее стали душить слезы; она посмотрела снизу вверх на Пу Шоучана, словно видя в нем благодетеля, и прошептала: – Оставил нас… вдову с сиротами…

Едва она заплакала, как вслед за ней Юйэр, держа мать за руку, вскрикнула со слезами:

– Папа… папа…

Биэр холодно взглянула на Пу Шоучана:

– Мой отец умер из-за вас, из-за корабля-сокровищницы!

– Корабль-сокровищница… – Пу Шоучан вынул платок и стал утирать слезы. – Я, набравшись храбрости, добыл для него эту работу! Ведь одна эта вещь стоит десяти, ста его обычных работ! Разве нет? – он вытащил пакет с юэбинами. – Чтобы отпраздновать завершение работы над кораблем-сокровищницей, я специально купил халяльные юэбины!

[95] Садака – милостыня, совершаемая по велению души, или, в широком смысле, добровольное благодеяние ради Аллаха.

– Хозяин Пу, мы понимаем ваши намерения! Но Ицин… он подвел вас. Этот корабль… он разбит! – слезы лились рекой по лицу Байши: ей было стыдно за покойного мужа.

– Разбит? – удивился Пу Шоучан. – Как он мог разбиться? Это… это просто невозможно!

Он поспешно вошел в мастерскую. Увидев остановившийся «водяной стол», темно-красные кровавые пятна, еще оставшиеся на полу, и забрызганный кровью корабль, Пу Шоучан вдруг упал на колени и трясущимися руками стал гладить его, заливаясь слезами:

– Как жаль! Превосходный нефритовый мастер, весь труд пошел прахом, умер, как жаль! – он положил корабль-сокровищницу и низко склонился, захлебываясь от слез. – Ицин, брат… сколько лет мы были друзьями, прощай! Хоть ты и не смог сделать работу без изъяна, я все равно поклонюсь тебе!

Его поклон отличался от исламского, но этот жест горя не мог не тронуть Байши, и она обратилась к Пу Шоучану:

– Хозяин Пу, мы благодарим вас от лица умершего!

Тот медленно встал, вытер слезы и сказал:

– Госпожа Лян! Умерший не воскреснет, треснувший нефрит не восстановить, разбился так разбился! Что я могу сказать?

Бесконечно тронутая, Байши пригласила Пу Шоучана сесть в гостиной и велела Биэр заварить чай. Пу Шоучан выпил чашку чая, вздохнул и медленно проговорил:

– Госпожа Лян, мастер Лян скончался, ваш дом пришел в такое состояние, что у меня рука не поднимается! Я думаю, что следовало бы помочь вам, насколько возможно! Но, как говорится, рад бы, да не могу – у меня свои трудности…

– Конечно! – сказала Байши. – У вас такая большая фирма, от большого дерева и большая тень, на все нужны деньги! Хозяин Пу, одной вашей фразы достаточно, вы не обязаны…

– Мир стал так тесен, что в нем не осталось благородных людей! – вздыхал Пу Шоучан. – По-моему, прошлые дела следовало бы начисто отмести и не говорить ни о каком задатке, ни об условиях договора… Но ведь так не получится! Если я вам не предъявлю претензий, то другой человек предъявит их мне! Я подписал договор с мастером Ляном, как и с господином Хантом. Истек трехлетний срок, заказчик запросит у меня товар, а я не смогу его предоставить и должен буду возместить деньги. И… как же мне быть?

Лицо Байши мгновенно побледнело:

– Хозяин Пу, вы имеете в виду, что мы…

– Мне очень неудобно говорить об этом, но мы с мастером Ляном не рассчитались! В договоре ясно сказано: «полировать в соответствии с рисунком, срок три года, полная стоимость две тысячи и предоплата тридцать процентов». Если какая-то из сторон нарушает договор, то возмещает убытки контрагенту, – он вынул из кармана договор. – Я прошу прощения за непочтительность, но договор считается нарушенным мастером Ляном. В соответствии с условиями, под которыми мы оба подписались, он должен вернуть задаток, а если подсчитать общую сумму за три года, учитывая проценты, то всего выходит тысяча восемьсот серебром!

Услышав это, Байши раскрыла рот и вытаращила глаза от изумления.

Пу Шоучан посмотрел на нее и сказал:

– Это не считая испорченного куска нефрита! В конце концов, он дорого мне обошелся! Госпожа Лян, в торговом деле есть поговорка «Дружба дружбой, а служба службой». Человек умер, а долг умереть не может! В противном случае, боюсь, и душа усопшего будет неспокойна. Если бы долг не был столь большим, я бы постыдился о нем говорить!

Пу Шоучан держал договор в руке, ожидая ответа Байши. Взимание долга и было настоящей целью его визита. Он давно узнал и о повреждении корабля, и о скоропостижной смерти Лян Ицина. И что? Неужели ему было все равно? С самого начала он разыгрывал этот спектакль ради собственной выгоды?

Из глаз Байши хлынули слезы, и она стала жалостно умолять Пу Шоучана:

– Господин Пу! Вы знаете, покойный не оставил нам состояния, те шестьсот серебряных монет давно потрачены на жизнь… где мне собрать для вас тысячу восемьсот? Пожалейте нас, бедных, вдову с сиротами! Я умоляю вас!

Биэр не выдержала и, вытирая слезы, сказала:

– Мама! Не надо просить пощады и унижаться! Долги отца погашает сын. Сколько нужно вернуть, мы вернем, пусть даже последнюю рубашку придется продать, потерять дом. Пусть даже будем голодать, но не унизимся!

– О, а ваша старшая дочь действительно прямой человек! – сказал Пу Шоучан с улыбкой. – Но я, Пу Шоучан, никогда не был жестоким. Мы все из нефритового дела – как я могу вышвыривать вас из дома, лишать всего? Госпожа Лян, давайте так: раз вы не можете сразу собрать деньги, я не буду ставить вас в затруднительное положение. Поэтому отдайте вещи в счет погашения долга. Я видел, что в мастерской есть другие работы – неважно, законченные или незаконченные, есть и необработанное сырье, и два «водяных стола». Сложите их в кучу, да и все – неважно, достаточно этого или нет, будем считать, что мы в расчете!

Хань Цзыци стоял в раздумьях, ничего не говоря. Пу Шоучан был безжалостен! Он хочет дочиста разграбить «Цичжэньчжай», унести и товары, и сырье, на которых заработает больше тысячи восемьсот!

Биэр прикусила губу и сказала:

– Так и сделаем! Но нельзя забирать «водяной стол», это наследие дома Лян, рабочий инструмент, за которым должен работать мой брат, – она посмотрела на Хань Цзыци.

Тот молчал, опустив голову.

Пу Шоучан сказал:

– Госпожа Лян, если вам будет угодно, мы можем пересчитать…

Байши стала его упрашивать:

– Хозяин Пу, не обращайте внимания на дочь, если оставите нам хотя бы жилье, я буду очень признательна! Забирайте все, что пригодно. Его все равно больше нет, и при виде этого стола я…

– Забирайте, забирайте! – сердито сказала Биэр. – Брат Ци, не будет стола, пойдем торговать чаем с лотка!

У Хань Цзыци не было слов.

Поняв, что вопрос решен, Пу Шоучан поднялся и уточнил, что завтра пришлет за вещами телегу. Перед уходом он зашел в мастерскую, аккуратно свернул картину «Плавание Чжэн Хэ» и, взяв обеими руками сломанный корабль-сокровищницу, сказал:

– К чему вам теперь эта сломанная вещь? Я заберу ее на память: буду смотреть и вспоминать Лян Ицина! – он вынул платок и стал утирать слезы.

Биэр не могла больше выносить лицемерное поведение гостя. Она принесла из комнаты кулек с юэбинами и сказала:

– Брат Ци, и это ему верни!

Хань Цзыци молча взял мешок с юэбинами и пошел провожать Пу Шоучана.

Чувствуя, что ситуация сложилась неудобная, Пу Шоучан с улыбкой сказал Хань Цзыци, когда они вышли за дверь:

– Твоя сестрица станет хозяйкой, на которой никто не осмелится жениться!

– Биэр еще молодая и несмышленая, пожалуйста, простите ее! – ответил Хань Цзыци, опустив голову и следуя за гостем. – Хозяин Пу, я хочу кое-что сказать, но не знаю, надо ли.

– А? Что ты хочешь? – Пу Шоучан остановился и настороженно посмотрел на юношу. Он беспокоился, что Хань Цзыци скажет что-то нестерпимое, и тогда он не сможет оставаться таким вежливым, каким был с девушкой!

– Сначала вы разрешите мне, – Хань Цзыци посмотрел в злые глаза Пу Шоучана. – Я скажу, только если вы разрешите. Хотя это дело никак не помешает ни вам, ни моему покойному учителю…

– Что-то хорошее? Разрешаю, конечно, – Пу Шоучан с подозрением посмотрел на юношу. – Если хочешь что-то сказать, поторопись!

– Я хочу… – Хань Цзыци чуть подумал и решительно произнес: – Я хочу попросить вас дать мне путь к спасению и позволить мне последовать в «Хуэйюаньчжай» вслед за «водяным столом»!

– Что?! – Пу Шоучан не ожидал, что способный ученик Лян Ицина поспешит переметнуться к новому хозяину, когда «Цичжэньчжай» находится на грани банкротства. И переметнуться не к кому-то, а именно к нему – тому, кто поставил «Цичжэньчжай» в безвыходное положение! Этого он никак не мог понять! В его глазах Хань Цзыци был бездомным псом, которому некуда податься, а фирма «Хуэйюаньчжай» – преуспевающим местом, источником богатства. Зачем там Хань Цзыци? Зачем принимать к себе того, кого кроме как мелким подмастерьем и не назвать? «Хуэйюаньчжай» занимается только торговлей, у них нет мастерской, и «водяные столы» он собирается продать! Пу Шоучан прекрасно знал, что отныне будет врагом семьи Лян. Хотя у Лян Ицина нет сыновей, но его красивые дочери рано или поздно выйдут замуж, родят детей. Судя по манерам старшей дочери, ее ненависть пройдет сквозь поколения! Проницательный Пу Шоучан не хотел умножать эту ненависть, не хотел, чтобы люди говорили, что он из разграбленной семьи еще и ученика увел. Его сердце – щелк! – заперлось на замок, и он решил держаться от Хань Цзыци подальше.

В мире есть множество замков и множество ключей. Для каждого замка можно подобрать свой ключ. Кто бы мог подумать, что Хань Цзыци возьмет самый неприглядный, втиснет его в замок расчетливого сердца Пу Шоучана и отопрет его?

– Господин Пу! Я знаю, что у вас большая душа, щедрый характер, быстрый и широкий ум, – иначе как бы вы владели таким богатством? Великий человек может быть снисходительным и нуждаться в работниках. Как было в пьесе: Лю Бан[96] по гражданским делам обращался к своему советнику Чжан Ляну, а по военным – к своему военачальнику Хань Синю и легко взял Поднебесную. Его противник Сян Юй, правитель Западного Чу, был силен в военном искусстве, но своего советника Фань Цзэна он отстранил и в итоге попал в засаду: его окружили враги, он потерпел поражение у реки Уцзян, и его наложница покончила с собой. Господин Пу, я знаю, что вы целеустремленный человек, не как мой учитель, мастерство которого пропадало напрасно, который не думал об успехе и ничего не достиг. Я проводил его в последний путь – считайте, что исполнил сыновий долг, и дальше должен идти сам. Если вы меня примете, то позаботитесь об ученике покойного, и в этом нет никакого вреда для моего учителя. Ваши соседи, коллеги и покупатели увидят в вас преданного друга!

Пу Шоучан долго размышлял: паренек семи пядей во лбу, приводит примеры из древности, говоря о настоящем, и в чем-то прав! У Лян Ицина был такой способный ученик, а он прятал его в мастерской, не использовал его возможности, как жаль! Если и впрямь пустить его в «Хуэйюаньчжай», то кто знает…

– Господин Пу! – продолжал Хань Цзыци. – Я человек в беде, у меня в Пекине никого нет. После смерти учителя мне не у кого искать защиты, негде найти средства к существованию! Вы – старший в профессии, и только поэтому я набрался храбрости говорить с вами. Умоляю, сделайте одолжение, подарите мне кусок хлеба! Как говорят, добро вернется сторицей. Я никогда не забуду добра, что вы для меня сделали! Признаюсь, что я хорошо научился ремеслу у мастера Ляна, и если бы мне дали делать этот корабль, то, пожалуй, все могло бы обернуться иначе. Хозяин Пу, дайте мне три года, и я уверяю, что смогу в срок сделать для

[96] Лю Бан (256/247–195 гг. до н. э.) – первый император династии Хань.

вас корабль-сокровищницу в точности по картине. Так вы сохраните лицо перед иностранцем, и «Хуэйюаньчжай» не потерпит убытков. Неважно, за сколько вы его продадите, я не посмею спрашивать и не возьму ни гроша – и все это я сделаю в знак уважения к вам и в благодарность за ваш приют и милость!

Лицо Пу Шоучана смягчилось. Он взвесил все за и против, и выходило, что в этом предложении не было совершенно никакого вреда, а только выгода, к которой он не мог остаться безразличным. А секрет состоял в том, что Пу Шоучан не подписывал договора с иностранцем, а только взял у Ханта картину, согласился в соответствии с ней отшлифовать нефрит и обсудить стоимость, когда работа будет закончена. Корабль сломан, Лян Ицин умер, его семья пущена по миру, однако Пу Шоучану это не нанесло ни малейшего вреда, напротив, он еще и крупную компенсацию получил. Картина была у него, а в Пекине тысячи ремесленников – надо ли опасаться, что никто не возьмется за работу? Пусть мастерство Лян Ицина на порядок выше других, но он умер, и другим теперь не с кем тягаться. Он лишь сделал вид, что уносит корабль без всякого умысла, хотя на самом деле его целью было завладеть безупречным образцом для новой работы. Сейчас ученик Лян Ицина добровольно вызвался закончить дело мастера. Да этот корабль-сокровищница и этот умелец – просто дар, ниспосланный Пу Шоучану самим Небом!

Хань Цзыци внимательно наблюдал за реакцией Пу Шоучана и понял, что есть надежда:

– Вы согласны? Вы станете моим наставником?

– Не торопись! – Пу Шоучан остановил Хань Цзыци, думая, что тому не терпится стать его учеником. – Цзыци, ты знаешь, я человек с мягким сердцем. Даже на дороге я обхожу муравьев, опасаясь их раздавить, а что уж говорить о тебе – человеке, оказавшемся в безвыходном положении! Я согласен не ради тебя, а ради покойного Лян Ицина! Хотя положение у фирмы «Хуэйюаньчжай» и стесненное, все равно я не могу смотреть на то, как ты умираешь с голоду. Я помню нашу с Лян Ицином дружбу; его ученик – это и мой ученик, поэтому нельзя заставлять тебя пить крупяной отвар, покуда у меня, Пу Шоучана, есть плошка риса! Но есть одно обстоятельство, Цзыци, которое ставит меня в затруднительное положение, – он причмокнул губами и сказал в нерешительности: – Мы принадлежим к разным религиям! В нефритовом промысле есть четкое различие: в мусульманских лавках принимают в подмастерья только мусульман, а в китайских – только китайцев. У вас, хуэйцев, много запретов, и я не смогу специально для тебя заказывать еду, и еще боюсь, что другие с тобой не уживутся… Думаю, что так дело не пойдет!

– Мастер, не переживайте за это! – Хан Цзыци уже назвал его «мастером». – Я буду заниматься только работой и никому не помешаю. А из еды вы ведь сможете давать мне хлебцы из дешевой муки и овощные соленья? Мне этого будет достаточно!

Пу Шоучану больше нечего было возразить, он немного подумал и похлопал Хань Цзыци по плечу:

– Хорошо, решено, завтра ты пойдешь со мной!

Хань Цзыци проводил Пу Шоучана и вернулся в мастерскую. Он молча проверил счета, рассортировал их, взял расходную книгу и оставшиеся наличные и пришел в заднюю комнату.

– Матушка, сестрица, посмотрите, здесь все имущество «Цичжэньчжай». К счастью, хозяин Пу не забрал эти деньги, живите на них…

Биэр остолбенела:

– Брат Ци, что ты имеешь в виду…

У Хань Цзыци покатились слезы:

– Я… я должен уйти!

Байши удивленно спросила:

– Уйти? Куда ты пойдешь?

– Я уйду с хозяином Пу и сделаю незавершенную работу учителя. Матушка, берегите себя, простите, что я не смогу больше выполнять сыновий долг, я… Я не могу оставить «водяной стол», не могу оставить не законченный учителем корабль-сокровищницу! Когда однажды…

Он не успел закончить, как Биэр затряслась от гнева:

– Отлично! Ты переметнулся к врагу нашей семьи? Ты бесчувственная сволочь, продался врагу! Мой отец и впрямь был слеп! Уходи, немедленно уходи и никогда не приближайся к нашему дому, считай, что мы не знакомы!

– Сестра, послушай меня…

– Замолчи, противно слушать!

Хань Цзыци было трудно спорить: он уже не имел права говорить в этом доме. Повернувшись, он вышел во двор.

Семилетняя Юйэр выбежала за ним и обняла его за ногу.

– Брат Ци, брат Ци, не уходи…

Ее просьба будто острым ножом полоснула по сердцу Хань Цзыци. Он наклонился и поцеловал Юйэр в щеку, и слезы их перемешались.

– Юйэр, все хорошо, все хорошо…

– Юйэр, не позволяй ему себя целовать! – Биэр подбежала к ним, потянула Юй к себе и замахнулась на Хань Цзыци, собираясь ударить его по лицу, но опустила руку, и ее глаза наполнились слезами гнева и обиды. – Ты сволочь, нечего об тебя руки марать! Уходи!

Хань Цзыци повернулся и пошел прочь. Дойдя до ворот, он оглянулся и окинул взглядом дворик, в котором прожил три года, не сдержался и крикнул:

– Учитель, я ухожу! Матушка, сестры, берегите себя!

* * *

Так Хань Цзыци перешел под наставничество Пу Шоучана.

Фирма «Хуэйюаньчжай» была расположена на севере улицы Люличан, не особенно выделяясь среди многочисленных магазинов, в которых торговали книгами, бумагой, принадлежностями для каллиграфии и антиквариатом. Магазин Пу Шоучана был небольшим и двумя комнатами выходил на улицу. На его фасаде, украшенном в старинном стиле, висела горизонтальная доска с золотой надписью на черном фоне – это был автограф почтенного господина из дома «Боячжай». Старый эрудит, что называется, «ценил чернила на вес золота»[97] и пренебрегал просьбами людей, которые, прикидываясь знатоками, просили его сделать надпись. Шедевра каллиграфии удостаивался только тот, кто был связан с искусством обработки нефрита. Надпись, сделанная Нефритовым Демоном для фирмы «Хуэйюаньчжай», сильно подняла ее статус, хотя история магазина была не такой уж и давней. Сам же Пу Шоучан был вовсе не новичком в сфере антикварного дела и нефритового промысла. Пока денег у него было немного, он промышлял торговлей подержанными вещами, но отличался от тех старьевщиков, которые принимали лишь бесполезную ржавую рухлядь, поношенную одежду и старую утварь: прибыль-то от них невелика. Пу Шоучан был поинтеллигентней, носил шляпу, обладал изящными манерами, говорил бегло и красноречиво, умел втираться в доверие к простым людям, а потому работал с товаром получше: скупал изделия из нефрита и антиквариат. У него был проницательный взгляд: едва в его руках оказывалась вещь, как он тотчас определял, к какой эпохе она относится. Он был образцовым оценщиком, уверенно определял стоимость вещей, их качество и мастерство исполнения, и глаз его четко отличал оригинал от подделки. Его основными клиентами были прежде всего нынешние богачи, то есть, прежде всего, предпри-

[97] В переносном смысле это выражение означает «писать, обдумывая каждое слово» – *Примеч. пер.*

нимателя, украшавшие старинными вещицами свои дома, но плохо в них разбиравшиеся, а также потомки обедневших аристократов, чиновников и крупных торговцев. Первые предпочитали новое старому, и у них часто менялись вкусы. Вторым же оставалось лишь распродавать унаследованное имущество. Ни те, ни другие не могли переспорить такого опытного дельца, как Пу Шоучан, а потому он сам назначал цену за товары, которые приобретал и продавал. Даже редкие, драгоценные вещи он мог заполучить по очень низкой цене – в этом была его главная радость. Он не спешил сбывать купленные вещи; внимательно изучая их историю, он точно определял их происхождение, эпоху и реальную стоимость, и только тогда устанавливал цену. В то время старинными вещами в Пекине торговали и на утреннем базаре за воротами Чунвэньмэнь, и на фруктовом рынке за воротами Дэшэньмэнь, и на черном рынке за воротами Сюаньумэнь. Поскольку среди продававшихся там товаров было немало краденого, эти рынки работали на рассвете и назывались «утренними базарами», а еще «ночными» или «воровскими рынками». Здешние торговцы использовали особый жаргон: вместо «покупать» и «продавать» они говорили «мне» или «тебе». Они не называли цену, а шуршали вещами в своих рукавах и торговались до тех пор, пока не производили обмен. Пу Шоучан частенько приходил сюда на охоту и приобретал хорошие вещи у торговцев, плохо разбиравшихся в антикварном деле. Свои вещи он продавал щедрым коммерсантам, любившим потешиться нефритом, но ничего в нем не смыслившим; продавал и тем, кто разбирался в драгоценностях и был согласен хорошо заплатить. Он ходил и в посольства разных стран, искал сотрудничества с крупными гостиницами, продавал вещи иностранцам, пускавшим слюни на китайские реликвии. За одну такую вещь Пу Шоучан мог получить годовую прибыль. Поработав так десять лет, он обзавелся солидным капиталом и приобрел магазин, состоявший из двух комнат, повесив на него доску с надписью «Хуэйюаньчжай» – «Дом, куда стекаются древности». Сюда действительно стекались лучшие старинные вещи.

Магазин «Хуэйюаньчжай» был большим, но людей там работало мало. Было всего три подмастерья, старший из которых уже окончил обучение и остался здесь работать, а двое других еще учились. Был бухгалтер, отвечавший за ведение счетов. Всего, включая Пу Шоучана, работало пять человек. Выбирая подмастерьев, хозяин предъявлял к ним весьма строгие требования: во-первых, приятная внешность, во-вторых, бойкость на язык, а в-третьих, преданность и честность. Процедура приема в подмастерья была строгой: во-первых, была необходима рекомендация, во-вторых, требовалось поручительство, в-третьих, составлялся договор. Обучение длилось три года, и зарплата не выплачивалась – подмастерье должен был самостоятельно обеспечивать себя одеждой, ведь предоставлялась ему только еда. В случае их бегства или смерти из-за болезни хозяин магазина не нес никакой ответственности. Если же ученик не соблюдал правила обслуживания покупателей, его могли сразу уволить. Сделать это мог только хозяин – самим подчиненным не разрешалось уходить от хозяина. Уволить же можно было одним росчерком пера – прогнать и не дать ни гроша. Если работник хотел уйти сам, то обязан был произвести расчет и возместить все убытки. Четыре человека, работавшие в фирме «Хуэйюаньчжай», были связаны по рукам и ногам, и каждый день в четыре утра подмастерья, едва проснувшись, брали веники, подметали и убирали магазин дочиста. Затем брали тряпки и протирали товары, чтобы на тех не было ни пылинки. Когда двери открывались, надо было «улыбаться, зазывать, быть терпеливым, быть аккуратным», то есть приветствовать и активно привлекать клиентов, терпеливо их обхаживать и осторожно обращаться с товарами: правая рука еще не подняла вещицу, а левой уже надо ее придерживать. Часы работы магазина были долгими: каждый день более десяти часов, и двери закрывались только в полночь. Издавна в антикварном деле самое выгодное время – поздний вечер: клиенты, приносящие максимальную прибыль, часто приходят побродить, напившись и наевшись в ресторанах, выйдя из трактира или с танцевальной площадки. Неважно, купят они хоть одну безделушку или нет: все они гости и со всеми надо хорошо обходиться. Антикварное дело значительно отличается от

других видов торговли или содержания ресторана. Если мимо полуприкрытой двери магазина проходит непрофессионал, то думает, что магазин закрыт, и идет мимо, и лишь знающий человек устремляется внутрь без всяких сомнений – так хозяева избавляются от любопытствующих без гроша в кармане и ждущих, что к ним выйдет сам владелец. В антикварном магазине никогда не толпится народ, но поток клиентов, в основном постоянных, не иссякает. Увидев через окно, что пришел покупатель, подмастерье тотчас идет открывать двери и радостно его приветствует: «Пожалуйста, заходите!» Гость внимательно рассматривает и перебирает вещи, выискивая среди них подходящие, и его надо постоянно стеречь. Когда гость собирается уходить, независимо от того, совершилась продажа или нет, подмастерье должен улыбнуться и почтительно открыть дверь. За день ученики сильно устают, у них болят ноги и поясница, а прежде чем лечь спать, нужно в торговом зале постелить себе постель. Мастерской «Цичжэньчжай», которая помещалась непосредственно в доме владельца, не сравниться с магазином «Хуэйюаньчжай». Пу Шоучан жил в другом доме, и каждый вечер уходил туда отдыхать, а драгоценные вещи в магазине, конечно, кто-то должен был охранять, поэтому все, включая бухгалтера и старшего из подмастерьев, сооружали себе постели в торговом зале, а утром их разбирали. Так они охраняли добро от воришек, да и из своих никто не мог бы ничего прихватить. Трехразовое питание здесь не шло ни в какое сравнение с едой, которую готовили матушка и сестра в «Цичжэньчжай»: круглый год в «Хуэйюаньчжай» ели пампушки из дешевой муки и соленья – все как и просил Хань Цзыци. Почему такие тяготы терпели не только подмастерья, но и бухгалтер со старшим учеником? Их жизнь Пу Шоучан крепко держал в своих руках, выплачивая зарплату в точном соответствии с заслугами. Каждое полугодие Пу Шоучан устраивал «официальные беседы», после которых, в зависимости от достоинств или недостатков работника, увольнял его или оставлял до следующего срока. Когда наступал этот момент, у всех душа уходила в пятки: все боялись быть уволенными. В день «официальной беседы» хозяин устраивал обед вкуснее обычного, с разнообразными блюдами и вином. Младший подмастерье наполнял бокалы и произносил тост за хозяина, а тот начинал свою речь, и если дела шли хорошо, то говорил что-то приятное, а если плохо, то был не в духе и рассуждал о трудностях и предстоящих увольнениях. После вина подавали паровые пирожки баоцзы, и если хозяин брал их своей рукой и подавал кому-то, то принимающий угощение сразу понимал, что это баоцзы под названием «катись к чертям собачьим». На этом «Хунмэньском пиру»[98] всех страх пробирал до костей. Если хочешь сохранить средства к существованию, то надо работать не покладая рук и быть беззаветно преданным делу.

Хань Цзыци пополнил строй бесправных работников фирмы «Хуэйюаньчжай»: по утрам убирался вместе со всеми, ночами теснился на дощатом настиле, но, что называется, «в общем деле преследовал свои цели» – никто не знал, что у кого на уме. Когда все коллеги вставали за прилавок, он уходил в заднюю темную комнату, садился за «водяной стол» и принимался за работу.

Бухгалтер со старшим учеником сплетничали:

– Мы занимаемся торговлей – зачем он нанял ремесленника?

– Да еще и маленького хуэйца!

Хань Цзыци предвидел эти разговоры. Решив пойти в «Хуэйюаньчжай», он был готов терпеть унижения и закончить то, ради чего сюда пришел. Однако, как только он сталкивался с тем, что другие, тайно злословили, закатывая глаза, его сердце закипало пламенным гневом! Бухгалтер и младшие ученики были рабами Пу Шоучана, но для него они были господами. Они не умели полировать нефрит, могли только его продавать, но при этом презирали мастеров, обрабатывавших камень. В их глазах мастера были низкими ремесленниками – не ровня им, торговцам! Особенно это касалось Хань Цзыци, этого чужеродного «маленького хуэйца»!

[98] «Хунмэньский пир» – выражение, означающее внешне благопристойное событие, устроенное со злым умыслом.

Только расставшись с Талаат ад-Дином и Лян Ицином, Хань Цзыци узнал, что, оказывается, люди не равны по происхождению! Только тогда он понял, почему Лян Ицин всю жизнь тихо и самозабвенно работал, до смерти защищая свою лавку и не стремясь к ее развитию. Понял, почему матушка-наставница была такой терпеливой и уступчивой перед хитростью и силой Пу Шоучана: оттого, что считала себя неполноценной, хуже других! Хотя он совершенно не понимал, почему все китайцы, одинаково желтокожие и черноволосые, делятся на высших и низших. Талаат ад-Дин, такой талантливый и эрудированный ученый, Лян Ицин, такой искусный мастер, – разве их таланты и добродетели не относятся к высшим? Биэр и Юйэр, такие чудные девочки, – разве их лица и души не самые прекрасные? Столько раз за прошедшие тысячелетия в Китае сменялись династии: ханьцы, монголы, маньчжуры – все были императорами, и независимо от того, кто повелевал Поднебесной, хуэйцы оставались простолюдинами и добросовестно служили обществу, платили налоги, никогда не были правителями, не устраивали карательные походы, не угнетали других… Так почему их ненавидят и постоянно унижают? Разве в Китае мир и гармония не ценятся превыше всего? Так почему добиться этого самого мира так сложно? Все эти исторически сложившиеся обстоятельства ускользали от понимания Хань Цзыци, которому едва исполнилось девятнадцать и который только вступил на самостоятельный путь. В порывах гнева он хотел покинуть клетку, куда сам себя загнал. Однако разум велел ему держаться: он не мог уйти, он должен здесь жить и делать что следует! Он проглатывал все унижения и продолжал работать вместе с Пу Шоучаном, бухгалтером и младшими подмастерьями, поставив себя в нижайшее положение, оставаясь «рабом рабов» и действуя с предельной осторожностью. Кроме полировки нефрита, он выполнял все, что положено младшему подмастерью, и боролся за свое существование и расположение людей усердным трудом, почтительной улыбкой и любезными речами. По правилам магазина, младший подмастерье отвечал за приготовление еды, и эта обязанность также легла на плечи Хань Цзыци. Пампушки и соленья не требовали специального умения, что было большим облегчением. Он говорил себе: «Учитель, матушка-наставница, сестрицы, покинув вас, я не нарушил правила ислама, я чист!» В Новый год и другие праздники, когда все хотели полакомиться чем-то повкусней, он оставался внешне безразличным и продолжал угощаться пампушками с соленьями, мысленно утешая себя: «Раз герой Чжэн Хэ умел сдерживать себя, находясь во дворце, то и я смогу». Имя великого мореплавателя напоминало Хань Цзыци о незавершенной мастером работе – корабле-сокровищнице, и в его сердце проникала печаль; ему казалось, что он взвалил на себя слишком тяжелую ношу, и все, что ему остается – это только собраться с силами и идти дальше, идти дальше…

Триста шестьдесят пять дней и ночей пролетели в усердной работе…

За этот год Хань Цзыци продвинулся не только в обработке нефрита: он внимательно наблюдал за продажами «Хуэйюаньчжай». Подавая чай и слушая разговоры, он смог тайно изучить те приемы торговли, которые в течение многих лет разрабатывали и совершенствовали бухгалтер с младшими подмастерьями. Он узнал то, чему Пу Шоучан не был намерен его учить. К тому же эта учеба не задержала его работу над кораблем-сокровищницей, которую он завершил на два года раньше срока!

Пу Шоучан тщательно сравнил «Плавание Чжэн Хэ» со сломанным кораблем Лян Ицина и с изделием Хань Цзыци и признал, что ученик создал настоящее чудо. Новый корабль-сокровищница обладал очарованием оригинальной картины и зрелостью образца, оставленного Лян Ицином. Бушующий океан, сверкающие звезды и луна, развевающиеся по ветру флаги и паруса, величественная мачта, люди на корабле – все было изображено живо, тонко и очень искусно, будто вышло из рук воскресшего Лян Ицина!

Пу Шоучан долго смотрел на корабль-сокровищницу, ничего не говоря. Хань Цзыци знал: он за год сумел закончить работу, на которую отводилось целых три, потому что перед его глазами был образец учителя, повторить который было намного легче, чем создать оригинал!

Завершив проверку и прием изделия, Пу Шоучан закивал и сказал:

– Отнеси оба корабля в мой дом!

– Но… – Хань Цзыци попробовал осторожно возразить ему. – Учитель, первый корабль-сокровищница уже сломан, и вы…

Он так хотел оставить работу мастера себе на память!

Пу Шоучан улыбнулся:

– Какой еще первый? Сейчас в мире есть только один корабль-сокровищница, нет никакого первого, и нельзя, чтобы люди когда-либо увидели сломанный корабль Лян Ицина!

– Да? Вы хотите его…

– Ну, не беспокойся об этом, отнеси все в мой дом!

С тех пор образец Лян Ицина исчез, а корабль-сокровищница Хань Цзыци был продан Саймону Ханту. О цене Хань Цзыци неоткуда было узнать.

На следующий день после продажи корабля-сокровищницы в магазин пришел Саймон Хант. Встретившись с Пу Шоучаном, он выразил желание увидеть Лян Ицина и Хань Цзыци.

Пу Шоучан опешил, не зная, откуда Хант услышал эти имена. Занимаясь торговлей, он никогда не упоминал о мастерах и не позволял им встречаться с покупателями, боясь, что они уведут клиентов. Сейчас он не представлял, как мог произойти такой промах. Он изобразил на лице улыбку:

– Господин Хант, господин Лян Ицин, о котором вы говорите, уже скончался! Зачем вы его ищете?

– Что? Умер? – заколебался Саймон Хант. – Он умер, едва закончив корабль-сокровищницу? Тогда другой, господин Хань Цзыци, он ведь не мог тоже умереть?

У Пу Шоучана заколотилось сердце. Он не понимал, чего хочет этот иностранец. Те, кто занимается торговлей антиквариатом и нефритовыми изделиями, больше всего боятся, что покупатель обнаружит недостатки и вернет товар. Тем более это опасно, когда речь идет о постоянных клиентах: случись такое, трудно будет уладить недоразумение, и репутация «Хуэйюаньчжай» пострадает. Неужели Саймон Хант явился со злым умыслом и хочет свести с ним счеты? Ну что же, тогда надо действовать сообразно обстановке и сбросить с себя всю ответственность, свалив ее на ремесленника – на Хань Цзыци! Эти мысли его успокоили, и он, с суровым видом обернувшись к тем комнатам, где находился юноша, резко крикнул:

– Цзыци, подойди!

Хань Цзыци откликнулся, зашел в комнату хозяина и сразу заметил сидящего там иностранца лет тридцати с небольшим, со светлыми волосами, голубыми глазами и небольшими усиками. Он узнал Саймона Ханта, понял, что настал судьбоносный момент, однако не поздоровался с гостем, а обратился к Пу Шоучану:

– Учитель, вы меня звали?

Пу Шоучан собирался было обрушиться с обвинениями на своего младшего помощника, но Саймон Хант встал и с энтузиазмом протянул руку:

– Здравствуйте! Кажется, мы встречались за прилавком. Не думал, что вы и есть господин Хань Цзыци!

– Good morning, Mister Hunt! – Хань Цзыци крепко пожал протянутую ему руку и с достоинством поприветствовал посетителя.

Пу Шоучан недоумевал: что? Этот паренек из «Цичжэньчжай» знает английский? Ни разу не показал, что владеет языком, а теперь вот красуется перед иностранцем! Пу Шоучан и не догадывался, что разговорный английский Хань Цзыци тайком выучил здесь, в «Хуэйюаньчжай», где специализировались на торговле с иностранцами. Теперь эти знания приоткрыли юноше окно во внешний мир.

Пожав руку молодому мастеру, Саймон Хант почувствовал доброжелательность, которую тот излучал, приветствуя иностранца на его родном языке:

– Здравствуйте, господин Хань! – ответил покупатель с улыбкой, но не на английском, а на беглом китайском. Конечно, это было продиктовано уважением к собеседнику и желанием показать глубокое знание местной культуры. – Вы и господин Лян Ицин создали корабль-сокровищницу, который восхищает тонкостью работы! Я пришел, чтобы посмотреть на настоящий талант, но не думал, что вы, господин, так молоды!

Затем иностранец повернулся и посмотрел на Пу Шоучана:

– Господин Пу, ваш магазин наполнен не только драгоценностями, но и талантливыми людьми!

Пу Шоучан уже опомнился и, поняв, что Саймон Хант пришел не для того, чтобы свести с ним счеты, а чтобы выразить свое восхищение и благодарность, тотчас ответил ему:

– Это очень большая честь! Вы, господин Хант, наверное, знаете, что в Китае есть пословица «Без алмазного сверла фарфор не починишь»? Ваша похвала моему ученику – честь для меня. Мы будем счастливы, если вы и в будущем удостоите нас своим посещением!

Саймон Хант улыбнулся:

– Я как раз и пришел затем, чтобы встретиться с вашим «алмазным сверлом»!

Тревога в сердце Пу Шоучана утихла, развязка его радовала, только он не понимал: откуда Саймон Хант узнал, что корабль-сокровищница – дело рук не только Лян Ицина, но и Хань Цзыци? Должно быть, кто-то в магазине по неосторожности проговорился, и теперь надо будет все тщательно это расследовать и строго проучить болтуна. К счастью, Лян Ицина и «Цичжэньчжай» больше нет, а Хань Цзыци стал его человеком, и эта маленькая небрежность не оставит дурных последствий.

Секрет знали только Саймон Хант и Хань Цзыци. Пу Шоучан несправедливо обвинял своих преданных слуг: тайну имен тех, кто создавал корабль-сокровищницу, разгласил не кто иной, как сам Хань Цзыци!

В ту ночь, когда ученик завершил свой труд, он нежно погладил рукой нефритовый корабль и тихо сказал: «Учитель, наконец-то наш корабль-сокровищница закончен, смотрите, теперь и я могу умереть!»

Огонек в светильнике почти погас; в нефритовой мастерской не раздавалось ни звука. Вдруг Хань Цзыци увидел худое, изможденное лицо учителя, на котором показалась улыбка: мастер кивнул ему и исчез. Хань Цзыци развернулся лицом в сторону могилы учителя и протяжно вздохнул – его сердце давно сжималось от тоски. Он почувствовал огромное сожаление, такое же, какое Лян Ицин ощущал в свой последний момент: ему было досадно, что никто за пределами «Хуэйюаньчжай» – ни Саймон Хант, ни те, кто будет любоваться этим шедевром, – никогда не узнает, кто был его создателем!

Хань Цзыци не хотел просто так отпускать свое произведение. Он мучительно думал и вспомнил историю, когда-то рассказанную почтенным господином из дома «Боячжай»: при императоре Шэнь-цзуне[99], нефритовых дел мастер из Сучжоу Лу Цзыган по личному приглашению императора приехал служить в столицу. Император давно был наслышан о том, что Лу Цзыган превосходно владеет техникой обработки нефрита. Знал он и об одной «дурной привычке» мастера – тот любил ставить подпись на своих изделия, хотя среди ремесленников не принято было это делать, особенно на изделиях, предназначенных для императорского личного пользования: такое всегда строжайше запрещалось. Император Шэнь-цзун хотел пополнить свою коллекцию сокровищ работой великого мастера, но не мог позволить тому подрывать его авторитет. Тогда он приказал Лу Цзыгану сделать из куска белого нефрита чайник; ставить на нем подпись он, конечно же, запретил. Вскоре Лу Цзыган преподнес ему готовую вещь, восхитив императора Шэнь-цзуна своей работой; слава Лу Цзыгана и впрямь была заслу-

[99] Шэнь-цзун – император династии Мин с 1572 по 1620 год.

женной: чайник был «светлым, как вода, и звонким, как цинь[100]». Шэнь-цзун внимательно осмотрел его (нет ли там подписи Лу Цзыгана?) и, ничего не обнаружив, улыбнулся, похвалил мастера, пожаловал ему золото и серебро и отпустил. Потом у Шэнь-цзуна снова возникли сомнения; боясь, как бы Лу Цзыган не учудил какую-нибудь хитрость, он снова и снова осматривал чайник. Однажды на его стенки упал солнечный луч, проникнувший в императорскую опочивальню, и Шэнь-цзун вдруг различил в самом центре чайника два еле заметных иероглифа – «Цзыган»! Шэнь-цзун был в ярости, но не мог противоречить самому себе: он уже похвалил мастера, и рука его не поднималась сломать это несравненное произведение – оставалось лишь сдаться. Лу Цзыган, несмотря на опасность для своей жизни и имущества, сохранил свое достоинство и получил право ставить подпись на своих изделиях. Быть может, именно «дурная привычка» и стала причиной того, что с древних времен лишь Лу Цзыган широко известен среди нефритовых дел мастеров, а имя его вошло в историю?

Почтенный господин из дома «Боячжай» говорил, что эта история считается легендой, ее нельзя проверить, да и от той вещи уже не осталось и следа. Однако на некоторых изделиях, переданных Лу Цзыганом своим потомкам, часто выгравированы не привлекающие внимание иероглифы «Цзыган», что и заставляет людей задумываться о правдивости истории-легенды, передающейся из уст в уста…

Эта мысль укрепила решимость Хань Цзыци, и он, не колеблясь, нанес решающий штрих на корпус корабля-сокровищницы, награвировав в нижней его части ровную надпись: «Изготовлено Лян Ицином и Хань Цзыци».

Именно эти иероглифы привели китаеведа Саймона Ханта к Хань Цзыци, а Пу Шоучан со своими семью пядями во лбу находился в полном неведении! Ни Хань Цзыци, ни Саймон Хант не хотели раскрывать Пу Шоучану тайну имен: у обоих на уме были свои планы!

Саймон Хант выпил чай, сказал что-то несущественное Пу Шоучану и Хань Цзыци, встал, чтобы попрощаться, но перед уходом, казалось, о чем-то вспомнил, улыбнулся и обратился к хозяину магазина:

– Господин Пу! Я сочту за честь снова увидеть вашего талантливого ученика. Надеюсь, вы не будете против, если я приглашу его сегодня на обед в свое скромное жилище?

Пу Шоучану, конечно, было неудобно отказать и оставалось только согласиться:

– Благодарю господина Ханта от лица ученика! – и тут же он приказал Хань Цзыци: – Иди пораньше и пораньше возвращайся. Все деловые вопросы с господином Хантом мы уже решили, поэтому просто иди развейся, и все.

Напутствие предназначалось для того, чтобы Хань Цзыци не сболтнул лишнего, и, конечно, ученик все прекрасно понял.

Вслед за Саймоном Хантом он отправился в гостиницу «Шесть держав», расположенную на улице Тайцзичан.

В комнате Саймона Ханта почти не чувствовалось «иностранного» духа: она больше напоминала китайскую антикварную лавку. Место, свободное от мебели из твердой древесины, было заставлено шкафами с фарфором, медной посудой, тушечницами, но больше всего было изделий из нефрита… Созданный Хань Цзыци корабль-сокровищница стоял на столе в стеклянном футляре.

Хань Цзыци сел и стал рассматривать содержимое шкафов, но вскоре не удержался и выпалил:

– Господин Хант, вы и впрямь знаток Китая, собрали столько китайских вещей!

Саймон Хант встал позади него и скромно сказал:

[100] Цинь – струнный щипковый инструмент, напоминающий цитру.

– Что вы, помилуйте! Я просто люблю китайское искусство, а знатоком меня нельзя назвать. Как у вас говорят: я всего лишь «размахиваю топором у ворот Лу Баня»[101]! Сегодня я пригласил вас, господин Хань, чтобы посоветоваться! – он подошел к столу и указал на корабль в стеклянной шкатулке. – Этот шедевр – сокровище в моей коллекции современного нефрита. Вы, господин, оригинально использовали метод, соединяющий круглую скульптуру, ажурную резьбу и горельеф, и смогли передать настроение «Плавания Чжэн Хэ». Вы преодолели ограничения резьбы по нефриту, переняв достоинства живописи, резьбы по дереву, кирпичу и камню. Ваш корабль – квинтэссенция китайского искусства, в нем полностью проявились стиль и мягкость техники резьбы по нефриту времен Цяньлуна. Такую искусность нечасто встретишь у современных мастеров. На мой взгляд, эта работа вполне стоит моих пятидесяти тысяч юаней и вашей четырехлетней энергии.

Хань Цзыци очень удивился: он не думал, что Пу Шоучан два срока изготовления представит как один и на пустом месте заработает кучу денег. Не ожидал он и того, что Саймон Хант даст такую высокую оценку кораблю-сокровищнице. Этот человек – действительно настоящий профессионал; он смог облечь в слова то, что Лян Ицин и Хань Цзыци в душе понимали, но не моги выразить. Хань Цзыци расстроился за Лян Ицина, и у него сорвалось с языка:

– Как жаль, что ваших слов не услышит учитель!

– Что? Разве ваш учитель не Пу Шоучан? – в изумлении спросил Саймон Хант.

– Нет, вы ошиблись, Пу Шоучан всего лишь мой хозяин, а мой учитель – Лян Ицин!

– А, он и есть ваш соавтор?

– Не соавтор, он лично научил меня ремеслу!

– Вот оно как, оказывается! Как жаль, что я не встретился с Лян Ицином при жизни, но и знакомство с вами честь для меня! Позвольте спросить: сколько учеников было у вашего наставника?

– Я один. Раньше семья Лян никогда не принимала учеников из других семей.

– Превосходно! Я уверен, что наше дальнейшее сотрудничество будет восхитительным!

– Сотрудничество с вами? – Хань Цзыци не понял смысл фразы.

Саймон Хант закивал, но не стал объяснять, а взял из шкафа шкатулку, открыл крышку и осторожно достал маленькую нефритовую вещицу:

– Прошу вас, Хань Цзыци, взгляните на эту вещь.

Тот взял предмет обеими руками и внимательно его рассмотрел. Это был нефрит подковообразной формы. Вещь эта была непонятной: ни круглая, ни квадратная, неравномерной толщины, выполненная простой резьбой, поверхность как будто неотполированная. Обученный тонкому мастерству Хань Цзыци не оценил ее. Почему этот странный Саймон Хант включил ее в свою коллекцию? Улыбнувшись, юноша отдал вещь обратно:

– Что за мастер это сделал?

– Вы меня спрашиваете? – загадочно улыбался Саймон Хант. – Пожалуйста, не нужно меня экзаменовать, я не могу ответить! Этот человек не выгравировал своего имени, как вы, да и умер более трех тысяч лет назад…

Хань Цзыци опешил:

– Более трех тысяч лет?

Саймон Хант сдержал улыбку:

– А вы не догадались?

– Нет, – признался Хань Цзыци. – Если бы вы не сказали, я бы подумал, что работа выполнена слишком грубо! Откуда вы знаете, что этой вещи более трех тысяч лет?

---

[101] Выражение, означающее «слишком много на себя брать» (т. е. умничать, высовываться), «осмеливаться высказать свое мнение». – *Примеч. пер.*

– По четырем признакам: качество нефрита, форма изделия, декоративный орнамент и техника исполнения, – сказал Саймон Хант. – Насколько мне известно, в Китае в эпоху неолита, то есть более десяти тысяч лет назад, уже было оружие, инструменты и украшения из нефрита. Конечно, в то время техника работы была очень грубой. Ко временам Шан[102] и Чжоу[103], помимо нефритовых ножей, топориков, черпаков, обрядовых топоров, секир, клевцов, скипетров, дисков, колец, заколок для волос, полудисков, появились и простые фигуры – рыбы, птицы, черепахи, маски животных, амулеты и другие изделия из нефрита, и они были выполнены более искусно, чем раньше. Если говорить об этом изделии, то это самый ранний орнамент с чудовищем Куй[104] на нефрите, что мне доводилось видеть. В этой работе много прямых и грубых линий, мало изгибов и штрихов, много внутренней резьбы и мало внешней, но в ней уже использован двойной контур. В головной части орнамента расположено сужающееся отверстие, которое называют «глазом в форме лошадиного копыта». Все это особенности нефритовых изделий эпохи Шан.

– Для чего эта вещь предназначена? – Хань Цзыци в полном изумлении смотрел на вещицу, размер которой был меньше ладони. Он не думал, что Саймон Хант знает так много интересного.

– Для украшения! – Хант взял вещь и поместил ее под своим ухом. – Сначала эта фигурка была серьгой. Вот такой большой серьгой! Вероятно, древние люди тоже решили, что она слишком тяжелая, и при династиях Цинь и Хань[105] сделали ее поясным украшением. Только мой нефрит – это по-прежнему серьга, и потому несомненно принадлежит эпохе Шан.

Хань Цзыци ошеломленно посмотрел на маленькое нефритовое украшение. Значит, его носили на поясе. Он снова увидел длинную реку, что текла через его сердце. Четыре года он пытался найти ее источник! Он с благоговением протянул руку и положил на ладонь грубую, но такую древнюю вещь. Волны бесконечной реки ударялись о его сердце. Он гадал, как с помощью примитивных инструментов предкам удалось пробить русло этой реки, текущей с незапамятных времен…

– Господин Хант, вы можете мне сказать, кто основатель рода нефритовых мастеров? – задал он вопрос, не дававший ему покоя последние четыре года. Мастер Лян Ицин не смог на него ответить, а старый господин из дома «Боячжай», к сожалению, умер до того, как Хань Цзыци мог спросить его об этом.

– Самый древний предок? – вздохнул Саймон Хант. – Трудно сказать. История Китая слишком длинна, и слишком мало людей, которые оставили в ней свои имена, особенно среди камнерезов! После эпохи Мин еще можно их найти – Лу Цзыган, Лю Шэнь, Хэ Сы, Ли Вэньфу. До династии Мин самым известным, похоже, был Цю Чуцзи, но это уже эпохи Цзинь и Юань. Если проследить до более раннего времени, можно найти кое-какую зацепку. Согласно записям в китайских исторических источниках, Цинь Шихуан-ди после получения очень дорогого нефритового диска Хэ приказал своему главному помощнику Ли Сы написать в стиле чжуаньшу[106] слова «По мандату небес, пусть император живет долго и счастливо», а затем велел мастеру Сунь Шоу вырезать их на диске, чтобы получилась императорская печать. И еще при дворе императора Шихуан-ди жил художник по имени Ле И. Он был силен в камнерезном искусстве и однажды сделал для Шихуан-ди двух тигров из белого нефрита, выгравировав даже

---

[102] Период правления династии Шан – с 1600 по 1046 год до н. э.

[103] Период правления династии Чжоу – с середины XI в. до н. э. по 256 г. до н. э.

[104] Куй – персонаж древнекитайской мифологии, волшебное одноногое существо, которое в различных источниках описывается по-разному – то как бык, то как дракон, то как дух. В некоторых текстах этот образ соотнесен с именем Куя, музыканта, который, по преданию, изобрел музыку и танцы.

[105] Период правления династии Цинь – с 221 по 207 гг. до н. э., династии Хань – с 206 г. до н. э. по 220 год н. э.

[106] Чжуаньшу (букв. «иероглифы печати») – стиль каллиграфии; появившийся в VIII–III веках до н. э. В ряде древнекитайских царств был признан официальным стилем письма и использовался для изготовления печатей.

мех, – они были как живые. Этот Ле И и Сунь Шоу и есть самые древние мастера по нефриту, о которых я знаю. Однако ясно, что они не родоначальники. Если и был один основоположник, то он жил на несколько тысяч лет раньше них, и жаль, что имени его не осталось!

Вот и Саймон Хант не знает ответа на вопрос Хань Цзыци. Однако ему и этих сведений было достаточно, чтобы искренне поразиться:

– Господин Хант, у вас такие глубокие познания! – он хотел сказать: «Вы иностранный Нефритовый Демон», но побоялся, что Хант неправильно поймет слово «демон».

– Нет, я всего лишь нахватался верхов, – пожал плечами Саймон Хант и спросил: – Господин Хань, разве ваш учитель не рассказывал вам об истории нефритового искусства?

Хань Цзыци покраснел не из-за того, что Саймон Хант невольно причинил боль ему и его учителю, а из-за собственного невежества. Как китайский мастер по нефриту, он разбирался в китайских нефритовых изделиях хуже иностранца – это было огромным позором!

Саймон Хант понял, что чувствует юноша, и без тени насмешки со вздохом сказал:

– Тот, кто творит историю, должен понимать ее! Господин Хань, пожалуйста, простите меня за неуважительное высказывание: стоимость любой вещи из моей коллекции превосходит ваш корабль-сокровищница, потому что они представляют историю, а сама по себе история и есть бесценное сокровище!

Сделанный Хань Цзыци корабль-сокровищница, недавно вознесенный Саймоном Хантом до небес, теперь был низвергнут. Но Хань Цзыци, барахтавшийся в волнах длинной реки, вовсе не чувствовал себя оскорбленным, а лишь ощущал, что знает слишком мало. Так хочется выпрыгнуть за рамки простого ремесла и оседлать этот грандиозный, стремительный поток! Он молча бродил перед шкафами с белым нефритом, и в его глазах искрился голодный блеск искреннего интереса и жажды знаний.

Саймон Хант следовал за ним и охотно исполнял роль проводника в этом «плавании»:

– …Контуры эпохи Шан – это важнейшее достижение в технике обработки нефрита. В эпоху Чжоу стало больше кривых линий, техника резьбы совершенствовалась, по степени своей утонченности превзойдя произведения прошлого. Ко времени Чуньцю[107] и Чжаньго[108] для обработки нефрита начинают использовать песок, происходит развитие инструментов, устанавливаются стандарты, упорядочивается все – от нанесения линий орнамента и до полировки. Жаль, что у меня здесь нет памятников той эпохи. Вот это вещь эпохи Хань, крупный образец резьбы по нефриту, полировка несколько грубовата. А вот эта маленькая вещица очень тонко сделана! Посмотрите на эту нефритовую пряжку: какая живая, искусная техника, какой лаконичный и сильный способ гравировки – это и есть знаменитая ханьская техника «восьми ножей»[109]. Рядом – вещь эпохи Тан, с цветочными мотивами чаньчжи[110], это явное влияние буддизма, – типичный стиль Тан. Вещей периода Сун и Юань у меня здесь, к сожалению, нет. Тогда делали много мелких вещей и мало крупных, и все они редчайшие образцы в великом море нефрита. Вот тонкая резьба времен минского императора Ваньли. Смотрите, на дне чайника два иероглифа – «цзы» и «ган», несомненно, это работа великого мастера Лу Цзыгана. В его времена мастеров было как облаков на небе, поэтому было создано множество шедевров. Но у вещей той эпохи есть один недостаток: на финальной стадии шлифования часто гнались за точностью формы, а не за изяществом, и поэтому не могли достичь совершенства. В эпоху Цин искусство обработки нефрита достигло новых высот: появились техники работы с цвето-

---

[107] Эпоха Чуньцю («Период Вёсен и Осеней») – период древнекитайской истории, описанный в одноименной летописи, автором которой традиция считает Конфуция. Начало эпохи Чуньцю относят к началу правления династии Восточная Чжоу – 722 г. до н. э.; ее концом считается год смерти Конфуция – 479 г. до н. э.

[108] Эпоха Чжаньго («Период Сражающихся царств») – время с конца эпохи Чуньцю до объединения Китая императором Цинь Шихуанди в 221 г. до н. э.

[109] Хань бадао – особая техника резьбы по нефриту. – *Примеч. пер.*

[110] Чаньчжи – традиционный китайский орнамент в виде сплетающихся ветвей и цветов.

вым переходом и ажурная резьба, множество методов изготовления барельефов. Ваш корабль-сокровищница идеально воплощает именно этот стиль. Ни одна из цинских вещей, что у меня имеются, не идет с ней ни в какое сравнение. Я рассматриваю ваш корабль-сокровищницу как эталон преемственности стиля маньчжурской эпохи. В Пекине я еще не встречал вещи такого уровня, как эта!

Хань Цзыци словно вышел из густого тумана, увидел впереди свет и стал непрерывно вздыхать:

– Стыдно, стыдно! Стоя перед древними произведениями предков, я чувствую, будто сам только начал учиться! Господин Хант, где вы получили такие глубокие знания?

– В Китае! – скромно ответил Саймон Хант. – Китайские культурные реликвии, китайские художники, китайские торговцы, китайские ученые – все мои учителя! Вы, господин Хань, наверняка знаете, что в Пекине жил Нефритовый Демон?

– Вы имеете в виду почтенного учителя из особняка «Боячжай»? – Хань Цзыци охватила бесконечная тоска. Оказывается, Саймон Хант тоже преклоняется перед Нефритовым Демоном. – Он был вашим учителем?

– Да, – с глубоким уважением сказал Хант. – Когда почтенный учитель был жив, я несколько раз посещал его. Его знания, его беседы, его коллекция – все подобно океану. Перед ним я – песчинка! К сожалению, почтенный господин слишком дорожил своим достоянием, и многие вещи не соглашался показывать гостям, не говоря уже о том, чтобы продать! Только после его смерти я смог купить несколько вещей из его коллекции – вы их только что видели. За это я должен благодарить другого своего учителя…

– Кто он? – Хан Цзыци не терпелось узнать, кто был вторым «Нефритовым Демоном».

– Пу Шоучан! – слегка улыбнулся Саймон Хант. – Ваш хозяин.

– Он? – Хань Цзыци подозрительно посмотрел на Саймона Ханта. – Но он никогда не учился обработке нефрита!

– Есть старая китайская поговорка: «Во время долгой болезни узнаешь о медицине больше врача». Господин Пу Шоучан видел много, а это – лучшее обучение. Держа в руке изделие из нефрита, он может определить его подлинность, эпоху и оценить изделие без помощи какого-либо инструмента, просто посмотрев на вещь невооруженным глазом и коснувшись ее рукой. Он оценивает нефрит, рассматривая несколько параметров, – форму, орнамент, технику исполнения, цвет и качество обработки, – и может точно датировать изделие по характерным для того или иного периода особенностям. Есть тонкости, которые часто упускают из виду, а он никогда их не пропустит. Например, у орнамента с фигурами извивающегося безрогого дракона времен Сражающихся царств есть важные черты эпохи, например, едва различимая вырезанная линия над двойным контуром, и если смотреть невнимательно, то можно не заметить ее. Боюсь, что по остроте зрения господин Пу может превзойти старого камнереза, много лет проработавшего с нефритом!

– О… неудивительно! – вздохнул Хань Цзыци. – Однако в магазине «Хуэйюаньчжай» я редко слышу разговоры на подобные темы и редко вижу старинные вещи в шкафах!

Саймон Хант улыбнулся:

– Он хороший торговец, и самое важное направление торговли для Пу Шоучана – не розница! Например, это шанское поясное украшение, – он повернулся и пошел к шкафу, чтобы снова вытащить ту вещь подковообразной формы. – Я купил его дома у Пу Шоучана, а он купил его по очень низкой цене у наследников дома «Боячжай». Тогда было всего три таких вещи…

– Три? Вы купили их все?

– К сожалению, нет. Тогда на них пошли посмотреть несколько моих друзей из США, Франции и Италии. Хозяин Пу убедил нас, что это, несомненно, изделия эпохи Шан, и мы с товарищами полностью согласились с его выводами. Цена была по пятьдесят тысяч за каждую вещь. Три бы стоили уже сто пятьдесят тысяч…

– Сто пятьдесят тысяч? – воскликнул Хань Цзыци.

Саймон Хант спокойно сказал:

– Тогда было несколько желающих купить у хозяина Пу эти вещи, и никто не предполагал, что он захочет продать только одну из них…

– А что с двумя другими? Он оставил себе?

– Нет, уничтожил! Он схватил два изделия и – бах! – швырнул на пол, и они разлетелись на кусочки!

– Ой! – сердце Хань Цзыци, казалось, выпрыгнуло из груди. – Почему?

– Ради денег! – Саймон Хант глубоко вздохнул. – Он уничтожил две вещи, а оставшаяся стала настоящим сокровищем. Цена мгновенно подскочила, и в итоге я купил ее за пятьсот тысяч!

Хань Цзыци от удивления раскрыл рот и долго молчал. У него перед глазами всплыло лицо Пу Шоучана – пугающее, ненавистное, но вызывающее уважение.

Саймон Хант спокойно наблюдал за Хань Цзыци, ожидая его реакции. Он знал, что деньги – сильнейшее искушение, и когда оно движет человеком, тот применяет всю свою изобретательность и способен на отчаянную смелость.

Хань Цзыци остолбенело стоял перед шкафом с редкими драгоценностями и беспокойно сжимал влажные от пота руки.

Саймон Хант подумал, что время пришло. Он смотрел на лицо юноши, и его голубые глаза сияли:

– Мистер Хань! Вы не думали, что те разбитые Пу Шоучаном вещи можно восстановить?

– Восстановить? Как можно восстановить разбитый нефрит? – Хань Цзыци не думал и не верил, что такое возможно.

– Почему нельзя? Вашими руками! – взволнованно указал на него Саймон Хант.

– Моими руками? – ничего не понимая, Хань Цзыци вытянул вспотевшие руки.

– Сделайте новые – точь-в-точь по сохранившемуся образцу! – Саймон Хант наконец открыл цель, с которой пригласил Хань Цзыци в свой дом. – Это будет крайне значимым делом и для вас, и для меня! Господин Хань, я выбрал вас в партнеры не только потому, что вашей необыкновенной техники будет достаточно, чтобы справиться с работой, но и по другой причине: я заметил, что вы с господином Пу Шоучаном вовсе не в одной лодке! Я прав, друг?

В сердце Хань Цзыци, словно на морской поверхности, поднялись необузданные волны – настоящая буря! Перед его взором возникли события прошлого, и ему очень захотелось все высказать, но он сдержался и спокойно сказал:

– Господин Хант, спасибо, что относитесь ко мне как к другу. Прошлому нужно дать уйти! Извините, но вашу просьбу я сейчас выполнить не могу. Подождите два года, мне нужно всего два года! О нашем деле будет известно только небесам, земле, вам и мне, и мы еще встретимся!

Они проговорили три часа – даже о еде забыли. Когда пришел официант и напомнил об обеде, Саймон Хант хлопнул себя по лбу и извиняющимся тоном сказал:

– Прошу прощения, господин Хань, я же пригласил вас на обед… Пожалуйста!

– Спасибо, господин Хант, есть дела поважнее еды! – Хань Цзыци вежливо отклонил приглашение, приняв от Саймона Ханта коробку с кремовыми пирожными, которую отнес Пу Шоучану. Пирожные были не халяльные, и Хань Цзыци не мог их есть.

* * *

Через два года работы на Пу Шоучана Хань Цзыци вдруг заявил своему хозяину, что трехлетний срок изготовления корабля-сокровищницы вышел, изделие давно сдано и ему теперь можно уходить.

Пу Шоучан сильно удивился. Ответ его был угрюмым:

– Что? Уйти? Ты… ты неблагодарная дрянь! Сначала ты поспешил перейти под мое покровительство, забыв о своем долге после смерти Лян Ицина, который был к тебе добр. Я приютил тебя, жалкого оборванца. Вот уж не думал, что ты и со мной так поступишь! Я очень сожалею, что был слеп и не осознавал, какой ты подлец! Говоря по совести, разве эти три года я с тобой дурно обращался? А ты решил, что можешь уйти, когда вздумается? Разве ты не знаешь правила «Хуэйюаньчжай»? Только хозяин может отказаться от подчиненного, а не подчиненный от хозяина!

Хань Цзыци был спокоен. Он посмотрел на Пу Шоучана ясными глазами:

– Учитель, вашу милость я в жизни не забуду! Я полностью рассчитался за деньги, которые ушли на мое пропитание, кораблем-сокровищницей и трехлетней работой. Вначале я обещал вам только сделать корабль-сокровищницу, прося у вас лишь еду, но я не продавался вам в пожизненное рабство! Если хотите, чтобы я остался, то есть два условия: во-первых, принесите корабль-сокровищницу и укажите на мои ошибки, а во-вторых, принесите наш договор, и либо мы его перезаключим, либо продлим – все можно обсудить. И скажите, какое у меня будет ежемесячное жалование!

Пу Шоучан от такого заявления потерял дар речи. Корабль-сокровищница давно был в руках Саймона Ханта, они уже рассчитались, и он не может его вернуть. А договора между хозяином и подмастерьем вообще не было! Ах, как Пу Шоучан, хитроумный и непревзойденный делец, мог допустить такой промах? Увы, три года назад он был полностью ослеплен своей жадностью! Теперь Хань Цзыци, очевидно, будет его шантажировать и потребует зарплату, как окончивший обучение подмастерье. Ох, ну куда это годится? Батрак-подросток, вонючий ремесленник, ни черта не смыслящий в торговых делах!

– Катись отсюда подальше! – закричал в сердцах Пу Шоучан. Этим всплеском был покрыт необъяснимый долг и одновременно – разорвана странная дружба «учителя» и «ученика». – Хань Цзыци, это чересчур! Небеса тебя не простят!

Хань Цзыци вышел из магазина «Хуэйюаньчжай» и зашагал прочь.

Он снова был бездомным, хотя ощущал себя уверенно, словно был очень богат. Он больше не беспризорник, каким был шесть лет назад, и не мелкий подмастерье, каким был три года назад. У него достаточно умений, достаточно храбрости, чтобы идти своим путем. У него не было денег, чтобы нанять рикшу, и он пошел пешком на восток, к улице Люличан, зашел в Яньшоусы, снова свернул на восток и пошел по знакомой улице к месту, которое невозможно было забыть, – туда, где жили его матушка-наставница и сестры, о которых он тосковал все дни и ночи! Хотя он не мог их навещать последние три года, в его сердце они жили всегда. И вот теперь он вернулся…

* * *

Нефритовая мастерская «Цичжэньчжай» к тому времени превратилась в чайный магазин. Не успела Юйэр со стопкой пиал в руках поприветствовать только что вошедшего нетерпеливого гостя, как Хань Цзыци схватил ее за плечи и с волнением воскликнул:

– Юйэр, сестренка! Ты выросла…

Юйэр удивленно посмотрела на него:

– А? Брат Ци! – растроганная до слез, она выронила пиалы. С силой ударившись об пол, они рассыпались в мелкие брызги.

Биэр, услышав шум, вышла из комнаты с чайником в руке. При виде Хань Цзыци в ее глазах запылал гнев:

– Ты зачем пришел? Мы тебя не знаем!

Горячие слезы потекли по лицу Хань Цзыци. Он с нежностью посмотрел на старый дом, хранивший бесчисленные воспоминания, и сказал враждебно настроенной Биэр:

– Я вернулся, чтобы никогда больше не уходить. Здесь мой дом!

– Ха, твой дом? Тебе здесь нет места! Да кто ты такой? Ты – душман[111] нашей семьи, собака Пу Шоучана! Ты уничтожил «Цичжэньчжай»! – глаза Биэр горели яростью и гневом. Пыл этой хрупкой девушки, которой едва минуло восемнадцать, мог напугать любого мужчину. – Открой глаза и посмотри: семья Лян еще не вымерла, за нее не отомстили!

– Сестрица, отомстить никогда не поздно! – сердце Хань Цзыци захлестывали огромные волны. – Когда учитель умирал, то ушел с открытыми глазами, он не закрыл глаза после смерти! Почему?

– Это ты говоришь – почему? Корабль-сокровищница, корабль-сокровищница! – глаза Биэр все больше наливались кровью. – Корабль-сокровищница уничтожен, и мастерская «Цичжэньчжай» тоже!

– Я ушел из-за него. И вернулся из-за него же! За три года я закончил корабль-сокровищницу за учителя, и понял, как работают магазины, ведущие торговлю с иностранцами. Теперь я снова повешу на «Цичжэньчжай» табличку, чтобы все знали: дело хозяина Ляна не разрушено, у него есть дочери и ученик!

Биэр с недоумением смотрела на Хань Цзыци. Нет, он не изменился, он все тот же брат Ци – ее брат Ци, который вернулся! Теперь она поняла, почему он так странно себя вел, когда покидал «Цичжэньчжай», – оказывается, эти три года он трудился на благо их семьи! Радость и чувство вины ударили в сердце девушки, и глаза ее наполнились слезами:

– Ци… «Цичжэньчжай», наш «Цичжэньчжай»… Этот день настанет!

– Конечно! – широкая грудь Хань Цзыци вздымалась, еле перенося удары его честолюбивого сердца. Он выхватил чайник из рук Биэр: – Хватит продавать чай. «Цичжэньчжай» будет не просто нефритовой мастерской. Мы будем торговать по-крупному, как «Хуэйюаньчжай». Мы еще померяемся силами с самим Пу!

На лице Биэр появилась улыбка, а ощущение пустоты и беспомощности, не покидавшие ее эти три года, исчезли. Мужественная энергия Хань Цзыци заставила ее увидеть в нем силу, которой можно полностью довериться. Она не думала, что у брата такое большое сердце!

– Брат, но у нас… нет денег!

– Ничего страшного, деньги – дело наживное! У меня есть богатый друг, который нам поможет. Глазом не успеем моргнуть, как будет прибыль. И у меня есть две руки в помощь! – Хань Цзыци сжал большие ладони в кулак и захрустел костяшками пальцев. Он верил, что его руки смогут создать все, могут сорвать звезды и луну с неба!

Биэр нежно коснулась руки старшего брата. Ах, эти грубые и тонкие руки резчика по нефриту! Они так похожи на руки ее отца – только мощнее! Внезапная застенчивость обожгла ее щеки. Пара мужских рук… Ведь он не отец и не родной брат! Она отдернула свою руку и пробормотала:

– Брат, ты не можешь опекать нас, тебе надо… создать свою семью!

– Мне? – Хань Цзыци подумал: какие странные слова. – «Цичжэньчжай» – моя семья!

– Брат Ци! – тихо вскрикнула Биэр. Страсть в ее сердце затмила все ее благоразумие. Она бросилась на грудь Хань Цзыци и выпалила: – Брат Ци, я помогу тебе! Ты… женись на мне!

---

[111] Душман (перс.) – враг. – *Примеч. пер.*

Глава 6. Лунный свет

Синьюэ!

Пишу тебе письмо и не могу подавить в сердце волнение. Такое редко со мной случалось. В жизни, казалось, есть мало вещей, способных вызвать у меня сильную печаль или сильную радость, я ко всему привыкла. С детства я не знаю, что такое радоваться. Я выросла, не успев насладиться отцовской и материнской любовью. Я рано разделила горести отца и матери, привыкла слушать их жалобы, привыкла видеть, как они изливают гнев друг на друга и на детей. Раньше я считала, что все семьи такие – но это не так. Один иностранный писатель сказал: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, а каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Я поняла эту фразу лишь недавно. Я родилась в несчастливой семье: мои отец и мать – слабые люди, а срываться друг на друга – единственный способ слабого справиться с неудачей. Я несчастный человек, но я не верю, что родилась неполноценной. У меня есть право выбираться из беды и бороться за свое счастье, и поэтому перед лицом жизненного испытания я осмелилась соперничать с тобой. Я верила, что должна и могу получить все, что мне причитается. Но я ошиблась. Однажды мне предсказали мою судьбу: «Странный, смутный мираж, все сплошь лучшие возможности, но на гребне волны». Как точно было сказано! Когда я с надеждой летела к миражу, меня сбила большая волна!

Я отчаянно барахталась в стремительном водовороте, и в этот момент ты мне бросила спасательный круг – ты, моя подруга, и твои родители! Тот богатый, обильный воскресный обед до сих пор греет мое сердце. Но знаешь, дело даже не в еде – я была тронута вашей добротой. Я почувствовала, что среди людей не холодно, что между людьми есть прекрасные чувства! Уважаемые дядя и тетя Хань так добры – они принимают участие в моем будущем больше, чем мои родители! Синьюэ, у тебя такие понимающие, внимательные родители, такая гармоничная, прекрасная семья – ты счастливица, и я по-хорошему завидую тебе!

Сейчас ты учишься в лучшем университете нашей страны, где собрана лучшая молодежь нации, и ты достойна быть среди них! Синьюэ, когда ты будешь жадно впитывать знания в просторных и светлых аудиториях, когда будешь при свете лампы сосредоточенно осаждать крепость культуры и науки, помни о своей подруге, которая мысленно всегда с тобой. Учись за себя и за меня, и не забывай – ты представляешь меня, как мы и договаривались!

Завтра дядя Хань пойдет в антикварный магазин поторопить с моим делом, и я жду от него хороших новостей. Смотри, я снова строю мечты о будущем: хотелось бы, чтобы у меня впереди были не только миражи!

Желаю тебе прекрасного будущего!

Твоя подруга навеки,
Шуянь

Синьюэ с контейнером для еды в руке быстро зашагала прочь из столовой: ей не терпелось прочесть полученное письмо. Пекинский университет такой большой, всюду студенческие столовые и столовые для учебно-административного персонала, а мусульманская столовая всего одна, к югу от сада Шаоюань, за парком Яньнаньюань, – маленькая и старенькая. Столовая располагалась в низине, и во время дождей здесь все промокало; мало кто оставался здесь

на обед, и еду в основном брали с собой навынос, в контейнерах, а потом искали место, где можно было сесть и поесть. Дорожку ко входу в столовую никогда не прокладывали: мусульмане сами ее протоптали.

В отличие от сети остальных дорожек кампуса, тропинка в столовую для мусульман не была заасфальтирована, а наоборот – покрыта ухабами и колдобинами. В ясные дни она была пыльной, а в дождливые – грязной. Осенний ветер раздувал опавшую листву, которая – ш-ш-ш – шуршала под ногами, когда на нее наступали. Читая письмо, Синьюэ почувствовала горечь. Когда Чэнь Шуянь училась в школе, ее сочинения не были лучшими, но это письмо трогало за душу – чувства, которые она в нем выражала, были настоящими. В прошлое воскресенье Чэнь Шуянь пригласили на обед в особняк «Боячжай»; все веселились, и гостья не показывала своей душевной боли и затаенной обиды. Теперь же, в письме, она выплеснула свое недовольство несправедливостью судьбы, о чем Синьюэ никогда бы не осмелилась с ней заговорить. Синьюэ подумала о своей одногруппнице Се Цюсы. Она слышала, как староста Чжэн Сяоцзин рассказывала, что отец Се Цюсы – известный шанхайский миллионер, открыл издательство и получает дотации от государства. Разве ее социальное происхождение не хуже, чем у Чэнь Шуянь? Однако Се Цюсы приняли в Пекинский университет, и Чжэн Сяоцзин намекнула одногруппникам, что не нужно дискриминировать девушку, что следует «придерживаться политической линии». А что же Чэнь Шуянь? Может, потому ей так горько, что ее отец, «мелкий предприниматель», – слишком «мелкий»? Но будь он капиталистом или миллионером, его бы все равно презирали… Этот серьезный вопрос Чэнь Шуянь не с кем было обсудить, да и у Синьюэ, естественно, не было возможности на него ответить. Только и оставалось, что винить судьбу. Сама Чэнь Шуянь ведь верила, что ее судьба – «странный, смутный мираж»…

Синьюэ читала письмо, следуя за порывами чувств Чэнь Шуянь, и ее качало, как на волнах. Эти волны то накрывали ее с головой, погружая в темную глубину, и она почти задыхалась, то снова выносили на поверхность и вселяли в нее надежду. У друзей, каким бы разным ни было их положение, все-таки могут быть общие переживания! Дочитав последние строки, Синьюэ почувствовала, что немного успокоилась. Она благодарила своих родителей за радушный прием Чэнь Шуянь и надеялась, что ее подруга сможет добиться желаемого, а между их семьями сохранится долгая дружба. Жизненные обстоятельства часто заставляют друзей отдаляться друг от друга или вообще расходиться навсегда, но она не хотела терять Чэнь Шуянь. Воодушевление и восхищение, которое Шуянь чувствовала по отношению к ней, растрогали Синьюэ, и она подумала: «Шуянь, я не разочарую тебя; в университете я учусь не только за тебя, но и за своего брата. Многие думают, что мы, мусульмане, лишь мелкие торгаши, работающие за кусок хлеба. Что мы не способны и не заслуживаем лучшего, и среди нас недаром мало тех, кто поступает в университеты и получает образование. Пусть эти предубеждения останутся в прошлом!»

Дойдя до корпуса № 27, она столкнулась с Се Цюсы, которая как раз выходила из общежития. В руке она держала консервы с анчоусами. Синьюэ заметила, что их однокурсник Тан Цзюньшэн ждет Цюсы под соснами, держа в руках два контейнера для еды. Се Цюсы и Тан Цзюньшэн не скрыли своих дружеских отношений; они были земляками, но, судя по всему, их связывали и другие, более глубокие чувства. С первого дня в университете они были неразлучны: после занятий проводили время вместе и обедали тоже вдвоем – брали еду в контейнерах и шли в университетский сад, где всегда можно было найти укромное место.

Се Цюсы кивнула Синьюэ, улыбнулась и прошла мимо. Синьюэ зашла в общежитие: в комнате была только Ло Сючжу, которая ела, сидя за столом.

– Где Чжэн Сяоцзин? – спросила Синьюэ.

– Monitor? – улыбнулась Ло Сючжу. Ей нравилось называть Чжэн Сяоцзин по должности – старостой, и она пыталась как можно лучше произносить это английское слово. В остальном

она говорила на смеси путунхуа с хубэйским говором. – Не знаю, пошла к учителю Чу или в мужское общежитие. Ей приходится и в обеденное время работать!

Синьюэ не стала раздумывать, что имела в виду однокурсница – похвалу или что-то неодобрительное. Она залезла к себе на кровать и, сидя наверху, стала есть.

Острая на язычок Ло Сючжу не привыкла занимать его одной только едой и продолжала говорить:

– Наша monitor и впрямь умеет сплотить людей. Особенно к парням она пылкая: приносит еду и тому положит немного, и этому немного – ну прямо бодхисаттва Гуань-инь, спасающая от горя и бед, одна способна всех прокормить! А эта, – она указала палочками на верхнюю койку, принадлежавшую Се Цюсы, – наоборот, ужасно мелочная: только что взяла украдкой рыбные консервы и ушла, будто боялась, что я увижу. Даже доброго слова не скажет! Что мы, люди с берегов Янцзы, рыбы, что ли, не ели? Да нам свежая рыба уже надоела, даже черный лещ у нас обычное дело… Кого могут удивить ее анчоусы?

И она разочарованно прищелкнула языком, копошась в своем контейнере, в котором не было ни мяса, ни рыбы, ни чего попроще, – оставалось только болтать языком разные глупости. Да и где теперь взять столько рыбы? Поэтому она и сердилась.

Из-за разницы в национальных обычаях Синьюэ обычно ела одна, не обращая внимания на то, кто из одногруппников кого чем угощает и угощает ли вообще. По отношению к себе она не ощущала ни чьей-либо щедрости, ни скупости и не хотела комментировать слова соседки. Видя же, какую проблему раздувает Ло Сючжу, она с улыбкой сказала ей:

– Возможно, именно потому, что тебе все равно, она с тобой и не церемонится.

– Да ну! Она не хочет! Все шанхайцы мелочные! Не веришь? – Ло Сючжу все больше горячилась; она решительно поставила на стол контейнер с едой, встала и начала жестикулировать, не выпуская из рук палочки. – У меня в средней школе была учительница по алгебре из Шанхая, и я собственными глазами это видела! Однажды она пригласила нас в гости и была очень мила, когда мы пришли: «Проходите, проходите, гости дорогие! Чтобы принять вас, я в три часа ночи встала на рынке в очередь за закусками!» Думаешь, она накрыла стол по-особому? Ха! Когда пришло время обедать, мы все оценили ее хлебосольство: хоть блюд на столе было много, все они стояли в крохотных пиалах или на маленьких подносиках, размером не больше винной рюмки! Еда бедная, порция как для кошки: два куска сушеного тофу считались за блюдо, пригоршня ферментированных бобов – тоже блюдо, несколько бамбуковых побегов – тоже блюдо. Так она еще, размахивая палочками, все приговаривала: «Не стесняйтесь, не стесняйтесь!» Потом с горем пополам подала на стол горячую курицу: гости и тронуть ее не успели, как хозяйка первая взяла кусок попробовать! А как попробовала, так и говорит: «Ой, черт, я ее не до конца пропарила! Недостаточно подержала над паром, мясо сырое!» Расплылась в улыбке и сказала гостям: «Извините, подождите, пожалуйста, я пойду ее доварю! Приятного вам аппетита!» И ушла вместе с курицей. Курицу, мы, конечно, уже не увидели.

Речь Ло Сючжу была живой и яркой, она здорово подражала изящному акценту Се Цюсы и очень ловко использовала палочки для еды в качестве театрального реквизита. Ее сатирический монолог – неважно, правда это была или художественный вымысел, – развеселил Синьюэ, и она прыснула от смеха.

Не успело представление закончиться, как в комнату вошла Се Цюсы с пустым контейнером в руках. Синьюэ поспешно опустила голову, с трудом подавив смех, и продолжила есть. Ло Сючжу потеряла дар речи и застыла посреди комнаты. Ее рука разжалась, и палочки, все еще поднятые над ее головой, со звонким стуком упали на пол.

– Рассказывай дальше! Что замолчала? – холодно спросила Се Цюсы.

Ло Сючжу сконфузилась, и ей ничего не оставалось, как сойти со сцены, смущенно сказав:

– Я закончила. Я тут рассказывала неофициальную историю своих мест – о том, как Чжан Фэй[112] получил приказ от Кунмина[113] стать начальником уезда…

– Ладно, хватит устраивать шоу! – Се Цюсы искоса взглянула на однокурсницу, прошла мимо и забралась на свою койку. За дверью она услышала последнюю, самую блистательную часть представления Ло Сючжу и решила отомстить. Решительно и с чувством собственного превосходства она заявила: – Представление было блестящим. Жаль, что ты деревенщина, а то могла бы стать клоуном в шанхайской театральной труппе!

Это было жестоко: мол, деревенскую девушку в городскую труппу даже клоуном не возьмут. Видя, что та не может дать достойный ответ, Се Цюсы высокомерно добила ее:

– Мисс Ло, у вас такой живой талант к языкам – вот было бы хорошо использовать его в аудитории, не правда ли? Чтобы на уроке английского учитель задал вопрос, и мы трое не знали бы ответа, а вы тут же стали бы палочкой-выручалочкой.

Это был удар ниже пояса! У Ло Сючжу все шло хорошо по всем предметам – от китайской литературы, мировой истории, политики и вплоть до физкультуры, но больше всего она боялась английского, который, как назло, был основным предметом! Ее одногруппники – и юноши, и девушки – учили английский со школы, они были лучшими в своих провинциях, и только ее одну перевели в английскую группу, хотя она учила русский язык! В первом семестре на первом курсе английский начинают учить с азов – с произношения. Ее сокурсникам все было уже хорошо знакомо, они шли по проторенному пути, не прилагая особых усилий, а она, как школьница, изнемогала от перенапряжения. Учитель Чу на уроках говорил только по-английски; Ло Сючжу слушала непонятную речь, цепенела, и тогда, объясняя самую суть произношения, преподаватель был вынужден вставлять китайские слова – иначе ученица не поняла бы материал. Се Цюсы и Тан Цзюньшэн, стремившиеся побыстрее пройти материал урока, недовольно косились на Ло Сючжу, досадуя, что она всех задерживает. Теперь Се Цюсы отыгралась на Ло Сючжу, и на ее лице сияла самодовольная улыбка. Ло Сючжу, побагровев от гнева, потеряла дар речи. Ее острый язычок, только что без умолку болтавший, утратил всю свою бойкость. Со стороны стола послышался обиженное всхлипывание.

Синьюэ, как сторонний наблюдатель, почувствовала себя неловко. Шутки Ло Сючжу не были злыми, но парфянская стрела Се Цюсы была слишком безжалостной. Синьюэ помахала рукой в сторону противоположной койки, но Се Цюсы ничего не ответила и шумно ворошила свои вещи.

Тут в комнату вошла Чжэн Сяоцзин и от удивления замерла:

– Эй, Ло Сючжу, что произошло? Всего два месяца в Пекине, а уже соскучилась до дому? – она поставила свой контейнер с едой на стол, обняла Ло Сючжу за плечи и стала успокаивать ее, словно старшая сестра младшую. – Университет – это семья!

После этих слов Ло Сючжу и впрямь заскучала по дому и заплакала еще сильнее:

– Я хочу домой! Мне… мне вообще не стоило приезжать сюда, я не гожусь для изучения английского!

Чжэн Сяоцзин все поняла и доброжелательно возразила:

– Что за глупости? Встретиться с трудностями и тут же спасовать? Это разве подход революционера? Мы здесь все такие – не с рождения на английском говорили, а учили с нуля. Если не успеваешь с уроками, одногруппники тебе помогут. Сегодня после обеда нет уроков, давай я… Ай, жаль, будет еще одно собрание…

– Я помогу ей повторить урок, мы уже договорились! – сказала Синьюэ.

– Хорошо! Ло Сючжу, ну же, перестань плакать! – Чжэн Сяоцзин похлопала ее по плечу, подошла к своей кровати, достала из-под подушки блокнот и поспешила прочь. Она всегда

---

[112] Чжан Фэй (167–221) – военачальник эпохи Троецарствия (220–280), прославившийся своей силой и бесстрашием.

[113] Первое имя Чжугэ Ляна (181–234), полководца и государственного деятеля эпохи Троецарствия.

была чем-то занята. Прежде чем уйти, она повернулась и обратилась ко всем троим: – Имейте в виду, что надо чередовать работу и отдых – приходите вечером в актовый зал смотреть кино!

Чжэн Сяоцзин ушла. Ло Сючжу вытерла слезы и наклонилась, чтобы подобрать с пола упавшие палочки: она так и не успела доесть свой обед.

Се Цюсы переоделась в новое платье, слезла с койки и пробормотала:

– Хм, теперь можно и поесть, а на уроках пусть даже нацменьшинства будут умнее!

Хлопнув дверью, она ушла.

– Ты… буржуазия, только и знаешь, что о еде, шмотках и развлечениях говорить! – дождавшись, когда та уйдет, Ло Сючжу нашла наконец подходящие слова.

– Ло Сючжу, не надо так! – Синьюэ спустилась с кровати и положила пустой контейнер в свой ящик. Ей очень хотелось сказать Ло Сючжу что-нибудь высокопарное в духе Чжэн Сяоцзин – вроде «человек не выбирает, кем родиться», но она не могла подобрать слов. Оскорбительный тон и высокомерие, с каким вела себя Се Цюсы, обидели не только «деревенщину» Ло Сючжу, они задели и Синьюэ. Фраза «а на уроках пусть даже нацменьшинства будут умнее» была особенно уничижительна: выходило так, что все представители малых народов глупые и тупые, а Синьюэ среди них – лишь случайное исключение, и то обстоятельство, что Ло Сючжу уступает в учебе Хань Синьюэ, можно считать позорным! На первый взгляд Се Цюсы вроде бы похвалила способности Хань Синьюэ, а на самом деле унизила весь ее народ. Этот скрытый смысл Синьюэ не могла не уловить. Мусульмане издавна жили разрозненно в районах, где большинство населения – ханьцы, и были к таким намекам особенно чувствительны. Именно поэтому немногочисленные мусульманские ученые, писатели, артисты неохотно ставят возле своего имени приписку «хуэйцзу». Они не хотят, чтобы люди говорили: «О, нацменьшинство? Это всегда непросто!» или «Видимо, благодаря принадлежности к нацменьшинству так и получилось…» Они предпочитают, чтобы их оценивали по их таланту и умениям, и не хотят, чтобы другие относились к ним, как к «более слабым», что-то им «разрешая» или «заботясь» о них. Хань Синьюэ поступила в Пекинский университет сама, на общих основаниях, и даже не подавала документы в другое учебное заведение, пресекая любую возможность подобной «заботы»!

Синьюэ от растерянности не могла вспомнить ни одного мудрого изречения, которое выразило бы ее чувства. Обычных слов она тоже не находила, поэтому сказала то, что было совсем очевидным:

– Ло Сючжу, будь понапористей! Если ты сразу сдаешься и просишься обратно домой после первого же враждебного выпада, то ты и впрямь ни на что не годишься! Неужели ты такая слабая? А как ты посмотришь в глаза родным, когда вернешься?

– Да разве я хочу вернуться? – на глазах Ло Сючжу снова выступили едва высохшие слезы. – Когда я уезжала, папа провожал меня на пароход и строго-настрого наказал: «Сючжу, не скучай до дому, учись хорошо! Ты единственная из восьми поколений нашей семьи стала студенткой!» Я не могу вернуться. Мне нужно получить диплом! Но еще пять лет – это невыносимо!

– Что значит «невыносимо»? Мы добились права учиться в университете, этот шаг дался нам нелегко, нужно им дорожить! Люди из вашей деревни наверняка тобой восхищаются, у многих девушек вроде тебя нет такой счастливой возможности. Ты подумай о них: они все стоят за твоей спиной и наблюдают за тобой. Ты приехала в университет учиться и за них тоже, ты не можешь учиться плохо! – Синьюэ говорила все это не только Ло Сючжу, но и себе: она не могла не помнить о своей подруге Чэнь Шуянь и о других одноклассниках-мусульманах.

– Я не то чтобы не понимаю этого, но просто… увы! – Ло Сючжу расстроенно похлопала себя по голове, и две ее короткие косички встали торчком, будто возмущались вместе с ней. –

Люди говорят: «В небе девятиголовая птица[114], а на земле хубэйцы». – Вот и я – «девятиголовая птица», а все не могу выучить английский!

Самоирония Ло Сючжу не насмешила Синьюэ, а наоборот, опечалила:

– Это неправильно – думать, что люди из определенных регионов или представители определенных национальностей – от природы низшего сорта. Но еще более неправильно недооценивать себя! Может, кто-то решит: раз нас, хуэйцев, мало, так мы и умом не блещем. Что ж, есть способности – давайте сравним!

Ло Сючжу испуганно посмотрела на нее:

– Английский сравнивать? Да если меня с однокурсниками рядом поставить – сразу видно будет, что я глупая и никуда не гожусь…

– Да кто сказал, что ты глупая? Освоила русский – значит, сможешь освоить и английский! Ты способная: что учишь, тому и подражаешь. Вон даже Се Цюсы сказала, что у тебя врожденный талант к языкам! – Синьюэ невольно упомянула о недавнем инциденте и замерла, боясь, что ее слова расстроят Ло Сючжу.

Та ничуть не рассердилась и неожиданно захихикала:

– Правда? Она не могла не восхититься тем, как живо я изобразила шанхайку, принимающую гостей, да?

Ох уж эта невоздержанная на язык «девятиголовая птица»! Синьюэ не знала, смеяться ей или плакать:

– Давай-ка лучше направь свой природный талант на изучение английского! Об этом Се Цюсы тоже сказала.

– Я помню! – откликнулась Ло Сючжу. – В будущем, если я и вправду его выучу, нужно поблагодарить ее за совет!

Были эти слова искренними или ироничными, неизвестно, но они исподволь поставили перед Ло Сючжу цель. Хорошо еще, если бы она не была как иголка с ниткой за вышиванием кисета, – куда ни уколи, все одно.

Синьюэ села рядом с ней:

– Пожалуйста, возьми свой учебник, давай прямо сейчас повторять то, что прошли!

– Thank you! – поблагодарив Синьюэ по-английски, Ло Сючжу послушно достала учебник, тетрадь и приготовилась внимательно слушать.

– Правильно, учи и практикуйся. Выучила фразу – используй. Выучишь больше и сможешь вести диалог. Нужно смело практиковать устную речь – так сказал учитель Чу! – Синьюэ начала с похвалы, потому что знала, что Ло Сючжу это нравится, но затем переключилась на дело. – У тебя проблемы с фонетикой – ты неправильно произносишь некоторые звуки. Например, ты сейчас сказала «thank you» и первый звук произнесла неверно. Вообще-то этот звук может быть глухим или звонким, но здесь он глухой.

Ло Сючжу повторила звук еще раз, но получилось не очень точно.

– Неверно, – остановила ее Синьюэ. – Не надо говорить «сы»! Обрати внимание на то, как расположен во рту язык: его кончик легонько касается верхних зубов, чуть-чуть выступая наружу. Тогда воздух проходит в тонкую щель между языком и зубами, и получается нужный звук. Смотри на меня!

И Синьюэ демонстрировала ученице, как благодаря особому положению языка образуется непривычный звук.

– Ох, ну какой же он противный, этот звук! Зачем обязательно высовывать язык? Это же некрасиво! – Ло Сючжу несколько раз попробовала повторить за Синьюэ, но у нее не получалось, и она озадаченно вздохнула.

---

[114] «Девятиголовая птица» – образное выражение, используемое для обозначения хитрого, сметливого, изворотливого человека.

Синьюэ улыбнулась:

– Изучая иностранный язык, нужно заставлять себя произносить специфические звуки этого языка, а не заменять их китайскими – так ты далеко не продвинешься. Если иностранец учит китайский и произносит китайские слова звуками родного языка, то нам это кажется смешным. И наоборот: если мы учим иностранный язык, то должны соблюдать нормы произношения, а тут без высунутого языка не обойтись. Иначе им тоже будет смешно. Разве учитель Чу не говорил, что если произношение этого звука плохое, то всю жизнь не удастся по-нормальному сказать «thank you»…

– Значит, я всю жизнь не буду говорить «спасибо», не буду никого благодарить! – сердито сказала Ло Сючжу.

– Ну хватит! С таким шепелявым звуком есть еще много слов – that, this, these, there, they, three, thing; – их избежать не получится, они относятся к часто употребляемым. И что ты будешь делать, когда они тебе попадутся? Будешь жестикулировать или говорить на языке глухонемых? Даже слово рот – mouth – заканчивается на th, так что избежать этого звука не получится, а то вообще и рта не раскроешь

– Что? – Ло Сючжу удивилась так, что широко раскрыла рот. – Это невыносимо! У живого человека должен быть mouth!

– Превосходно! – радостно воскликнула Синьюэ. – Только что ты правильно произнесла слово «mouth»!

– Правда? – воспрянула духом Ло Сючжу. – На самом деле правильно произнесла?

– Yes, very good! Попробуй еще раз! И запомни: главное – артикуляция! Нужно обязательно высунуть язык!

Ло Сючжу сказала еще раз, но язык сопротивлялся, и произношение было неточным.

Синьюэ встала, достала из-под подушки зеркальце и протянула ей:

– Смотри на свой рот и повторяй! Следи за языком!

Ло Сючжу взяла маленькое зеркало и сосредоточенно посмотрела на свой рот, словно модница, которая красит губы. – «mouth… mouth…» – на этот раз она вложила в правильное произношение все свои силы…

– Excellent! – сказала Синьюэ, не спуская глаз с ее рта.

– Что ты сказала? – спросила Ло Сючжу, не понимая, хвалят ее или хотят, чтобы она исправила ошибку.

– Я сказала, что у тебя отлично получилось! – улыбнулась Синьюэ. – Ты пока не знаешь этого слова, но быстро его выучишь. «Excellent» означает «замечательно».

– Замечательно? – подозрительно спросил Ло Сючжу. – Разве «замечательно» – это не «very good»?

– В английском языке много синонимов, много способов выразить одно значение, – терпеливо объяснила Синьюэ. – В повседневной жизни англичане говорят не только «very good». Ведь у нас в китайском тоже много синонимов: хао («хорошо»), буцо («неплохо»), тай банлэ («великолепно»). А в английском – «well», «great», а еще «excellent», который я только что использовала. Хотя значения у них близкие, слова все равно разные, и их нужно усвоить. Теперь еще раз повтори слово «рот», но уже не глядя в зеркало.

Ло Сючжу собралась с духом, боясь, что плоды ее труда будут утеряны, и плавно открыла рот:

– Mouth!

– Превосходно! – Синьюэ захлопала в ладоши. – Вот ты и выучила этот звук!

На покрасневшем лице Ло Сючжу промелькнуло горделивое выражение:

– Если так, то английский не такой уж и сложный! Почему у меня два месяца на уроках не получалось произносить этот звук? Учитель Чу преподает не так хорошо, как ты!

– Не говори глупости! Как можно сравнивать меня с учителем Чу? – Синьюэ слегка улыбнулась при мысли, что Ло Сючжу только что была в унынии, но уже воспряла духом и хвалится. Откуда ей знать – ведь и сама Синьюэ тоже пока только начинает по-настоящему изучать английский! Нельзя терять голову, едва заслышав на песчаном пляже шум волн. Впереди безбрежный океан! – Ло Сючжу, азы английского учитель Чу объяснял нам много раз. Наверное, ты была недостаточно смелой и боялась, что все будут над тобой смеяться, если ты на уроке потренируешься. У тебя первичная база хуже, чем у остальных, а ты еще и сама себя тянула назад, поэтому все больше и больше отставала. «Не бойтесь идти медленно, бойтесь стоять на месте!» Разве учитель Чу так не говорил? Тем более нельзя стоять на месте тебе! Нужно напрячь все силы и не отставать! Смотри, вот ты уже и сложный шепелявый звук освоила, хоть и с боем!

– Thank you! За это тебя надо благодарить! – Ло Сючжу произнесла фразу, которую совсем недавно клялась не употреблять вообще, и на этот раз у нее получилось намного лучше. Она встала и уважительно поклонилась Синьюэ. В этом жесте не было ни тени иронии. Ло Сючжу искренне благодарила Синьюэ за то, что та помогла ей преодолеть первые трудности, заставила выпрямить спину перед Се Цюсы и другими однокурсниками и забыть о своем страхе, когда на уроке приходится отвечать на вопросы учителя Чу. Этот поклон означал прощание с прошлым, прощание с неудачами и неуверенностью в себе…

Однако на сердце у Синьюэ было неспокойно. Она чувствовала, что на ее плечи легла не меньшая нагрузка. Пять лет будут марафоном на длинную дистанцию, всех студентов испытают на волю и выносливость, борьба за первое место в рейтинге успеваемости будет жестокой и беспощадной. В школе она неизменно была первой в классе. Сейчас, в университете, сохранить эту позицию будет сложно. На предстоящем промежуточном экзамене впервые будут соревноваться все первокурсники. Фактически боевые действия без объявления войны уже начались, и каждый студент тайком воодушевленно сражался с противниками. Например, Се Цюсы: несмотря на неуживчивый характер и мелкие недостатки, о которых ходили сплетни, в учебе она была очень прилежна, каждый день рано вставала и шла на берег озера Вэйминху заниматься английским – Синьюэ часто это наблюдала. Се Цюсы, кажется, весьма уверенно претендует на первенство! Сама Синьюэ тоже претендует на первое место, и ей хочется, чтобы имя высокомерной однокурсницы следовало за ее именем. Пусть сама ощутит вкус своих слов, брошенных ею в адрес ее народа!

Мысли Синьюэ неслись, как корабль на всех парусах. Ло Сючжу в это время погрузилась в работу: она склонилась над столом и прилежно что-то записывала.

– Что ты пишешь? – услышав старательное бормотание, Синьюэ очнулась от своих раздумий и заглянула в тетрадь Ло Сючжу. Там она увидела рисунок, под которым были начертаны китайские иероглифы, а рядом шел английский текст. Это было похоже на обучение иероглифам по картинкам.

– Это моя тетрадь, ты не поймешь! – Ло Сючжу перехватила взгляд Синьюэ и поспешно прикрыла тетрадь руками.

– Что за секрет? – Синьюэ овладело сильное любопытство; она нагнулась ниже и заглянула в тетрадь. – Неужели… любовное письмо?

– Эй, я не Се Цюсы! – Ло Сючжу вздохнула и убрала руку. – Хорошо, смотри, я так записываю звуки.

Действительно, рядом с фразой «thank you» она нарисовала рот с обнаженными зубами, между которыми виднелся красный кончик языка.

– Ну, что же, это тоже отличный способ запомнить материал. – Синьюэ почувствовала, что Ло Сючжу, наконец, старается. Однако, присмотревшись повнимательнее, она увидела, что английские звуки записаны при помощи китайских иероглифов.

– Так не пойдет! – Синьюэ указала на строку китайских иероглифов и объяснила: – Звуки английского языка другие, изображать их китайскими иероглифами нельзя! – При изучении английского лучше не использовать китайские звуки и уж тем более не записывать иероглифами английские слова. – Иначе будешь произносить все неправильно, а исправить это потом будет очень трудно.

Ло Сючжу раздраженно цокнула языком:

– Я же не разрешила тебе смотреть! А ты мало того, что посмотрела, еще и критикуешь! Это мой единственный способ запоминать слова, мой костыль, без которого мне трудно ходить. Я всегда так записываю!

– Боюсь, что этот костыль испортит тебе все! – Синьюэ взяла тетрадь и пролистала ее: все рисунки сопровождались двойными англо-китайскими надписями.

Ло Сючжу растерянно смотрела на нее.

– А здесь что написано? – спросила Синьюэ, перевернув страницу и наобум указав пальцем на одну из строк.

– Это… это я записала выражение «до завтра»! – сказала Ло Сючжу.

– Так это «see you tomorrow»? «Шэй ю то маожоу»? – Синьюэ всмотрелась в строчку иероглифов, изображающих английское произношение этой фразы, и не удержалась от смеха. По-китайски эта фраза означала: «Кто украл кошачье мясо?»

* * *

Сумерки спустились на насыщенный осенними красками кампус Пекинского университета.

На северном берегу озера Вэйминху выстроились в ряд четыре красивых корпуса: «Дэчжай», «Цайчжай», «Цзюньчжай» и «Бэйчжай». Это были общежития для учебно-административного персонала. Дверь комнаты учителя Чу с кафедры английского языка факультета западных языков в корпусе «Бэйчжай» была заперта. Учитель Чу не пошел в актовый зал смотреть фильм «Профессор Мамлок»; он отправился в восточную часть кампуса повидать профессора Яня, от которого сейчас возвращался обратно.

Профессор Янь был его наставником, а сам учитель Чу был любимым учеником профессора и после поступления в Пекинский университет все время находился под его руководством – пять лет учился, год стажировался, а в этом году и сам начал преподавать. Только находясь рядом со своим наставником, Чу Яньчао понял смысл слова «отец»: профессор Янь искренне любил его, тщательно обучал и строго руководил воспитанником. Теперь Чу Яньчао понимал, что означает пословица «Учитель и ученик – до конца жизни как отец и сын»: роль, которую учитель играет в жизни ученика порой важнее роли родителей. В 1920-е годы профессор Янь окончил Оксфордский университет и после возвращения на родину посвятил себя преподаванию английского, вырастив огромное количество молодых специалистов. Ученики Чу Яньчао, по сути, тоже были учениками профессора Яня, ведь молодой преподаватель использовал составленные им учебные пособия и приглашал его читать лекции. У профессора Яня был превосходный устный и письменный английский. Он мог бы добиться больших успехов на переводческом поприще, и по молодости у него были огромные планы на этот счет. Однако из-за преподавания их приходилось десятилетиями откладывать, а в преклонном возрасте уже было трудно найти свободное время. Вот Чу Яньчао и старался взять на себя больше работы, всячески помогая своему учителю, ведь система преподавания профессора Яня была ему хорошо знакома, да и учитель полностью ему доверял. Постепенно он стал проводить лекции самостоятельно, и ему нужно было лишь отчитываться перед наставником и получать указания по каждому учебному блоку. Он надеялся, что его старания помогут пожилому профессору сберечь драгоценное время и посвятить его переводам. Однако профессору Яню переводческая

деятельность была уже не по силам: с годами он стал часто болеть, зрение ослабло, и даже читать и писать ему было тяжело. Принимая у себя Чу Яньчао, он постоянно вздыхал: «Жизнь слишком коротка, боюсь, я не успею ею насладиться…»

При мысли об этих словах учителя дыхание Чу Яньчао участилось, и он ускорил шаг.

Вот и южные ворота кампуса. Время ужина прошло, на территории стояла тишина, свет уличных фонарей выхватывал редкие фигуры пешеходов. Видимо, все пошли в кинозал. Чу Яньчао тоже планировал посмотреть фильм «Профессор Мамлок», но, к сожалению, у него не нашлось времени: были дела поважнее кино.

Он шел на север по дороге, ведущей к озеру Вэйминху – то была долгая дорога!

Проходя мимо корпуса № 27, скрытого за деревьями, он увидел, что только в нескольких окнах горел свет, остальные были темными. Сейчас чуть больше восьми часов, и еще не время ложиться спать. Тоже, видно, ушли в кино. Он машинально посмотрел на освещенное окно, выходящее на дорогу, – это ведь комната студенток из его группы! Как? Девушки не пошли смотреть фильм и усердно готовятся к промежуточному экзамену? Хотя им меньше всех нужно волноваться: у большинства его учеников хорошая база, и с фонетикой не будет трудностей. Особенно хороши Се Цюсы и Хань Синьюэ. У Чжэн Сяоцзин много общественной работы, и, наверное, такая дополнительная нагрузка мешает учебе, но с английским у нее все более или менее в порядке. Проблемы есть у Ло Сючжу, надо помочь ей нагнать остальных…

Как и его учитель, профессор Янь, Чу Яньчао отличался острым чувством ответственности – оно и заставило его войти в корпус № 27. Надо повидать учениц. Он осторожно постучал в дверь.

– Пожалуйста, войдите! – ответил девичий голос, и было сложно определить, кому он принадлежит.

Чу Яньчао толкнул дверь, однако комната оказалась пустой. А он-то уже представил себе, как увидит четырех студенток, сидящих за столом и усердно повторяющих материал!

Он удивленно осмотрелся, медленно поднял голову и только тогда увидел пару ярких глаз: на верхней койке справа от окна сидела девушка!

– Хань Синьюэ?

– О, учитель Чу…

Чу Яньчао внезапно ощутил беспокойство, причину которого не мог понять. Возможно, он вспомнил о недоразумении, которое произошло два месяца назад, при их первой встрече. В этом году он впервые стал куратором учебной группы и постеснялся сказать студентке, что он учитель, поэтому оба и смутились, когда все открылось. Постепенно Чу Яньчао познакомился со всеми учениками своей группы и научился с ними ладить и в классе, и за его пределами. Он считал себя одним из них. Он был не намного старше своих студентов, а молодые люди легко находят друг с другом общий язык. Однако с Хань Синьюэ он больше нигде не пересекался, видел ее только в классе. Когда он вошел в комнату и обнаружил, что здесь только Синьюэ, ему стало не по себе, и он чувствовал, что девушке тоже неловко.

– Другие студентки ушли? – спросил он как будто между прочим, пытаясь разрядить атмосферу.

– Они… пошли смотреть фильм, – сдержанно ответила Синьюэ.

– А ты почему не пошла?

– Я… читаю, пока здесь тихо.

Синьюэ вдруг пришло в голову, что не очень вежливо разговаривать с учителем, сидя наверху. Она занервничала, покраснела, поспешно спустилась и растерянно сказала:

– Учитель Чу, пожалуйста, садитесь…

Увидев ее смущение, Чу Яньчао повернулся, сел на кровать Ло Сючжу и спросил:

– Какую книгу ты читаешь? Роман? Или внеклассное чтение на английском?

– О, нет, я просматриваю учебник английского, – ответила Синьюэ, взяв с кровати книгу. Когда речь зашла об учебе, ее смущение исчезло.

– Ого! – удивился Чу Яньчао, не ожидавший, что, пока остальные смотрят кино, повторять английский будет Хань Синьюэ, а не Ло Сючжу или Чжэн Сяоцзин. Когда он впервые ее увидел, ему сразу бросилась в глаза ее уверенность в себе, а теперь стала ясна и причина этой уверенности. – Ты такая старательная…

– Учитель, я боюсь, что плохо сдам… – сказала Синьюэ. Казалось, что в ее голосе нет прежней уверенности. Но говоря так, в мыслях она держала совсем другое: я не могу быть второй!

– А у тебя есть какие-то опасения? – Чу Яньчао улыбнулся.

– Учитель, вы думаете, нет причин для беспокойства? – спросила Синьюэ, надеясь узнать, как он оценивает ее позиции среди шестнадцати студентов группы.

– Хорошо, что ты можешь себя мотивировать. – Чу Яньчао не ответил прямо на ее вопрос. Он увидел честолюбивый настрой девушки, ее нежелание быть позади других и вспомнил себя в студенческие годы. Он был таким же и принимал неудачи как сигнал к действию. Считая, что другие способны его обогнать, он удваивал усилия, направленные на учебу. «Если человек думает, что все в порядке, что победа у него в кармане, – это плохо!» – подумал он, а вслух сказал: – Промежуточный экзамен несложный, и у тебя хорошая база, можно не беспокоиться. Уже в первый университетский день я слышал твой английский!

Воспоминание о знакомстве с учителем заставило Синьюэ покраснеть. Она смущенно посмотрела на Чу Яньчао и увидела его добрую улыбку: он и не собирался над ней шутить.

– Ты только в школе изучала разговорный английский? – спросил Чу Яньчао.

Он всегда чувствовал, что Синьюэ чем-то отличается от других учащихся. Ее разговорная речь звучала так, будто она в детстве изучала английский как родной.

– Нет, – сказал Синьюэ, – я многому научилась у отца, когда была маленькой.

– Твой отец живет за границей?

– Нет, он работает в сфере внешней торговли, в компании по импорту и экспорту предметов декоративно-прикладного искусства. Ему на работе часто приходится говорить на английском…

– О! – Чу Яньчао наконец нашел ответ: оказалось, что это было влияние отца и семейного окружения. С раннего возраста она развивала свои речевые навыки, отрабатывала безошибочное произношение и чувство языка. Это редкие условия для развития способностей к иностранному языку! Сердце Чу Яньчао дрогнуло, и он невольно вспомнил о своем отце. У него тоже мог бы быть такой отец, но, к сожалению, он знает его лишь по бесконечным вздохам матери: «Твой отец писал замечательные статьи, великолепно говорил на английском…» То, что когда-то было, что должно было быть, – не принадлежало ему. Когда другие без злого умысла делились с ним счастьем ощущения отцовской любви, в его душе пробуждалась тихая грусть и легкая, беззлобная зависть. Хань Синьюэ была счастливицей: ей повезло родиться в удачное время, в нужном месте и в счастливой семье, не говоря уже о том, что она была красива и хорошо образованна. Она прямо-таки рождена для занятия иностранным языком! У молодого учителя невольно возникло желание беречь этот талант, хотя его внимание Синьюэ привлекла еще два месяца назад, при первой встрече. Она была так застенчивой, что покраснела еще до того, как начала говорить. И в то же время она была очень смелой: едва переступив порог университета, решилась беседовать на английском и говорила вполне свободно! Эти две вроде бы противоречивые черты слились в ней воедино и оставляли глубокое впечатление. Еще тогда в его душе промелькнуло что-то неопределенное, что он был не в состоянии трезво оценить. Теперь же, два месяца спустя, образ Хань Синьюэ стал более отчетливым. Благоприятные условия жизни и твердая решимость идти вперед открывают перед этой девушкой широкие перспективы, и, как куратор группы, он ощутил при этой мысли волнение и радость.

– Собираешься в будущем заниматься внешней торговлей, как твой отец? – он не знал почему, но ему хотелось знать больше о стремлениях этой студентки.

– Нет, мой отец большую часть жизни изучал культурные реликвии и антиквариат, а я в них не разбираюсь. У меня свой путь, – вырвалось у Синьюэ, и она испугалась. «Другой путь» – это как-то чересчур, да еще прямо заявить об этом учителю. Она чуть покраснела, но все-таки попыталась прощупать почву: – Учитель, мне нравится литература, и я хочу быть переводчиком…

Сердце Чу Яньчао снова дрогнуло. Именно это выбирал и он, когда был студентом. К сожалению, после выпуска из университета у него не было времени продвинуться в этом направлении: его основным занятием было преподавание базового английского! Слова Синьюэ не могли не взволновать его.

– То, что ты выбрала, на мой взгляд, очень важное дело! Знакомить Китай с иностранной литературой, продвигать китайскую литературу в мир – у нас так мало специалистов в этой области! Множество известных произведений не переведены, – вздохнул он.

Профессионализм учителя Чу всегда восхищал Синьюэ. Теперь же ей стало ясно и другое: у них с учителем общие стремления. Она не сдержалась и спросила:

– Учитель, почему после окончания университета вы не…

Ей стало неловко, и она замолчала, так и не договорив.

Чу Яньчао все понял. Он с улыбкой ответил:

– Трудно сказать. Жизнь часто шутит с людьми. Я хотел шагнуть в эту дверь, но вошел в другую! Меня могли направить переводчиком в «Издательство литературы на иностранных языках», но Пекинскому университету нужны были преподаватели, и я остался. Я взращен Пекинским университетом! – эмоционально выпалил он. Сделав паузу, он продолжил: – Преподавание тоже очень важно. С вами я сам чувствую себя студентом…

В сердце Синьюэ возникло двоякое чувство: она была рада за учителя и в то же время досадовала, что ему не удалось реализовать свои устремления.

– Учитель, мы будем дорожить драгоценной возможностью учиться, будем старательно и прилежно учить уроки, а еще…

– Спасибо тебе, Хань Синьюэ, – искренне сказал Чу Яньчао, словно она была для него не ученицей, а близким другом. – Я стараюсь что-то делать в свободное от преподавания время…

Он вдруг замолчал, не желая продолжать эту тему, и взглянул на Синьюэ.

– Тебе не стоит ограничиваться учебниками, следует больше практиковаться в реальном языке, больше читать. В библиотеке есть много известных английских произведений в оригинале. Все они – наши безмолвные учителя: суровый Чарльз Диккенс, негодующий Томас Харди, ироничный Марк Твен, меланхоличная Шарлотта Бронте… все они ждут тебя!

Когда Чу Яньчао ушел, Синьюэ осталась одна: ее соседки еще не вернулись из кинозала. Размышляя над словами учителя, она открыла окно, посмотрела на мерцающие звезды, и вдруг почувствовала, каким бездонным стало небо.

* * *

Промежуточный экзамен закончился.

Все шестнадцать студентов пришли в аудиторию на урок английского пораньше, чтобы узнать свои оценки. Это был их первый университетский экзамен. Хотя он не давал официального рейтинга, для студентов он был очень важен, поскольку определял их статус: по количеству полученных баллов можно было судить об уровне знаний каждого и о его месте в списке группы. Все они были счастливчиками, отобранными из тысяч кандидатов со всей страны и сумевшими поступить в Пекинский университет. Кому хочется увидеть свое имя последним?

Хотя экзамен оказался не сложнее вступительного испытания, все студенты подошли к делу серьезно, боясь допустить ошибку и лишиться балла.

Никто не хотел показывать свое беспокойство. Только Ло Сючжу тревожилась, оглядываясь по сторонам, будто ища единомышленника. Она надеялась, что другие тоже волнуются, и что она не станет единственной несдавшей и не будет чувствовать себя неловко на пересдаче. Она посмотрела на Синьюэ: та была совершенно спокойна. Она посмотрела на Се Цюсы, которая шепталась с Тан Цзюньшэном: у той на лице была загадочная улыбка, а ее собеседник что-то бормотал, загибая пальцы, – они явно кого-то обсуждали. Ло Сючжу инстинктивно поняла, что они говорят о ней. Это ужасно – если Се Цюсы снова засмеется ей в лицо, она не выдержит! Она посмотрела на Чжэн Сяоцзин, их взгляды встретились, и та улыбнулась! Староста увидела, что однокурсница очень нервничает, и, не заостряя на ней внимание, обратилась ко всем:

– Товарищи, успокойтесь, это просто пробный экзамен, неважно, хорошо вы его сдали или нет! Даже если результаты у кого-то будут желать лучшего, не надо падать духом…

Ло Сючжу решила, что Чжэн Сяоцзин ее утешает: видимо, она провалила экзамен!

Чжэн Сяоцзин не успела договорить, как прозвенел звонок, и вошел учитель Чу. В аудитории стало тихо, а у Ло Сючжу душа ушла в пятки.

Чу Яньчао подошел к кафедре, положил на нее стопку экзаменационных работ, улыбнулся и сказал:

– С этим промежуточным экзаменом все неплохо справились. В первой половине семестра мы изучали фонетику и сделали первые шаги в грамматике, и вы в основном все усвоили. Видя, что у большинства студентов есть определенная база, я получил согласие профессора Яня не ограничиваться содержанием лекций и добавил в экзаменационные вопросы упражнения из следующих уроков, а также материалы из внеклассного чтения. Цель – понять потенциал учеников. К счастью, все студенты группы сдали экзамен.

По аудитории прошел тихий шепот. В глазах многих присутствующих экзаменационные задания были пустяком, и студенты ждали подробностей. Только в сердце Ло Сючжу разразилась буря; по щекам у нее потекли горячие слезы. Наконец-то она сможет выпрямить спину на уроке английского!

Чу Яньчао взглянул на нее:

– Я хочу особо отметить студентку Ло Сючжу. Она впервые столкнулась с английским в университете, и, чтобы достичь хорошего результата, ей пришлось преодолеть трудности, о которых другие студенты даже не догадываются.

– Учитель, это Хань Синьюэ мне помогла, – неожиданно призналась Ло Сючжу. Приехав в Пекин из уездного городка, она все еще каждым движением напоминала сконфузившуюся провинциальную школьницу

– Помощь товарищей важна, но, конечно, еще важнее личные усилия. Садитесь! – приободрил ее Чу Яньчао. – Девять учеников, то есть больше половины группы, получили высший балл. Но одну из экзаменационных работ я хочу использовать сегодня для разбора в аудитории. Эта работа – самая настоящая пятерка и может служить образцом. Сравните с ней свои работы и найдите отличия – для всех это будет полезно.

Чу Яньчао взял верхнюю контрольную работу, и сидящий впереди студент вытянул шею, желая узнать, чья она. Вдруг его?

Когда Чу Яньчао взял мел и приготовился писать на доске, то услышал, как студенты строят догадки о том, чья это работа, и приготовился назвать имя лучшего студента группы.

Се Цюсы застенчиво опустила голову: она, конечно, знала, что учитель будет говорить о ней, и кроме нее не может быть никого другого! Прилюдная похвала учителя – это очень почетно, хотя при этом и возникает чувство неловкости.

Все, кто сидел рядом, с завистью посмотрели на нее: она была лучшей из лучших и потому совершенно недосягаемой.

Голос Чу Яньчао всем сотряс барабанные перепонки:

– Лучшая экзаменационная работа – у студентки Хань Синьюэ!

Аудитория пришла в волнение, и всеобщее внимание, сопровождаемое восхищенными взглядами и шепотом, мгновенно переключилось ту, кого назвали лучшей. Сердце Се Цюсы опустилось…

Чу Яньчао замолчал и, заметив странное состояние Се Цюсы, добавил:

– Конечно, Се Цюсы тоже получила пять баллов, но над лексикой еще можно поработать. С грамматикой все хорошо, но в литературном плане есть некоторые упущения. Конечно, требования, о которых я сейчас говорю, относятся к самому высокому стандарту. Теперь проанализируем экзаменационную работу Хань Синьюэ…

На сердце у Синьюэ стало неспокойно. Она превзошла Се Цюсы, заняла первое место в группе – это была цель, которую она перед собой поставила, а теперь достигла заслуженного успеха. Однако нельзя останавливаться на достигнутом. Хотя Се Цюсы все равно жаль: она тоже надеялась быть лучшей, но не смогла.

* * *

Небо над озером Вэйминху было все в закатных облаках. Вдоль берега желтели плакучие ивы, софоры и гингко, а на озерном островке красоту пурпурно-красных деревьев подчеркивала пышная хвоя зеленых сосен – и все ярко отражалось на спокойной водной глади. В центре острова, на каменных ступенях рядом с павильоном, сидела Синьюэ. На ней были бежевые брюки и белый свитер, а на коленях лежала книга – это был китайский перевод романа «Джейн Эйр». Синьюэ читала сосредоточенно, подолгу замирая на одном месте, словно сама была беломраморной статуей посреди рощи:

«…Вы думаете, что если я не богата и незнатна, если мала ростом и некрасива, то у меня нет души и нет сердца? Вы ошибаетесь!»[115]

Синьюэ не могла как следует сосредоточиться на книге, на конфликте между Джейн Эйр и мистером Рочестером. В ее ушах все время звучал другой голос – голос Се Цюсы, которая после объявления результатов промежуточного экзамена выражала в общежитии свое недоумение, не стесняясь присутствия Синьюэ: «Ну что это такое? Учитель Чу заботится о нацменьшинствах!» Тогда Чжэн Сяоцзин с серьезным видом остановила ее: «Эй, все правильно, надо уделять внимание национальной политике…» Синьюэ лежала на кровати лицом к стене, не двигаясь и не подавая голоса, и ее соседки думали, что она спит. А она все прекрасно слышала! Что значит «заботится о нацменьшинствах»? Что значит «уделять внимание национальной политике»? Неужели она, родившись хуэйкой, всегда должна занимать низшее место и не имеет права в чем-то превзойти других? Неужели даже успех, которого она добилась сама, – это благотворительность и милость других?

> «…у меня такая же душа, как и у вас, и, безусловно, такое же сердце!.. Я говорю с вами сейчас, презрев обычаи и условности и даже отбросив все земное; это дух мой говорит с вашим духом, словно мы уже прошли через врата могилы и предстоим перед престолом Божьим, равные друг другу, – как оно и есть на самом деле»[116].

Долго не переворачивая страницу, она словно слышала, как Джейн Эйр и мистер Рочестер – нет, как Се Цюсы и Чжэн Сяоцзин – ссорятся! На страницу упал кленовый лист, и она, вздрогнув, медленно закрыла книгу, встала и пробормотала: «Человеческие души равны…»

---

[115] *Бронте Ш.* Джейн Эйр. Учитель / Пер. В. Станевич. М.: Эксмо, 2011. С. 329.

[116] Там же.

Она спустилась по каменным ступеням, обернулась и вдруг увидела, что позади молча стоит, глядя на нее, Чу Яньчао!

– Синьюэ, тебя что-то огорчило, не так ли? – мягко спросил Чу Яньчао.

– Учитель Чу! – Синьюэ с обидой посмотрела на учителя. – Я не понимаю, почему…

– Нечего и говорить, – спокойно сказал Чу Яньчао. – Ло Сючжу мне все рассказала. Однако я вовсе не хотел это слышать и не собираюсь критиковать Се Цюсы и Чжэн Сяоцзин.

– Почему? – спросила Синьюэ, подумав, что учитель слишком мягок. – Неужели они правы? Студент из нацменьшинства на уровень ниже других? Человеческие души равны!

– Да, – ответил Чу Яньчао. – Национальности не делятся на высшие и низшие, люди не делятся на благородных и худородных, души равны между собой. Ты это показала. Поэт Байрон говорил, что по-настоящему благородный человек не кривит душой в попытках снискать чужое внимание и не боится презрения. Непонимание и предвзятость со стороны окружающих вовсе не страшны – страшно потерять веру в себя. Если ты веришь в себя, то и нечего говорить. Истина всегда проста, всегда скромна и не требует дополнительных разъяснений. Как любые украшения избыточны для подлинно красивого человека!

Синьюэ ощутила, как из ее сердца, словно порыв ветра, вышла печаль. Она почувствовала, что по сравнению с учителем мыслит слишком узко, раз позволяет сплетням докучать себе: они того не стоят! Посмотрев на кромку озера Вэйминху, она взбодрилась и сказала:

– Учитель, я припоминаю Гюго, которому небо казалось более величественным зрелищем, чем море…

Чу Яньчао продолжил:

– И еще более величественной, чем небо, казалась ему глубина человеческой души.

Синьюэ улыбнулась:

– Спасибо вам, учитель!

– За что? Ты понимаешь меня, и я счастлив, – он взглянул на книгу в руке Синьюэ. – Но шедевры иностранной литературы лучше читать в оригинале.

– Да… но «Джейн Эйр» на английском из библиотеки уже забрали, и надо ждать, пока книгу вернут, – сказала Синьюэ.

– Не надо ждать, у меня есть экземпляр, завтра я его принесу!

– Завтра? Учитель, а можно сегодня? Можно пойти и прямо сейчас взять у вас книгу? – Синьюэ сгорала от нетерпения.

– Ну… – Чу Яньчао слегка поколебался и принял решение. – Конечно, можно, мое общежитие рядом, пойдемте.

Они обогнули павильон, прошли по тропинке, пересекли каменный мост и оказались на берегу, перед корпусами университетских общежитий.

Комната Чу Яньчао предназначалась для двоих, но все равно была маленькой. Хотя учитель и жил один, здесь было очень тесно из-за обилия книг, занимавших почти все свободное пространство, за исключением односпальной кровати и письменного стола. Книги уже не помещались на полке и лежали даже на стуле и на чемодане.

– Пожалуйста, располагайся. Видишь, у меня тут все по-простому, – сказал Чу Яньчао с улыбкой, – скромно, но без тени самоуничижения, – и, уступив Синьюэ единственный стул, сел на кровать.

Синьюэ не торопилась садиться. Она с любопытством осмотрелась вокруг: обстановка, несмотря на беспорядок, отличалась продуманностью и вкусом.

– Учитель, вы и цветы выращиваете? – она указала на полоскательницу для кистей, стоявшую на книжной полке и служившую цветочным горшком. Из нее тянулись вверх нежно-зеленые листья, и их бодрый весенний дух прогонял надоевшую унылость осенних дней. – Учитель, как называется этот цветок?

– Это драцена, профессор Янь привез ее из-за границы, это его подарок, – сказал Чу Яньчао. – У меня нет особой любви к цветоводству – я ничего не смыслю в том, как надо удобрять, обрезать, подкармливать растения, да и свободного времени у меня не так уж много. Драцена очень живучая, не нуждается в особом уходе, ей нужна только чистая вода! Сначала здесь был только стебелек, а теперь выросло несколько листьев – все за счет ее собственных сил…

Синьюэ подошла и внимательно посмотрела на полоскательницу с драценой. И правда, в ней была лишь чистая вода, в которую и был опущен стебелек, – удивительно, как он смог пустить корни! Был и маленький росток, тянувшийся из почки размером с рисовое зернышко, которая лопнула в верхней части стебля.

– Учитель, у молодого побега столько силы, что он смог пробить кору!

– Это сила жизни, – Чу Яньчао подошел и нежно посмотрел на лопнувшую почку. – Он так долго сидел в стебле, так долго готовился, копил силы, вот и вырвался в одночасье наружу, способный все сокрушить, проявил свой характер, упрямо вытянул ветку и выпустил лист!

– О! – Синьюэ притягивала и увлекала за собой эта удивительная сила, таящаяся не только в безмолвной жизни растения, но и в спокойной, уверенной речи учителя. А он вовсе не застенчивый – эмоции, которые он проявляет, говорят о сильном характере!

Синьюэ перевела взгляд с драцены на книги – они полностью закрывали стену. В этих неодушевленных, безмолвных кипах бумаги, среди множества строчек и букв кипела своя, пышно цветущая жизнь.

Среди книг она обнаружила скрипку.

– Учитель, эта ваша скрипка? – радостно спросила она. – Я не знала, что вы умеете…

– О, нельзя сказать, что я умею, мне просто нравится, – смущенно ответил Чу Яньчао. – А что, ты тоже любишь играть на скрипке?

– Нет, я никогда не умела на ней играть, но я очень люблю слушать…

– Правда? А какие произведения ты любишь?

– В музыке я дилетант, – с грустной улыбкой призналась Синьюэ. – Паганини, Моцарт, Бетховен – их произведения я не очень хорошо понимаю. Мне нравится наш скрипичный концерт «Лян Шаньбо и Чжу Интай»[117].

– Вы тоже его любите? – спросил Чу Яньчао так, словно встретил близкого друга.

– Да, как только я слышу эту мелодию, то забываю обо всех тревогах и чувствую, как моя душа и мир вокруг меня очищаются, как будто нет ни мирской суеты, ни шума, ни сутолоки, а есть только длинный ручей, спокойно текущий и вливающийся в сердце… – Синьюэ замечталась, описывая свои ощущения… – Вероятно, это и есть то, что в литературе описывают выражением «задеть струны души»?

Чистота и невинность этой девушки, ее слова, лишенные всякого жеманства, так захватили Чу Яньчао, что он почувствовал, будто сам очищается и видит этот спокойный чистый ручей истинной жизни.

– Учитель, вы сыграете что-нибудь?

– О, нет, нет, – покраснел Чу Яньчао. – Я в этом далеко не мастер и никогда не играл для других…

– Вы же говорили, что главное – верить в себя, – Синьюэ вдруг решила «поразить врага его же оружием».

---

[117] Лян Шаньбо и Чжу Интай – герои средневековой легенды о любви юноши по имени Шаньбо и девушки Чжу Интай. Узнав о гибели возлюбленного, она предпочитает смерть назначенному браку с другим. В день свадьбы Чжу Интай едет мимо могилы Лян Шаньбо и молит его забрать ее к себе. Могила разверзается, и девушка прыгает в нее. Души молодых людей превращаются в бабочек. Другое название этой истории – «легенда о влюбленных-бабочках».

– Я… в музыке я совсем в себя не верю! – с сожалением сказал Чу Яньчао. Он почувствовал себя виноватым из-за того, что не смог выполнить просьбу Синьюэ, но у него не хватало смелости сыграть ей мелодию, которую она так любила.

Чтобы скрыть свое беспокойство, Чу Яньчао указал на стул и сказал:

– Садись! Поговорим о твоей учебе. Какие книги ты читала? Какие у тебя впечатления от романа «Джейн Эйр»?

Синьюэ смущенно улыбнулась.

– Какие впечатления? Вы же сами мне все сказали! Из этой книги я узнаю о вере в себя, о самосовершенствовании! – она села на стул, и ее взгляд упал на стопки книг и рукописей, лежавших на столе, – все были на английском языке. Она поняла, что именно этим занимается учитель в свободное от преподавания время, и вместе с любопытством почувствовала уважение. – Учитель, вы переводите художественную литературу?

– Я еще не закончил… – Чу Яньчао с застенчивой улыбкой протянул вперед руку, чтобы убрать со стола рукописи. Выполнена была только половина работы: он не ожидал, что его бумаги кто-то увидит, поэтому и бросил их небрежно на столе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.